

Алина Зайкова

ПРИМАНКА МИНОТАВРА

"Но можно было и не платить. Был другой выход, бесплатный. Обычные люди так и называли его с трепетом — Бесплатный Выход. Я же, как и все другие проводники, не стеснялась его настоящего названия — Лабиринт".

Перенаселённость мира угрожает самому существованию человечества, и Правителям приходится построить смертоносный Лабиринт, а в качестве приманки к нему — единственный доступный обычным людям курорт. Серая — лучшая из всех, кто помогает людям живыми пройти через Лабиринт. Но Лабиринт начинает свою охоту на Серую, заставляя проникнуть в самые глубокие свои тайны.

Часть 1. Бесплатный сыр. Зарисовка 0. С чего всё начиналось

Серая, август 3340 года

Всё началось, когда Правители в очередной раз выслушали последние прогнозы учёных. Увы, но было слишком много людей. Если так пойдет и дальше, нас ожидает голод, нехватка продуктов и лекарств, и, как следствие, возможен всплеск какой-нибудь жуткой болезни, которая уничтожит почти всё человечество — так уже бывало, и не раз.

В прошлый раз — а это было всего несколько сот лет назад — мы были почти на грани вымирания. Начался голод, тем более ферм на Венере было тогда на порядок меньше. Некоторые быстро разбогатели на скупке продуктов, другие умирали от голода. Началась паника. Скупщики стали действовать более решительно. Продовольственные склады опустели. За ними и аптечные. Правители даже не успели вмешаться — так быстро это случилось.

Тогда произошедшее показало несовершенство системы. Главная беда была в том, что в первую очередь погибали врачи и учёные — тогда это была менее оплачиваемая работа, да и мужчины, особенно учёные и врачи, вертеться особо не умеют.

А тут начался новый сезон гриппа. Грипп на самом деле — очень долгоживущий вирус, говорят, он существует уже более тысячи лет. При этом каждый год он мутирует, и иногда даже по несколько раз. Учёные научились предсказывать мутации с довольно большой вероятностью, и вовремя разрабатывать вакцины. Но тут, из-за того что часть учёных погибла, мы не успели. В результате особо смертельная мутация гриппа скосила больше восьмидесяти процентов населения. И, говорят, это ещё всё «обошлось», могло быть и хуже, если бы последние исследователи вовремя не наткнулись на вакцину.

Конечно, лет через сорок Правители снова взяли всё под контроль. Чуть позже, когда население восстановилось, приняли несколько законов, контролирующих рост населения. Теперь обычным людям нельзя было иметь больше одного ребёнка, запрещены дети между обычными и Высшими. Ограничили количество продуктов, лекарств и прочих товаров для обычных людей. В частности, полностью запретили обычным посещать места отдыха — начиная с кафе и пляжей и заканчивая горнолыжными курортами. Как следствие, большую часть мест отдыха просто закрыли. Людей с них перебросили на продовольствие и здравоохранение.

И сейчас, если ничего не предпринять, история могла повториться, и не факт, что мы бы успели разработать вакцину. Хорошо ещё, что это вовремя заметили.

Запрещать рождаемость было опасно — это бы привело к демографической яме. Так что единственный способ — повысить смертность.

Так что Правители выслушали учёных... и приняли решение. Сократить население на восемнадцать процентов в течение двадцати лет. Или около процента в год. Этого было бы достаточно, чтобы наладить темпы производства и настроить экономику так, что дальнейший рост будет приемлемым и неопасным.

Так появился Лабиринт.

Я, как человек, знакомый с прогнозами (хоть он и не был доступен для обычных людей,

но связи, как известно — наше всё), тоже была согласна с идеей небольшого геноцида. А что делать? Умереть всем вместе или позволить умереть небольшой части людей? Выбор просто очевиден.

Так что существование Лабиринта было полностью оправдано. Я, когда увидела рекламу, долго смеялась, восхищаясь хитроумным и весьма циничным решением Правителей. Только они могли додуматься до столь изящного добровольного геноцида.

Конечно, про Лабиринт обычно не говорят, все говорят только про Лазурный курорт, единственный доступный всем курорт во всём мире, место, где собраны всевозможные удовольствия, и где только и можно познать Счастье.

Я не знаю, как выглядят остальные курорты — всё-таки я обычный человек, не Высший, — но здесь действительно здорово. Здесь были бары и кофейни, горнолыжные курорты и лазурное море, аттракционы, шоу, экскурсии и бесконечные пляжи. А главное — такое редкое в наше время солнце.

Каждый мог побывать в этом удивительном месте. Было целых два входа, они же и выходы. Можно войти через любой, какой тебе по душе (мне вот всегда был по душе бесплатный, но это уже профессиональная привычка). Но если ты выходишь через платный выход, то приходится оплатить всё, что ты накушал-наплавал-назагорал. Всё. А это, особенно для людей, не умеющих экономить или потерявших голову от разнообразия чудес, входило в копеечку. И иногда они тратили намного больше, чем планировали, и приходилось оставаться здесь, на курорте. Искать подработку или продолжать отдыхать.

Но вот только отпуска у всех были ограничены. Если ты не вернулся с отпуска, тебя могли уволить. Из-за перенаселения рабочих мест на всех не хватало, так что найти работу было не так-то просто. А если ты не нашёл работу в течении полугода без веских на то причин (к примеру, достаточно редких сейчас проблем со здоровьем), то в один прекрасный день просто исчезал. И неважно, где ты был в этот момент — даже внутри Лазурного курорта.

Но можно было не оставаться здесь и не платить. Был другой выход, бесплатный. Обычные люди так и называли его с трепетом — Бесплатный Выход. Я же, как и все другие проводники, не стеснялась его настоящего названия — Лабиринт.

Зарисовка 1. Навстречу солнцу

Неизвестная, 17 августа 3340 года

Высокая, полноватая женщина в разодранной одежде, не разбирая дороги, не оглядываясь, бежала по тёмным извилистым лабиринтам. Она заходила в тупики, но, ни на секунду не прекращая движения, так же разворачивалась и продолжала бежать, словно какое-то чутьё вело её к выходу.

— Энн... Анюткин... Таба, — беззвучно шептали её губы.

В какой-то момент она замешкалась на колыхающейся почве — и мгновенно провалилась, оказавшись в таком же на вид коридоре. Кажется, с одной стороны было немного светлее.

Женщина испуганно обернулась, словно почуяла чьё-то смердящее дыхание, и еще быстрее кинулась по направлению к свету.

Несколько десятков метров, всего один поворот — и она оказалась в светлом по сравнению с предыдущими коридорами зале, шириной в несколько сотен метров. Немного резало глаза от яркости.

— Ключевая, — пронеслось у неё в голове. Накатило ощущение безопасности: кажется, это последняя точка. К тому же, здесь можно было отдышаться, подарив несколько минут блаженства лёгким, разуться, баюкая сбитые ступни...

Она упала прямо на пол и нервно засмеялась осипшим голосом. Она выжила? Или это ещё не конец? Нервно вздымалась грудь, руки дрожали. На секунду она впала в забытие, но резкий шум сзади заставил её очнуться и подскочить.

Мгновение — и к ней метнулась тёмная тень. Женщина, не успевая задуматься, оттолкнула её — кажется, тень чертыхнулась, — и бросилась дальше, в один из просторных коридоров. После краткого отдыха продолжение мучительной гонки далось ещё труднее. В израненные ноги при каждом шаге словно вонзались тысячи кинжалов, во рту чувствовался привкус крови, а глаза то и дело застилала мутная пелена.

— Зачем это всё? Твои подруги не спаслись, и тебе не суждено, — противно вещал в голове чей-то чужой голосок. Она в ответ лишь поджимала пересохшие, обезвоженные губы так, как это умеют только женщины, и бежала дальше. Женщина знала, что её мечта близка, но сейчас даже мысли о какой-то там мечте казались святотатством. Единственное, чего она хотела — выжить.

И она всем своим существом стремилось к выживанию. Как только она найдёт выход, нужно будет думать, что делать дальше: копить деньги, нанимать проводников, идти обратно. Или же забыть обо всем и погрузиться в блаженство, которого ей никогда не доводилось испытать? Но сейчас это было неважно. Сейчас она хотела просто оказаться в безопасности, подальше от этого пугающего места, подальше от мыслей о своих подругах и едкого звука чужого хищного дыхания.

И она бежала, не обращая внимания на чьи-то возгласы и гнилостную вонь, запахи разлагающихся тел. Она даже не успевала задуматься о причине вони. Кто-то сбоку дёрнул её за лохмотья, оторвав кусок, а женщина даже не обратила внимания.

Дверь. Деревянная, огромная дверь во всю ширину подземного коридора. С трудом откинув её, она увидела чистое, без единого облака небо и яркое солнце, которое ослепило её на несколько мгновений.

Она качнулась, сделав несколько шагов назад и облокотилась боком на стенку туннеля. Да. Это было правда. Лазурный курорт действительно существовал, и здесь действительно ярко светило солнце. Всё предшествующее путешествие казалось ей просто ночным кошмаром. Небо... Здравствуй, чистое небо, ты действительно прекрасно! Эти несколько дней лишения стоили того, чтобы увидеть тебя.

Гнилостный запах остался, и из глубины пещер доносились какие-то крики, предупреждения... но женщине было не до того. Она смотрела на небо. Она снова вспомнила о когда-то своих самых близких, самых надёжных подругах и ей стало грустно — не из-за того, что их необдуманное путешествие закончилось гибелью для трёх из них, а из-за того, что они так и не увидели чистое небо.

Внезапно, вопреки грустным мыслям, ей захотелось танцевать, и её первым порывом было тут же вскинуть руки, покружиться, подпрыгнуть и, наконец, выйти навстречу солнцу — но одежда прилипла к стене. Она упёрлась рукой, чтобы оттолкнуться, и опешила — рука намертво прицепилась к стенке. Послышался скрип — это дверь медленно закрывалась, отгораживая от неё столь долгожданную мечту. Из-за спины снова послышалось чьё-то чужое, хищное дыхание, и, пытаясь отлепить руку как можно скорее, уже почти мёртвая женщина осознала свою ошибку...

Зарисовка 2. Зарисовки

Серая, 3 сентября 3340 года

Солнце едва-едва встало, когда я, потягивая безумно вкусный тропический микс с ананасом, шоколадом и каким-то новым генетически выведенным фруктом, аккуратно доштриховывала последние детали картины.

Сидела я в огромной тропической хижине, где почти все занимались тем же — рисовали, лепили, вышивали. Творили. Тут же был учитель «на все руки», а в углу громоздился огромный шкаф с материалами — дорогими для гостей курорта, и бесплатными для меня. Я же один из лучших проводников Курорта, находящийся в законном отпуске.

Пляж мне надоел после пары недель безделья, периодически я отправлялась на горные склоны, чтобы промчаться с вершины горы на санках или лыжах. Я попробовала теннис, волейбол, регби и даже гольф, но рисование зацепило меня больше всего. К тому же, я, похоже, нашла то, что у меня действительно получается. Помимо проводничества, конечно.

В левом верхнем углу картины сияло солнце. А в правом нижнем темнел вход в Лабиринт, в глубине которого светились два кошачьих глаза. Довольно символично. И, что характерно, именно над этими глазами мне и пришлось работать дольше всего: при встрече с саблезубиками времени разглядывать их очаровательные мордочки нет, а выражение голода, тоски и осознанности жизни, которое я так ненавидела у местных млекопитающих, мне передать хотелось.

Наконец, работа оказалась закончена. Последние штрихи аккуратно легли на бурый массив скалы, за которым скрывался целый мир. Вот если бы бросить всё и только рисовать...

Мои размышления прервал Анкин, подходя своей упругой, по-кошачьи пружинящей походкой, и лениво потягиваясь. Я ласково улыбнулась ему — и засмотрелась на завораживающее перекачивание мускулов под кожей, чуть не пролив коктейль на свою картину.

— Чёрт, Анкин, ну ты же знаешь, как это на женщин действует?

— Знаю, именно поэтому и делаю, — он подмигнул.

— Скажи спасибо, что я всё-таки не пролила коктейль. Иначе заставила бы восстанавливать картину.

— Ха, какие мы строгие! Но согласись, Серая, ты реагируешь на порядок адекватнее других женщин.

— Ну так еще бы! Боевой товарищ как-никак.

Мы с Анкиным как-то вместе проходили Лабиринт, «туда», ну, то есть, «сюда», на Курорт. Я только что проводила трёх клиентов за раз, а обратных желающих нанять проводников намного меньше — зачем, если есть человеческий вход? Так я с ним и познакомилась: он отчаянно хотел стать проводником и попросил меня показать ему Лабиринт. Я не отказалась.

Он стал единственным известным мне мужчиной, кто прошёл его без всяких взвизгов, прерывистого дыхания и фразочек типа «А-а-а, давай уйдём отсюда!» Нет, я видела немало спокойных мужчин, но все они Лабиринт.... терпели. Он же так спокойно реагировал на всё

вокруг, что это было... слишком заметно. Над ним даже потешались немного из-за чересчур спокойного, «не мужского» поведения, но смело приняли в клан проводников. И он водил — часто, хорошо и с удовольствием; часто даже богатенькие женщины соглашались на то, чтобы их вёл мужчина, надеясь в темноте лабиринта воспользоваться моментом.

Но он, в дополнение ко всем своим странностям, не вёлся на такие штучки. Между посетителями курорта прошёл слух о его мужской несостоятельности, но клиентов меньше не стало.

А я знала правду. Между прочим, то наше путешествие было одним из немногих, когда я чуть не сдохла. И всё из-за того, что он меня поцеловал прямо под носом у громадного мерзкого паука! Нет чтобы подождать, пока мы пройдем в более безопасное место, илиотрежем пауку парочку лап (ну какотрежем? Отрубим! Взорвём! Сломаем!), или же просто зальём кислотой глаза. Нет, видите ли, Анкин оказался любителем острых ощущений. Хорошо ещё, что мы проходили просто вдвоём, а то из-за нашего «отвлечения» парочка клиентов вполне могла оказаться съеденными. Это мы привыкли отбиваться от живности в самые неожиданные моменты и в самых неожиданных позах, а они стоят и ждут, пока проводник разберется со всеми опасностями и можно будет идти дальше.

В общем, за такое поведение, я, конечно же, его отчитала, но он, вместо того чтобы покорно склонить голову, как нормальный мужчина, только усмехнулся. Прямо как баба, чёрт.

Так мы и стали друзьями. Он ко мне подкатывал периодически, но меня смущало его необычное поведение, да и не привыкла о ком-то заботиться. Лучше иметь хорошего друга, чем груз в виде отношений.

Его тоже, судя по всему, что-то смущало или пугало: слишком редко и ненавязчиво он подкатывал, да и не настаивал никогда ни на чем.

Вот и продолжаю проливать коктейли, засмотревшись на спящую в его теле силу, а он всё так же мягко и очень ненавязчиво подкатывает.

Но в Лабиринт я с ним больше не ходила. Мало ли, вдруг на этот раз он решит меня поцеловать в желудке у змеи, когда, извините, каждая секунда на счету.

— Что рисуешь? — интересно ему, как же. Наверняка подошёл не просто так: слишком напряжённый взгляд.

— Да так, ничего особенного, — отмахнулась я. — Передаю свои философские размышления на тему Курорта и Лабиринта.

— Философствовать девушке не к лицу, — он ухмыльнулся. Я раздражённо вздохнула.

— И ты туда же! Сексист ты, вот кто.

— Кто бы говорил, крушительница надежд, — подколол он меня.

Это он вспоминал мне последнее заседание Совета проводников. Ну да, я отказалась взять того паренька в проводники. Но не потому, что он мужчина, а потому, что он — ребенок! Выдумал тоже. А Анкин, как ни удивительно, был на его стороне.

— Мы это уже обсуждали, — цокнула я. — Говори уже, почему это ты вдруг пришёл с утра пораньше. Я тебя ждала не раньше обеда.

Он нахмурился, и мне это совсем не понравилось.

— К тебе клиенты.

— Клиенты? У меня только сегодня отпуск заканчивается, — простонала я.

— Ага. И, кажется, именно по твоей части. Прошли через обычный вход, решили на пару вечеров затусить, да попались на интересные коктейли. Итог: две недели здесь, через

платный выход пройти не могут — денег не хватает. Но на твою работу хватит.

Да-а-а, случай жёсткий. Прошли через вход — значит, в Лабиринте не были. А значит, будут шугаться всего на свете, дороги не знают, работать с проводником не умеют. А главное — зверушки будут по максимуму.

Две недели интересных коктейлей — это еще круче.

Интересными мы называли коктейли, которые расслабляли, поднимали настроение, окрашивали жизнь в яркие краски. Я один раз случайно попробовала такой коктейль, хорошо, что вечером надо было в Лабиринт идти, а то долго бы потом отходила. А так адреналин быстро снял все эффекты.

Но если интересные коктейли пить регулярно, понижается интерес к жизни. Это значит, что кто-то может сесть перед каким-нибудь крабом-переростком и расслабиться. Ну, «депрессия» это у них такая. А у меня профессиональная гордость — ни одного человека рядом со мной не сожрала. Приходится вытаскивать, чуть ли не на себе тащить.

Я теперь интересные коктейли по запаху узнаю. И избегаю. А то помню я девушку со странным именем Синий и глазами цвета незабудки. Когда-то она была моей подругой. Мы с ней часто обсуждали всё на свете — начиная с политики и заканчивая цветом носков. Но вдруг она куда-то пропала, потом появилась — но сама не своя. Ничего не объяснила, ничего не рассказала. Два месяца пила, потом снова исчезла. То ли в Лабиринт сунулась, то ли это очередная лазейка геноцида — раз спился, значит в помойку. А может, просто сдохла. Море пьяных не любит, да и склоны — тоже.

— Сами от коктейлей отошли?

— Да. Один из них куда-то пропал, они испугались, стали искать, вот и отошли. И мозги на место встали. Сейчас вот ищут человека, который готов всю их банду за раз провести. И очень хотят, чтобы именно ты их вела.

— Банду? Сколько их?

— Восемь.

Я произнесла длинное непечатное выражение, которое кратко описывало возможность различных соотношений Лабиринта, саблезубиков, летучих мышей и парочки грызли.

Восемь человек — это очень, очень плохо. Я больше шести только один раз проводила, и то «туда». Обрато та компания предпочла выйти через платный вход — очень уж впечатлил их переход, даже дня на Курорте не пробыли. И вот теперь — восемь человек, ни разу не бывавших в лабиринте, идут «обратно», и я, три месяца ни «туда», ни «обратно» не заглядывавшая. Была бы парочка клиентов, можно было бы их в охапку и галопом по Лабиринту. Всегда приятно, когда есть такая возможность. А тут — восемь. Даже если я двоих на себе потащу, что делать с остальными?

С другой стороны, сами отошли от коктейлей. Иной раз и с чужой помощью от них не отойти. Вот Синий не отошла, хотя, говорят, её Высшие вытащить пытались.

Значит, всё-таки будут стоять друг за друга. Это мне на руку, пока они будут, хм, стоять, я и смогу опасность ликвидировать.

— А почему за раз? И почему именно меня?

— Да они какие-то то ли друзья, то ли родственники, боятся друг за друга. Ну, ты знаешь, общность группы даёт иллюзию безопасности. Да и денег у них... только на одного проводника, хоть и по максимуму. А ты уже имела дело с таким количеством людей, да и не теряла никого, поэтому они тебя и хотят, — Анкин развёл руки, как будто ему было жаль вытаскивать меня из отпуска.

Я действительно не потеряла еще ни одного человека. Профессиональная гордость, как я хвасталась, или любовь к людям, как поговаривали другие проводники. И я готова была рисковать собой ради клиентов, даже тогда, когда другие проводники шли бы дальше. Даже Анкин уже через пару месяцев работы потерял своего первого клиента. Бешеная схватка с двумя саблезубыми тиграми, обернулся — а того нет. Видимо, третий съел, он как раз проходил мимо, облизываясь.

Я потом долго утешала Анкина. Наконец-то он вёл себя, как мужчина — расплакался, даже потребовал принести ему интересный коктейль. Так ему и сказала. Что смерть того человека — вполне достойная плата за то, что ты теперь ведёшь себя, как и подобает мужчине. Он почему-то обиделся, от коктейля сразу же отказался и потом неделю со мной не разговаривал.

— Ну ты же знаешь, что я три месяца там не была! И что мне вполне хватит денег выйти, даже если я проторчу тут год, может, Мнейка поведёт? Она тоже водила большие группы...

Когда я провела туда и обратно довольно богатую семейную пару, я очень хорошо поправила своё финансовое состояние и запросила официальный отдых на три месяца, которые как раз сегодня закончились. По кодексу проводников, больше брать нельзя: всё-таки нас не так много, да и Лабиринт способствует нашему, хм, уменьшению. Но втайне я надеялась совсем бросить это занятие: мне стало скучно и одновременно страшно. Лабиринт переставал быть интересным, и становился всё опаснее. А я совсем не была адреналиновым наркоманом, как большинство из нас.

— Мнейка только утром вернулась из Лабиринта, четверо суток там торчала с двумя мужчинами, — в его речи слово «мужчина» звучало как ругательство. И, в принципе, как проводник, я его понимаю: обычно это хилые учёные или инженеры, бегать быстро не могут, драться не умеют, легко подсаживаются на интересные коктейли, и чуть что — сразу в панику. Даже лишний вес стараются не брать — ну как же, они же мужчины, хрупкие и нежные, женщины должны о них заботиться. Тем более проводники. — Ей нужно отдохнуть.

Мы очень редко отрывали кого-то от отдыха после перехода, и то — только если выбора не было. Уставший проводник — с вероятностью процентов в пятьдесят попросту труп. Так что я смирилась.

— Ладно. Когда надо идти?

Я поняла ответ по его обречённому взгляду, и, к своему сожалению, не ошиблась.

— Они хотят чем быстрее, тем лучше.

Зарисовка 3. Оценка рисков

Анкин, 3 сентября 3340 года

Мы шли к гостинице Серой через ряд великолепных бунгало, ночных клубов и детских площадок. Дети радостно бесились возле самых немыслимых аттракционов, взрослые предпочитали бары. Кто-то на теннисном корте лениво махал теннисной ракеткой — больше для пафоса, нежели для удовольствия или азарта. Были здесь и поля для гольфа, и аквапарки, и громадный ипподром... Жаль, что это всё не могли оценить толпы празднично шатающихся людей. Им, в большинстве своем, было довольно солнца, пляжа и бара под боком.

В отличие от всех этих бездельников, меня, когда я здесь впервые очутился, заинтересовало не солнце — под его палящими лучами на Марсе даже в специальных комбинезонах было просто невыносимо, — и не море — плавания мне и так хватало, как часть профподготовки. Меня просто потянуло в планетарий. Единственное место на Земле, где всем желающим удавалось посмотреть на небо, прослушать краткую лекцию по выбранной теме — конечно же, относящейся к космосу. Меня интересовали полёты в космос — так далеко, как только возможно... Эх, если бы мы до сих пор отправляли космонавтов на исследование ранее недостижимых уголков Вселенной — хотя, фактически, это мы были в единственном известном крошечном уголке, а космос, до которого мы могли даже просто дотянуться — был бесконечен... Если бы космические исследования до сих пор продолжались — я бы первым встал в очередь на полёт!

Но, увы, последние тысячу лет показали нерентабельность. И то благо, что нам удалось колонизировать Марс и Венеру — правда, Марс использовался лишь как военный полигон, а Венера — как огромная ферма. Но на это были потрачены баснословные суммы денег и ещё большее количество человеческих жизней.

Возможно, если бы среди населения планеты было больше достойных людей — тех же Высших, которые на первое место ставят работу, а не безделье, — мы бы смогли пойти дальше. А пока...

А пока я ждал Серую у её гостиницы. Это был светлый четырёхэтажный дом в третьей береговой линии с изящными балкончиками. Я там был несколько раз — к сожалению, мои визиты пока были исключительно дружескими, — и обстановка внутри была ничуть не хуже, чем снаружи. На такой отел денег хватало у немногих, и встретить здесь случайных работяг, с трудом накопивших на отпуск, было невозможно. Неплохо она устроилась, видимо, с последним заказом ей действительно повезло. С другой стороны, деньги проводникам на Курорте не особо-то и нужны: их требуют только на платном выходе, а им Серая вряд ли когда-либо собиралась воспользоваться. А вот бесплатным — прямо сегодня. И виноват в этом, к сожалению, я. Конечно, скоро ей бы направили какую-нибудь работу в любом случае, но жаль, что именно мне — и именно таким марсиански сложным заказом пришлось вытаскивать Серую из отпуска. Эти три месяца она казалось такой счастливой...

Но работа есть работа. Хоть Серая и ворчит, я-то знаю, что она действительно любит свою работу, как и сам Лабиринт. Пусть это и несколько болезненная любовь, тесно смешанная со страхом и ненавистью, но, подозреваю, она только помогала Серой выживать

до сих пор и спасать всех своих. Только вряд ли она поможет сейчас: после трёхмесячного отпуска восемь человек — слишком большая компания. А среди них уже есть как минимум один нежилец. Само по себе это было не страшно — ну, можно списать как естественные потери еще в начале пути и заботиться только о тех, кто действительно хочет выжить, без ненужного балласта, но, зная Серую — она вряд ли позволила бы такому случиться. Она всегда была готова тащить своих клиентов хоть на руках, и спасать их даже ценою своей жизни. А этого-то я и боялся.

Как мне рассказала Зарина — именно она из группы и нашла меня, она была на Марсе в одно со мной время и не преминула воспользоваться знакомством, — один парень из их компании захотел развестись со своей женой, потому что любит другую девушку. А жена давно мечтала о ребёнке, которого им вот-вот должны были разрешить. Вот он и решил покончить жизнь самоубийством. Наглотался коктейлей, зашел поглубже в воду, попытался нырнуть и вдохнуть воды. Конечно, у него ничего не получилось — умереть специально во все времена было сложнее, чем погибнуть в результате какой-нибудь нелепой, идиотской случайности. Так он и трясся несколько часов на волнах, пока тело не ослабело. К счастью, товарищи к тому моменту обнаружили, что его где-то нет, мгновенно протрезвели и спасли парня. Но вряд ли он сильно изменил своё мнение насчёт желания жить. Разве что Лабиринт вправит ему мозги — или же его супруге. Это он умеет.

В общем, банда-то еще та, с ними сюрпризов не оберёшься. Хотя то, что они так легко спаслись от коктейлей, говорит само за себя. К тому же, я видел среди них двух близнецов — значит, их родители были Высшими, все остальные имели право только на одного ребёнка. А дети Высших заведомо имеют условия чуть лучше: чуть больше времени могут провести с родителями, чуть больше выбор учителей, чуть лучше лекарства и намного больше возможностей заниматься спортом — по крайней мере, до совершеннолетия.

Может, всё обойдётся? А то, что среди них есть нежилец — так это даже хорошо, главное, чтобы он всё-таки сдох, и Серая не отправилась его спасать, рискуя собой...

Серая должна была уже переодеться, так что я поднялся по лестнице и, вежливо постучав, распахнул дверь номера. Девушка как раз держала в руках свою любимую открывашку.

Зарисовка 4. Сборы

Серая, 3 сентября 3340 года

Я взметнулась в свой номер, натянула чёрно-серый кожаный камуфляж. Конечно, от зубов, когтей или жвал многочисленных монстров Лабиринта он вряд ли защитит, но вот от мелких неприятностей в виде содранной кожи или случайных выкрутасов вредных клиентов — вполне. В косу я вдела ярко-красную ленту. Цвета выбраны не случайно. Камуфляж — чтобы зверушки не заметили, лента — чтобы свои не прикончили.

Вокруг пояса повязала прочную, но тонкую и почти невесомую веревку, кинула на кровать легкий рюкзак со всем необходимым — от маленькой горелки для кулинарных экспериментов в походных условиях до походной аптечки, способной помочь в ситуациях от инфицирования и до потери ноги. У Анкина, конечно, аптечка побольше, да и навыки первой помощи посolidнее, но это легко объясняется тем, что моим клиентам части тела отрывает гораздо реже. Всё равно и моя аптечка, и сменная одежда, и топорик для скола огненного камня — всё было наивысшего качества. Я ещё вчера тщательно сложила рюкзак, хоть и надеялась, что пригодится он мне не сегодня. Закончив с припасами, я переключилась на оружие.

У каждого проводника было своё любимое оружие. Кто-то предпочитал лазеры или огнестрелы, но таких было меньшинство. Бесшумных винтовок или пистолетов почти не было, а любой шум в Лабиринте мог привлечь новые опасности, а то и вызвать обвалы. Хотя проводники с огнестрелами и проходили Лабиринт на порядок быстрее, но и людей теряли на порядок больше.

Кто-то ценил луки или арбалеты. Я понимала их приверженность, но для меня немислимо было красться в полной тишине, готовясь в любой момент выстрелить. Я же предпочитала холодное оружие. Сталь и метеоритное железо. У кого-то из проводников были мечи из керамики, но, как по мне, не дело использовать в бою то, что может разбиться при неаккуратном обращении. Другое дело — сталь с нужными примесями...

Сдерживая радость от встречи, взяла в руки любимую открывашку — раскрывающийся ножик, наточенный так остро, что он мог резать кости как масло. Повертела её, ловко перебирая пальцами — одно удовольствие! Лёгкая, удобная, быстрая, у неё был и еще один приятный момент... Мои размышления прервал стук в дверь.

— Ты знаешь, что теперь запрещают брать открывашки на курорт? Как и любое холодное оружие. Даже металлоискатели поставили на входе. Обычном, конечно же.

— Запрет на огнестрелы был хотя бы понятен. А это... Не знала, спасибо, Анкин, — и почему он всегда узнаёт всё самым первым?

— И всё-таки я выхожу, а не вхожу. Да и через Лабиринт, а не через эти металлоискатели. Кроме того, контрабанду еще никто не отменял.

Я усмехнулась. Правила всё ужесточались, но здесь у меня было полно зачак разного холодного оружия, а также контактов тех, у кого можно было достать ещё что-то интересное. Если были нужные связи, то ничто не мешало прикупить их как здесь, у местных умельцев, так и во внешнем мире. Конечно, такое пытались контролировать, но это было на порядок сложнее, чем кажется. Узнать, что творилось в самом Лабиринте было и вовсе невозможно.

Не знаю, случайно ли так получилось, или же это были очередные долгоиграющие планы Высших, но запретить что-то в Лабиринте мог разве что сам Лабиринт.

Подумав, захватила несколько метательных лезвий, запасную открывашку, тонкий длинный ятаган и немного взрывчатки. Кто знает, как изменился Лабиринт за последние три месяца? Каких монстров и ловушек туда добавили?

— Я бы взял побольше, — серьёзно сказал он. — Всё же чем дольше ты на курорте, тем более милых зверушек выпускают, а клиенты твои вошли через обычный вход... Да он и сам по себе стал... опаснее. Кроме того, вряд ли у всех из них есть хотя бы туристические ножики.

— Учтём, — я серьёзно отнеслась к его предупреждению. Странно, что сама не подумала о клиентах — такой огромной группе нужна была хотя бы минимальная защита. А как известно, лучшая защита — нападение. Конечно, вряд ли они умеют обращаться с оружием, а слишком сильно нагружаться и зря нагружать других тоже было опасно — каждый килограмм веса мог стать решающим при длительной пробежке или во время схватки. Но опыт у Анкина уже сравнялся с моим, с учетом моего длительного отпуска и его популярности у дам. Так что, пожалуй, к его советам можно было и прислушаться.

Достала несколько универсальных, но испорченных ножей — один со сломанной ручкой, другой чуть затупился, третий — со сколом на лезвии. Их давно пора было выкинуть, но я надеялась починить, да руки не доходили. Пусть будет подарком для клиентов — мне не жалко, а им такой мусор может и жизнь спасти. Еще захватила набор метательных лезвий и вторую верёвку, несколько гранат. Надела тяжелые армейские ботинки — теперь в таких только снег на Марсе месили, но мне вот удалось достать несколько пар, спасибо связям. Отправила в рюкзак недельный рацион «сухой» пищи и фляжку воды, легко накинула его на плечи. Я надеялась, что мы будем на месте уже завтра, но предосторожность не помешает. Окинула взглядом себя в зеркало, пробежалась мыслями по всем возможным ситуациям и кивнула приятелю:

— Ну, веди к своим, хм, талантам.

Они стояли рядом с самым известным входом в Лабиринт. Шептались и испуганно заглядывали внутрь. На долю секунды мне их стало жалко: наверняка долго копили деньги, долго планировали один-единственный волшебный вечер, а вот оно как всё вышло. Им бы теперь живыми выйти.

Я внимательно осмотрела их: надо понять, кто есть кто, чтобы знать, куда соломку... Три пары и еще две девушки. Первая пара — довольно толстые мужчина и женщина. Жмутся друг к другу, шутят, пытаются подбодрить всю группу. Боятся — хорошо, не показывают своего страха — еще лучше. Будем работать. Вторая пара — невзрачный парень с претензией на спортивность и девушка с косым разрезом глаз. Парень обнимает девушку, пытаюсь прижаться к ней сильнее и заглядывает в глаза: как ты, держишься ли. Девушка просто стоит, терпеливо перенося объятия и иногда раздражённо отстраняясь от парня. Так же раздраженно она смотрит и на всех окружающих. Здесь только что была какая-то ссора? Она плохо себя чувствует? Или, что вероятнее, просто девчонка со скверным характером? Впрочем, это может быть и временное плохое настроение, мне-то главное, чтобы меня она слушалась беспрекословно, а ангельское выражение лица или не ангельское — Лабиринту всё равно. Сдохнуть здесь можно с любым.

Третья пара была самая странная и удивительно диссонировала как с другими, так и друг с другом. Полноватая женщина с простоватыми чертами лица, явно разозлённая на что-

то, и щупленький мужчина, чувствующий себя явно не в своей тарелке. Я сразу поняла, что это и есть властная ревнивая супруга, сражающаяся за то, что ей на самом деле не нужно, и её бедный супруг, неудачливый самоубийца. Ну и одиночки — молодая девушка с большущими глазами, лет тридцати, не меньше, очень похожая на спортивного парня. Она всё время жалась к нему, беседуя и с братом, и с его женой, но при этом не сводила взгляд с третьей пары. Взгляд хищницы, которая своего не упустит. Последней оказалась немного низенькая и слегка полноватая, но явно крепкая женщина с полным арсеналом оружия, смотревшая вокруг бодро и даже с вызовом. Ей, пожалуй, смерть точно не грозит.

Они о чём-то тихо переговаривались. Я слышала только отрывки фраз «С проводниками только десятая...», «Серая никого...», «Лучшая». Увереннее всех говорила последняя, с арсеналом оружия. Она же махала руками, пытаюсь всем что-то втолковать, и её же мне не удалось подслушать: она первая почувствовала мое приближение и единственная мгновенно развернулась, чем заслужила еще одно очко в свою пользу.

— Привет, леди! И джентльмены, — рявкнула я, привлекая внимание. Ребята вздрогнули, обернувшись. Да, нервы у них, конечно...

— Я — Серая. Тот проводник, которого вы так хотели, — позволила себе усмехнуться. В ответ — робкие, заискивающие улыбки. Бр-р-р. — Я буду главной на протяжении всего перехода. Правило первое: слушать меня. Всегда. Даже если я говорю — прыгать в глотку к тигру — сгруппироваться и прыгнуть, желательно, не теряя при этом части тела. Вас много, поэтому за всеми вами следить сложно. Если я прикрываю нас в одном месте, а с другой стороны вас пытаются съесть, ваша задача — крикнуть мне и продержаться как можно дольше. В других случаях кричать строго запрещается.

— Если у вас есть режущие предметы, положите их так, чтобы было удобно достать при случае. Если нет, найдите, поделитесь и так далее. Возможно, будут моменты, когда нам нужно будет вспарывать желудок, в котором мы оказались, изнутри. Если такой момент случится — вспарывайте, желудочный сок тигра полностью переваривает жертву за сутки. Включая кости. У всех есть оружие?

Низенькая женщина протянула два скромных ножа третьей паре. Хоть так. Первая пара погладила огромные тесаки, прикрепленные к поясу. Хм, поварской набор? Интересно. Но объясняет их вес. Девушка-одиночка переглянулась с братом и усмехнулись, — конечно, ножи у них были. Последней девушке я выдала нож с щербинкой. В общем, приемлемый расклад. Дальше.

— Дальше, — повторила я вслух свои мысли. — Всё лишнее, — я окинула взглядом безразмерные рюкзаки, пару фотоаппаратов и несколько огромных пакетов: наверняка с едой и наборами сувениров. — Всё лишнее при необходимости выкинуть, не задумываясь. А лучше выложить прямо сейчас. И дальше, если будет стоять вопрос: вещь или человек, избавляйтесь от вещи. Если будет вопрос: кто-то из вас или я — избавляйтесь от кого-то из вас, тогда у остальных есть шанс дойти живыми. Сейчас я отойду, а вы пока подумайте, что вы уже можете оставить и можете ли вы распахать вещи по поясам, рюкзакам и сумкам через плечо? Пакеты все выкинуть, сразу же.

— Дальше. Я ни разу не теряла людей. Но никогда и не вела такую большую группу «обратно». Поэтому слушаться меня беспрекословно, за непослушание буду отрезать пальцы, — я повертела в руках открывашку, потом ловко спрятала её. — Потом пришивать. Потом снова отрезать.

Кто-то судорожно вздохнул, кто-то хихикнул. Жаль, что большинство всё же не

поверило — раз я никого не потеряла, то априори белая и пушистая, в их понимании. Ну, предположим, своим я действительно вреда не причиняла. А вот про агрессивно настроенные группы, которые встречались мне в Лабиринте и отчаянно хотели захватить мое оружие и еду, они как-то не думали. Не удивительно.

— Вопросы?

— А почему «сюда», в смысле, «туда» проще, чем «обратно»? — спросила молоденькая девушка. Краем глаза я еще раз отметила её сходство с невзрачно-спортивным мужчиной. Близнецы или просто брат с сестрой? В любом случае, их родители — Высшие. Может, и будут адекватнее остальных.

— Как тебя зовут? Крайя? Отлично, — если у меня была большая группа, знакомилась с ней я на второй ключевой точке, на первом привале: раньше я просто не могла запомнить все имена. Да и не видела смысла. Но если кто-то привлекал моё внимание, всегда спрашивала имя.

— Во-первых, потому что «обратно» ходят чаще. Поэтому и сделали «обратно» сложнее. Да и зверушки «туда» базовые, скромненькие, а «обратно» выпускаются в зависимости от длительности пребывания. Я была здесь три месяца. А вы вообще входили через другой вход... Зверушки будут очень милые, можете мне поверить, — я в предвкушении улыбнулась, а лица присутствующих вытянулись — очень доверчиво и взволнованно.

— Поэтому, господа, если еще раз надумаете отдыхать — возьмите проводника и «туда» тоже. «Обратно» будет стоить намно-о-ого дешевле. Да и вам самим проще будет. На порядок.

Я осмотрела их и тут же вычеркнула пару простейших маршрутов. Там были достаточно узкие места, и если я протискивалась с трудом, то полные мужчина с женщиной — интересно, сколько они весят? — туда бы точно не поместились. Оставались еще варианты, но я решила сама слазить и посмотреть хотя бы проход до ключевой точки, — всё-таки меня не было здесь три месяца, — а им указала место, где они должны были меня ждать.

Зарисовка 5. Наблюдение

Анкин, 3 сентября 3340 года

Проводив Серую к клиентам, я решил немного понаблюдать за ними и опустился на изящную лавочку. Одно удовольствие смотреть, как она их строит — даже если сама заметно нервничает. А нервничать было с чего: восемь человек, ни разу не бывавших в Лабиринте, — не самая лучшая компания. Но даже несмотря на всю его сложность, на всех его монстров и ловушек, на моей памяти еще никому не подсовывали того, с чем человек не в силах был справиться физически. Поэтому в Лабиринте чаще всего исчезали те, кто был слабым по-настоящему, в ком не было моральной силы, желания жить. Как этот... нежилец.

А Серая нарушала это негласное правило, вытаскивая всех, с кем ей приходилось работать. Это было неправильно и сулило ей немало проблем. Она уже больше тридцати человек вытащила почти что с того света, — и это только те, про которых мне известно. Четверо из спасённых ею нежилецов пропали в свои последующие проходы по Лабиринту с другими проводниками, остальные туда больше старались не соваться. Хотя вот её последний нежилец стала проводником. Но это было всё равно неправильно.

Конечно, нет ничего плохого, чтобы помочь пройти человеку, достойному жизни. Но вытаскивать практически с того света нежилца...

Самое плохое, что так думал не только я, но и многие Высшие, и, что важнее, Лабиринт. Уж не знаю, управлялся ли он людьми или чем-то вроде искусственного разума, но я наблюдал за последними путешествиями Серой. Лабиринт подсовывал ей существ посложнее, добавлял новые пещеры и как-то даже использовал психотропный газ. Пожалуй, она была единственной, ради кого Лабиринт шёл на такое.

Но Серая по-прежнему спокойно проходила Лабиринт, вытаскивая всех до единого, безосновательно рискуя своей жизнью.

С другой стороны, разве я бы обратил на неё внимание, если бы она была такой же жёсткой и бессердечной, как подобает женщине?

В школе нам рассказывали о временах, когда мужчины были сильными и смелыми, а женщины сидели в пещерах, воспитывали детей и решали вопросы, первостепенные для племени: объединяться ли с соседями, перейти ли на новое место, увеличить ли рождаемость. Но чтобы приносить всё больше и больше еды, мужчинам пришлось стать умнее и даже научиться создавать оружие. В результате они полностью ушли в науку и политику. А женщины, в свою очередь, стали о них заботиться и защищать. Мужчинам запретили участвовать в войнах да и вообще подвергать жизнь опасности. Как же иначе? Чем больше умных людей было в племени, тем лучше можно было продумать стратегию войны или добычи пропитания и топлива. Мужчины стали чувствительными интеллектуалами, теоретиками, а женщины — жёсткими практиками.

Но я не был интеллектуалом, и в своё время мне пришлось доказывать, что я имею право вступить в клан проводников. Я был здесь единственным мужчиной, и притом с неплохой внешностью, что и обеспечило мне хороший доход от любимого дела. С содроганием я вспоминал годы после Марса и до проводничества, когда мне, не способному к стандартной мужской деятельности, пришлось зарабатывать на жизнь своим телом. С

одной стороны, я был рядом с прекрасными женщинами и делал их жизнь счастливее. С другой стороны... права выбора у меня не было. Я должен был делать свою работу хорошо, несмотря на личные симпатии и предпочтения.

И сейчас из-за моего пола мне доставались в основном только дамочки. Мужчины доверяли больше женщинам-проводникам, невзирая на длительность работы и статистику. И эту группу мне так и не удалось убедить отказаться от Серой, хоть я и предлагал свою кандидатуру. Я их понимаю: высокая, крепкая, смуглая, со смешинкой во взгляде и безупречной репутацией, разве мог кто-то быть лучше неё?

Но я знал, что Лабиринт наверняка начал против неё свою охоту. Это может быть и подлость, и честный бой — неважно, способы убийств в Лабиринте совершенствуются с невообразимой скоростью. А я просто не мог её потерять.

Пока Серая проводила инструктаж, я внимательно наблюдал за всей группой. Моя предыдущая работа привила мне определённые навыки — или, скорее, знания. Знания человеческих душ. Может, я и не знал их глубинных мотивов, тайных страхов или выстраданных желаний, но я могу с определённой долей уверенности сказать, чего от них можно ожидать. И то, что я видел сейчас, мне не нравилось.

Группа была... разрозненная. Да, даже невооружённым взглядом было видно, что у них есть определённые связи, но этого было недостаточно. Здесь не было той общности, которая позволяет двум соратникам встать спиной к спине и отбиваться от противников — часами, если понадобится. Здесь не было того терпения, которое бы позволяло неделями ухаживать за другими, или того бесстрашия, чтобы отдать жизнь за другого человека. Хотя... бесстрашие или лихую удаль можно было вполне разглядеть в Зарине. Может, оттого, что она сама по себе была несчастной — и старалась быть хотя бы полезной другим, чтобы оправдать своё существование. И в ответ её ценили — но не как близкого человека, а как крупного, дружелюбного к своим и агрессивного к чужакам дворового пса.

Совсем другое впечатление на меня произвела пара среднего возраста, стоящая чуть в отдалении от всех. Они словно дышали спокойствием и близостью. Похожие друг на друга и размерами, и выражением лица, им даже не надо было касаться друг друга, чтобы передавать мысли. Во время речи Серой они не раз переглядывались — и, если бы я не знал наверняка, что технологии, позволяющие читать мысли, ещё не доработаны, я бы подумал именно про них. А то, как синхронно они показали свои тесаки, меня окончательно очаровало.

Близнецы... От них было слишком много шума. Слишком много для тех, кто мог бы занять высокое положение в обществе. Их избранники и того хуже — на их лицах читался страх и растерянность, и, похоже, они единственные, кто поверил угрозе Серой про отрезанные пальцы.

Оставалась «собака на сене», как я её про себя назвал. Женщина, мечтающая о ребёнке. Я понимал, что ребёнок — это важно, и для кого-то это могло быть главной целью в жизни... но не единственной же! С другой стороны, если ты живёшь год за годом, думая всё об одном... Разве может быть иначе? Может, эта великая цель и подстегнёт её пройти Лабиринт и даже помочь другим это сделать. Допустим, своему — пока ещё, — мужу.

Инструктаж подошёл к концу. Серая отправила группу к месту встречи: наверняка, собралась разведать начало в одиночку и выбрать достаточно впечатляющий вход. Конечно, Лабиринт не начнёт охоту, пока вся группа не войдёт. Я помахал ей издали рукой, и ушёл собираться. Она не должна даже подумать, что я поставил под сомнение её способность

Выжить — и позволить выжить другим.

Будем считать это развлекательной прогулкой.

Зарисовка 6. Начальный осмотр

Серая, 3 сентября 3340 года

Я забралась в расщелину скалы и прыгнула. Пролетев метров пять, пружинисто и твёрдо встала на ноги. Здесь уже было темно, по крайней мере после Лазурного Курорта, залитого светом. Ощупала тёплый твёрдый камень вокруг себя... Отлично, вот лаз. Протиснулась в него.

Больше всего в Лабиринте я ненавижу такие вот узкие лазы. С одной стороны, они практически всегда безопасные, с другой, я чувствую себя как в ловушке: движения ограничены, даже дышать полной грудью невозможно. Если из стен вылезут скорпионы или кровожадные кроты, да даже если на меня набредут те миниатюрные волки — я обречена почти наверняка. В прошлый раз, провожая богатую семейную пару, я еле спаслась — но, надо отдать должное, они себя проявили неплохо: поймали кинутую им верёвку и вытащили меня. Сейчас меня вытащить будет некому. Но, надеюсь, ничего и не случится. В конце концов, это же только разведка — и Лабиринт каким-то образом это знает.

В Лабиринте было еще одно правило: не думать о плохом. Варианты, конечно, просчитывать надо. Но если ты начинаешь верить в возможность собственной смерти, ты почти наверняка обречён. Так ушли Дей, Сентябринка, Рина, — одни из первых основателей клана. Сражаться они умели на порядок лучше меня, но умение сражаться — это же ещё не всё...

Аккуратными, медленными движениями я проползла через узкое место и вытолкнула себя в просторный холл — одну из ключевых точек Лабиринта. Ключевыми точками мы называли уникальные места, которые почти невозможно было обойти. Они были огромны — здесь могли бы поместиться человек двести или даже больше; сравнительно безопасны, но разве может что-то быть действительно безопасным здесь? А ещё на них почему-то всегда были выходы горючего камня — черного, блестящего, пористого антрацита. Всего точек было десять — и по странной случайности, располагались они весьма удобно для всех путешественников. Первый привал — на второй точке, второй привал — на четвёртой. Ночевка на шестой. На восьмой — ещё один привал, и дальше — не отвлекаясь. Разве что на десятой точке подготовиться к выходу из Лабиринта — спрятать или перепродать вещи, которые способны вызвать подозрения снаружи. Так десятая точка стала своего рода официальным контрабандным рынком. Вышние то ли не знали об этом, то ли тоже им пользовались...

А вот на первой ключевой обычно почти не было людей и костров — так как было недалеко до выхода, здесь не останавливались; или останавливались те, кто выходил во второй половине дня. Под потолком, как на любой ключевой, находились шарики — шерсть, натёртая фосфором, изыски то ли проводников, то ли инструкторов, но местами было всё равно тускло. Я стала медленно обходить извилистое помещение в поисках удобного выхода.

Внезапно мой взгляд упал на тень на стене. Сначала я подумала, что это моя тень, но разглядела нечто прямоугольной формы на месте руки. Непорядок.

— Какая у меня интересная тень, — пробормотала я и подождала пару секунд. Действительно, тень медленно, настороженно приближалась к другой тени, поменьше и

пошире в плечах. Я нащупала открывашку...

Всё, теперь можно. Я резко развернулась и приставила любимую открывашку к горлу противника.

— Ты не трогаешь меня и моих клиентов. А я оставляю тебе жизнь. Договорились?

— Договорились, — скривившись, прошипел человек с лицом, словно изъеденным кислотой. В Лабиринте нельзя было нарушать договоры, он тщательно за этим следил. По крайней мере, первые пару месяцев. Сейчас же просто не находилось смельчаков, решившихся это проверить.

— Отлично, брат.

Передо мной стоял мужчина, явно не наделённый высоким интеллектом. Иначе он не стал бы промышлять разбоем у самого входа. Да и в принципе — промышлять разбоем.

Прямоугольную тень отбрасывало огнестрельное оружие довольно старой модели. Вообще, огнестрельное оружие почти не развивалось — в нём не было смысла: охотиться было нельзя, воевать было не с кем, только на Марсе и использовались некоторые плазменные модели, стоящие на строгом учете, — тогда как холодное совершенствовалось и раскупалось в огромных количествах. Взять хоть бы тот же Лабиринт, если я начну палить по какой-нибудь рептилии, я могу попасть по тому, кто находится за ним, даже если этого кого-то не видно, или же по тому, кто в нём. В общем, большинство обходилось холодным оружием. Зато как обходилось! Особо сильные проводники могли легкой катаной отрубить голову саблезубику, что, учитывая его размеры, было даже для меня невозможно. Да я даже шкуру его с трудом пробивала!

Мы с моим новым знакомым кивнули друг другу и разошлись. Проверив несколько туннелей и откинув парочку из-за узкости, пару — из-за длины, и еще один — из-за едва заметного муравейника в земле, я нашла мало заметный, достаточно удобный выход, который должен быть коротким и выходить почти к моим клиентам. Почти обычный коридор, если бы не слизь на стенах. Естественно, её нельзя было трогать тем, кто не желал остаться приклеенным навечно. Несколько полуразложившихся трупов, кстати, тут уже было.

Коридор показался мне новым — три месяца назад я о нём не знала. Споро прошла по нему, аккуратно открыла дверь — слава богам, она была не в слизи. Отличный выход.

Конечно, дверь находилась на возвышении, так что моим клиентам нужно было еще забраться по почти отвесной скале. Но это даже хорошо, неплохая разминка перед Лабиринтом.

Я свистнула, засунув два пальца в рот. Мои клиенты стояли довольно далеко, но услышали меня и повернулись. Парень-близнец что-то сказал остальным и они медленно побрели ко мне. Хорошо, что догадались, что я их зову — для некоторых и это было непросто. Они стали подниматься вверх: где-то — ползком, где-то — неуклюже карабкаясь на следующий уступ. Я внимательно наблюдала, кто из них с удовольствием помогает другим, кто старается забраться самостоятельно, а кто стоит и ждёт помощи. Такими, как я и ожидала, оказались только муж и жена из третьей, проблемной пары. Хотя первая пара, намного более полные супруги — настолько, что я даже немного волновалась за их самочувствие и шансы перейти Лабиринт, — спокойно, неторопливо поднимались, помогая друг другу и окружающим.

Пока я их ждала, меня ожидал еще один сюрприз. В какой-то внезапный даже для меня момент словно из ниоткуда ко мне подошла молодая стройная женщина в форме

инструктора с девочкой лет двенадцати. Не понимаю, как эта женщина здесь оказалась, да еще так незаметно? Хотя для инструкторов — людей на службе у самого Лабиринта — мало что оказывается сложным. О них ходило множество слухов — и дурных, и хороших, — и мало кто знал, что из этого было правдой. Говорили, что они занимались ловушками и монстрами — хотя поверить в это было сложно. Кто-то говорил, что они разводят монстров; кто-то — что отлавливают. Отслеживают договоры, выводят детей, следят за чистотой и порядком, убирают трупы... Глупости. Трупы в Лабиринте убирать было не нужно — хватало живности, которая могла разделаться с любой падалью. Разве что у входа, как сейчас. Отслеживать договоры по всему Лабиринту у них не хватило бы ресурсов. Порядок на ключевых точках поддерживали сами проводники. Но иной раз они предупреждали проводников о том, что Лабиринт на несколько дней «закрит», а несколько раз даже посоветовали хорошие маршруты. Возможно, что-то подобное ожидало меня и сейчас. Но всё равно я собралась и напряженно ждала её слов.

— Нужна помощь, проводник. Лея потерялась, её нужно вывести. Родители погибли по пути «туда». А ты как раз ведёшь группу.

— Почему не сама, инструктор?

— Мне нужно находиться здесь, ожидаются Высшие, — она помотала головой, словно была недовольна: то ли тем, что ей, инструктору, пришлось давать мне, простому проводнику, объяснения, то ли скорым приездом Высших.

— У меня и так большая группа. Будет сложно уследить за кем-нибудь ещё.

Она вздохнула:

— Не обсуждается. Я имею право дать тебе даже это, — она сняла с себя тонкий кожаный браслет с красивой вязью неизвестных мне букв и надела на меня.

— Нет, — прерывисто выдохнула я.

— Да, — она серьёзно посмотрела на меня. Браслет означал санкционирование любых действий на время задания. Даже если мне для этого придётся убивать инструкторов или взорвать к чертям весь Лабиринт.

Обычно детей до двадцати лет Лабиринт не трогал. Поэтому девочка вполне могла пройти и сама. Но сейчас меня просят провести её, да еще в боевом походе — назвать развлекательным поход вдесятером после моего трёхмесячного отдыха мог бы только полный отморозок.

И, что самое странное, мне дают знак инструкторов. Видимо, им очень сильно нужно провести эту девочку. А это значит, что...

— Я отказываюсь! — мне было страшно. Если на девочку ополчился сам Лабиринт, или же если её хотят подготовить к инструкторству, я в этом не помощник. Мне дорога моя шкура и шкура моих клиентов.

— Не имеешь права, — устало произнесла женщина формулу закона. Этой фразой подкреплялись все приказы Высших. За её неправомерное употребление — высшая мера наказания. Женщина вряд ли была Высшей, скорее, просто исполнитель. Кому-то нужна была эта девочка. Ужас пробрал меня до костей, заставив содрогнуться, но я несколько раз вдохнула и выдохнула, постаравшись успокоиться. Получилось.

Да, теперь я действительно не имею права отказаться. В её глазах, кажется, промелькнула жалость. Если моё чутьё меня не подводит, она знает про эту девочку что-то, чего боится до чёртиков. Вот не повезло так не повезло...

Инструктор быстро удалилась — так, что я снова не успела заметить, — и я мгновенно

спрятала браслет под одежду. Чтобы не было ненужных просьб — или нападений. Мало ли.

Моя группа уже поднялась и теперь стояла и ждала инструкций. Девочка тоже стояла, прижимая к себе коричневого плюшевого медведя с дурацким розовым бантом на шее. Пусть будет, главное, чтобы Лабиринт не подумал, что нас теперь одиннадцать. Я усмехнулась собственной шутке и продолжила инструктаж:

— Так. В этом коридоре стены выделяют клейкую массу, которую современными средствами уничтожить нельзя. Стен не касаться. Даже крошечное прикосновение влечёт смерть — отцеплять не будем, это попросту невозможно. Быстро идём вперёд, пока я не скажу остановиться. Дойдём до ключевой точки, там можно будет немного передохнуть. Последней идешь ты, — я указала на крепкую женщину с грубыми чертами лица. Она ответила кивком и цепким, стальным взглядом. — Как тебя зовут?

— Зарина. — Чётко, по-военному отрапортовала женщина.

— Вот и отлично, ты замыкаешь и смотришь, чтобы на нас не напали сзади. Если что, кричи. Вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Или они просто побоялись их мне задавать.

Зарисовка 7. Слежка

Анкин, 3 сентября 3340 года

Я из укрытия наблюдал за появлением Серой — она часто разведывала начало пути, что, по-моему, было довольно бессмысленно, но когда она меня слушала? Как всегда, выбор тоннеля был безупречен. С одной стороны, простой и безопасный; с другой, сразу покажет её клиентам, куда они попали. Осознание опасности Лабиринта — главное для выживания. И для удовольствия.

Я помню, как впервые попал в Лабиринт. Удивительно, что, не считая мою старую знакомую, первым проводником, с которым я познакомился, оказалась Серая. Хотя и познакомился я с другой целью, но, в ходе разговора, она согласилась меня провести «туда», и я не раз потом порадовался своей удаче. Получить в товарищи одного из первых проводников Лабиринта! Явно лучше, чем ещё один закрытый контракт. То, что она оказалась ещё восхитительно красива и непредсказуемо умна, стало для меня настоящим открытием. А её спокойствие, а то, как она мягко ступала по каменным и земляным полам Лабиринта — словно по дивному лесу, не издавая ни шороха, со своей пугающей полуулыбкой на лице. Когда же она сражалась, её глаза вспыхивали зелёным светом, её волосы, собранные яркой лентой в длинную косу, танцевали, словно живые, а движения были скупы и изящны. Не удивительно, что мне захотелось её поцеловать. К тому же, поцелуи во время смертельной опасности, как известно, на порядок лучше ощущаются.

Обратив внимание на странную пару человек, которые к ней подошли, я сильно удивился. Инструктор и маленькая девочка. Что они делают вместе? Инструкторы для меня, как и для всех знакомых проводников, были загадкой — было абсолютно непонятно, кому они подчиняются, и, даже используя свои связи, я смог добиться только мало что говорящего ответа — «Лабиринту». А вопрос «Кому подчиняется Лабиринт» вообще был проигнорирован. И это несмотря на то, что моим связям могло позавидовать большинство Высших! Я даже добрался до приказа — того самого, что объявлял создание Лабиринта — и там про них не было ни слова.

Я думал и пытался понять, зачем инструктор мог подойти к Серой. И меня насторожило, как нервно инструктор оглядывался по сторонам. Разве инструкторы, для которых Лабиринт — что дом родной, могут чего-то бояться?

Отдельно я попытался рассмотреть девочку. Странная девочка, странный медведь в её руках. И тут я увидел, как инструктор что-то передает Серой. Что? Браслет? Знак инструкторов? А теперь инструктор уходит, оставив девочку и браслет у Серой? И она согласилась? С уже существующей договоренностью с группой она бы отложила любой другой заказ... если бы это не был заказ от Высших.

К тому же дети в Лабиринте... Говорили, что Лабиринт их не трогал. Но я лично видел несколько детских трупов ближе к последней точке. Говорили, что они могли ничего не бояться — но я сам выводил пару затерявшихся детёнышей к их родителям, задумываясь, нужны ли родители, которые подвергают жизнь своих детей такой опасности. Даже если Лабиринт и в самом деле не трогает детей, от созерцания смерти родителей он защитит их

не может.

И сейчас инструктор — тот, одна из главных задач кого — выводить детей из Лабиринта, — передаёт ребёнка Серой, которая и так ведёт слишком большую группу. Вот чёрт! Бедняжка, что же ей Лабиринт приготовил?

Я смотрел на панику Серой — инструктор вряд ли её заметил, но я знал Серую хорошо и понимал, что она в ужасе. Видимо, она понимает, что что-то не так. Что-то совсем не так. Что ей сказал такого инструктор?

С другой стороны... если это действительно приказ Высших, то, возможно, они знают, что делают. И — оставим такую ничтожную вероятность — девочка может даже помочь в прохождении. Вдруг, пока девочка с ними, а на руке серой — браслет, это засчитывается как «сопровождение ребёнка» и проход будет безопасным? Конечно, надеяться на это всё равно не стоило, но вдруг?

А клиенты ничего, шустрые попались. Отдельно обратил внимание на слаженность — поддерживают друг друга. Да и спортивность на уровне. И то, и другое в Лабиринте значило много... хоть, естественно, и не всё. Наконец, один за другим, они исчезли в темноте. Дверь сама закрылась, и, похоже, открывается только изнутри. Ничего, я знаю еще много входов. Зато меньше вероятности, что из-за меня им подкинут лишних зверушек.

Теперь пора идти. Не знаю, что из этого получится, но не могу же я оставить её наедине с Лабиринтом и компанией плохо соображающих людей?

Почему плохо? А разве пришли бы они на этот курорт, если бы были Высшими, или же если бы хоть что-то соображали?

Зарисовка 8. Первый переход

Серая, 3 сентября 3340 года

Я первая зашла в Лабиринт — и вдруг на меня нахлынуло воспоминание. Я вспомнила, как три года назад впервые здесь очутилась...

Мне в жизни отчаянно не везло. Обделённая особо развитым умом, усидчивостью или талантом, я могла с уверенностью рассчитывать только на военную карьеру. С физической культурой и со спортом у меня всегда было всё в порядке. Другое дело — математика, речь и письмо, физика и химия, биология и география. Я старалась, но не могла выбиться в отличницы ни по одному из этих предметов.

Моя одноклассница — Мария — была полной моей противоположностью. Худенькая, стройная, высокая; казалось, что она обладает всеми талантами, которых я была лишена. Она с лёгкостью щёлкала тригонометрические уравнения и писала длинные сочинения, она легко могла рассчитать химическую формулу и вычислить вероятности наследственных мутаций. Но было и то, что омрачало её жизнь — Мария была слабой и хрупкой, как заледенелый одуванчик на ветру.

На выпускных экзаменах она взяла максимальное количество баллов по всем предметам, кроме спорта. Я же всюду была середнячком, кроме — опять же спорта. По нему у нас был сложный, многоступенчатый экзамен, и там я блистала. На очередном обязательном этапе я была впереди всех — пока не услышала чей-то крик.

Я забыла про экзамен и оглянулась. В полусотне метров от меня лежала Мария, её нога была вывернута. Не раздумывая, я метнулась к ней. В тот момент все мысли были лишь о том, что если она не сдаст экзамен — на любую оценку, — то не сможет поступить ни в одно высшее учебное заведение. Ещё один год в школе? Не факт, что ей разрешат. Колледж? Она сама не выдержит.

Одноклассница и сама это понимала. В её глазах стояли слёзы.

Не помню, как я дотащила её до финиша — но дотащила. Не помню, о чем я думала. Те мгновения вспоминаются мне словно вспышками: вот — её заплаканное лицо и подвёрнутая нога, вот — я закидываю её руку себе на плечо, ещё миг — и впереди уже весь остальной класс, а нам ещё половина пути. Мы на финише, мы сдали экзамен... Но я пришла последней.

Марии пришло множество предложений, грантов и стипендий. А я... в армию меня не взяли. Пришлось выбирать дальнейшее образование — и одним из немногих мест, где мне предложили обучение, оказался институт истории культуры и реконструкции. Студентов они воспринимали более как актёров и бесплатную рабочую силу, на работу они не устраивали... Но там была небольшая стипендия, комнаты оказались уютными, еда — сытной, а многочисленные уроки и экзамены — интересными.

Я попала на факультет оружейного искусства и влюбилась. Сабли, катаны, ятаганы... не меньшее удовольствие я получала от самих реконструкций — отыгрывания полномасштабных боев или балов, раутов и встреч, охоты и работы над самим оружием. По крайней мере, пока меня однажды не поставили отыгрывать какого-то командира, жестокого и кровавого. Я так вжилась в роль, почувствовав себя мерзким, алчным, жестоким

человеком, что меня трясло всё представление, и вырвало тут же, за кулисами. Я стала отказываться от множества ролей, плохо сдала экзамены и выпустилась с оценками ещё худшими, чем в школе.

Начался поиск работы. Долгий, нудный, изматывающий. Я рассылала резюме, посещала по три собеседования в день, но второй месяц подходил к концу, а работы так и не было. Оставался месяц — что было бы потом, мне страшно представить. Смерть? Рабство? Кома, во время которой из меня изымались бы нужные другим органы?

К счастью, обеспокоенные моей судьбой, на Землю с Венеры прилетели мои родители. Свой небольшой отпуск они решили провести полностью со мной. И надо было так случиться, что именно в этот момент открыли Лазурный курорт...

Это был единственный раз, когда мы зашли через обычный вход — и попытались выйти через обычный выход. Астрономические суммы были непомерны, даже для вполне обеспеченных родителей. И мы узнали про другой выход. Бесплатный — шептали там.

Лабиринт... оказался домашним и простым. Да, здесь были запутанные коридоры и монстры, в некоторых местах приходилось идти, вжавшись в скалу, чтобы не угодить в пропасть — а кое-где приходилось обматывать куртки вокруг головы, чтобы не задохнуться. Я сама не заметила, как стала командовать собственными родителями. И они меня слушались — не как дочку, как командира. Я зарубила несколько змей, сумела догадаться о скором обвале и вывести из-под него и родителей, и случайно забредших незнакомцев. Почти перед выходом из Лабиринта, на последней ключевой точке мы прощались. Тогда родители мне наговорили много непонятного — такого, что можно было обсуждать лишь в Лабиринте, и под конец предложили стать Проводником.

— У тебя это хорошо получается, — сказал папа. — Здесь я буду за тебя спокоен.

А мама только обнимала меня и почему-то плакала.

Это был последний их отпуск — и с тех пор они так и сидели на своей ферме. Я тоже не могла к ним выбраться — билеты стали слишком дорогие, да и разрешения на полёты у меня не было.

А когда мы вышли из Лабиринта, я почувствовала, что мне... жаль. Мне нужно было проводить родителей на космолёт, а хотелось остаться в подземном сумраке, среди вечной опасности, честной и прямой. Потом я много раз была в Лабиринте, но никогда это чувство не было таким сильным, как тогда. А последний мой переход был настолько страшен, что даже у меня надолго отбил охоту к подземным прогулкам и вынудил взять отпуск.

И вот я снова здесь, но Лабиринт за это время стал другим. Трупы у стены — то, чего не могло быть в том, старом Лабиринте, — сразу же напугали клиентов. Зарина, как я и ожидала, восприняла это настороженно — и не только сама старалась быть аккуратной, но и следила за другими. Нежилец прерывисто вздыхал, а бойкая любопытная девушка Крайя с трепетом оглядывалась. Контролируемый страх — это намного лучше, чем никакого страха, так что, в общем-то, реакция была вполне приемлемой.

Как ни странно, Лея вообще никак не прореагировала. Хотя, возможно, она просто не в себе после смерти родителей. Или знает, что Лабиринт детей не трогает. Правда, не трогает — то не трогает, но против человеческой глупости он ничего сделать не сможет.

Быстро дошли до ключевой точки. Разбойник, с которым мы договорились о ненападении, тенью стоял у стены и ухмылялся. Понятно, ждал другую группу. Пусть ждёт, тоже человек.

Остановились и устроили небольшую передышку. Часть моих ребят уже запыхались —

сказывались непривычные нагрузки. Ограничились небольшой разминкой и горячим чаем. Полноценный привал и обед я планировала устроить на второй точке. К ней от первой вело множество проходов, но моим любимым — и самым быстрым, и наиболее безопасным, — была вертикальная щель, по которой можно легко подняться или спуститься, упираясь коленями и локтями.

После щели уже через полчаса была бы вторая ключевая. Я кратко объяснила всё это клиентам, и мы отправились дальше. Всего путешествие до следующей ключевой должно было занять не больше пары-тройки часов, даже с учётом физических особенностей каждого и многочисленности группы.

Мы вышли из помещения и минут пятнадцать двигались в направлении расщелины. Мои подопечные первое время снова напряглись, испуганно озирались по сторонам, жалась друг к другу. Но я знала, что это ненадолго: в этих огромных пещерных залах было просто потрясающе красиво: изумительные сталагмиты свисали по сторонам от тропы, а слева и справа прямо из каменного пола росли самые разные скульптуры, во многих из которых угадывались очертания известных людей и исторических событий. Этот зал очень любили отдыхающие, и иногда сюда забредали даже те, кто не планировал проходить весь Лабиринт. И не удивительно: некоторые скульптуры обладали столь тщательным сходством со знаменитыми людьми прошлого, и были так похожи на живых, просто спящих или замерших на мгновение, что я каждый раз ломала голову в недоумении, как такое мог создать Лабиринт.

Послышались вспышки фотоаппаратов, клиенты расслабились. Эхо раскатисто повторяло негромкие перешептывания и смех. Только навязанная мне девочка Лея внезапно ещё сильнее прижала к себе игрушку и резко выдохнула. Я насторожилась: возможно, ей что-то почудилось, а может, она заметила то, что другим не дано?

— Смотрите, а вот эта статуя похожа на дракона, — воскликнула Крайя.

— И правда, — поддержал её брат. — А вот эта — на рыцаря с копьём наперевес.

Его жена нахмурилась:

— Почему это наперевес? копьё опущено. А другой рукой рыцарь словно поднял забрало.

— Похоже, они не сражаются, а просто разговаривают, — задумчиво произнес нежилец. Ох, если каждый будет высказывать своё мнение о каждой экспозиции, блин, да ещё так громко, то мы привлечём кого-нибудь покрупнее, чем разбойники.

— Так, отставить разговорчики! — Нахмурилась я. — Скоро будет щель. Она, конечно, условно безопасная, но поднимать шум не стоит. И фотоаппараты уберите. Достаточно.

Меня послушались — хотя и с явной неохотой. Но не спорили, что для начала пути, да ещё с такой группой — уже благо. Большие группы ещё тем опасны, что любое сомнение могут вырастить до почти откровенного несогласия и даже до противостояния. Особенно опасно, когда среди группы появляется свой лидер, который откровенно провоцирует непослушание и стягивает одеяло на себя. К счастью, это бывало редко: люди, волей случая выбившиеся в лидеры, не утруждаются установкой своего авторитета перед профессионалом. В этой группе, к счастью, и лидеров таких-то нет. Крайя — просто балаболка. Её брат под

каблуком у жены, как и её парень. "Большая парочка" интересовалось в первую очередь собой, а Зарина в это всё вообще не лезла. Она, конечно, могла бы взять лидерство, особенно если со мной что-то случится — но именно она была одной из самых беспроblemных и послушных. Хорошо иметь в помощниках человека, знающего, что такое дисциплина.

Нам оставалось метров сорок, когда слева, полускрытое сталактитами, у самой тропы внезапно открылось небольшое подземное озеро. И как-то оно мне не понравилось. Такое ощущение, что оно было населённое. Неясные тени шевелились под водой, и вот, не успев порадоваться, что завершила неуместный балаган, который мог стоять кому-то жизни, я увидела, как первая тень взметнулась над гладью...

— Быстрее, — резко крикнула я. — Щель уже близко, нам нужно добраться до неё прежде, — и тут мой голос упал и я произнесла почти шёпотом: — прежде, чем это доберётся до нас.

Группа, словно окаменевшая, смотрела, как огромные ярко-розовые щупальца с фиолетовыми присосками размером с человеческое лицо вылезают из воды. Первое щупальце направилось ко мне (чувствует во мне жоака, отметила я), а другое — к худому мужчине в центре вереницы. Я резко обрубила часть щупальца, тянувшегося ко мне, откинула его в сторону и снова крикнула:

— Бегом!

Кажется, это помогло. Группа побежала к щели, только мужчина, до которого пыталось добраться другое щупальце, словно оцепенел. Крайя обернулась и, чуть не плача, смотрела на страшное зрелище: щупальце медленно, словно лениво оборачивалось вокруг него, а он по-прежнему стоял полностью неподвижно, и, кажется, даже не дыша.

— Точно нежилец, — пронеслось у меня в голове. — Первый на выбывание.

Я подскочила к мужчине, и собиралась уже рубануть щупальце ятаганом. Но когда я взмахнула, прямо передо мной пробежала навязанная мне девочка — Лея. Пробегая мимо, она коснулась щупальца и каким-то образом с лёгкостью перерубила его. И побежала дальше, всё так же прижимая мишку к груди.

— Прыгайте! — Заорала я, увидев, как часть группы всё ещё столпилась возле щели. — Упирайтесь локтями, вперёд!

Сама я схватила за руку спасённого мужчину и потащила к расщелине. А он всё оборачивался и смотрел на извивающееся на земле отрубленное щупальце, покрывающееся странной гнойной коркой, словно никак не мог поверить, что не умер.

Зарисовка 9. Сборы

Анкин, 3 сентября 3340 года

Я с легкостью отыскал свой любимый вход в Лабиринт: за плотной стеной из берез и елей пряталось совсем неприметное отверстие в поверхности скалы, к тому же прикрытое крупным камнем. Уверенно прыгнул туда, чуть задержав дыхание.

На самом деле я не проводил через этот вход клиентов. Вообще не уверен, что о нём знает кто-то кроме меня: в своё время я сам расширял его под свои нужды и использовал как дополнительный склад. В конце концов, в любой дом, в любую комнату, в любой номер на Курорте — как и почти во всём мире — в любой момент могли зайти интересующиеся, имеющие на это право, конечно. Мне это было очень хорошо известно — я сам встречался с такими «право имеющими», зависнув на несколько дней во времена моего вынужденного безделья.

А здесь были и неплохие запасы консервов и сухпайка, и отдельные почти контрабандные вещи, преимущественно с Марса — и ножи, и ботинки, и даже особая одежда, довольно удобная, прочная и почти не пробиваемая — в определенных рамках, конечно. Было и место для сна, и набор различных инструментов, назначения которых я сам не всегда понимал, — как не понимал и того, зачем я притащил их сюда. С моими возможностями я бы достал это всё с легкостью — но, конечно же, не мгновенно, и это успокаивало меня и мешало расхламлению моего убежища.

Сборы были недолгими, почти всё было готово для похода. Пара полушприцев с кислотой, взрывчатка и набор сюрикенов — метательных звёздочек-бумерангов. Должно хватить. Почему-то остальные проводники предпочитали пользоваться метательными ножами. А по мне, звёздочки намного удобнее в обращении. И, к тому же, всегда возвращались ко мне, если я не попал. С другой стороны, нужно очень умудриться, чтобы убить смилодона-переростка звёздочкой. Метательный ножик в глаз — и тигр мёртв. А звёздочкой нужно попасть в артерию на шее, да кинуть её достаточно сильно, чтобы пробить шкуру. В общем, без должной сноровки даже пробовать не стоит.

Полушприцы были тоже очень... хм... приятны в обращении. Нажимаешь на кнопку — и кислота впрыскивается туда, куда надо. Или на того, на кого надо. Одним таким шприцем, кстати, можно было легко проделать небольшой лаз в стене. Пожалуй, правда, крупноразмерная пара из группы Серой туда не пролезут, а остальные — легко.

Я аккуратно прополз в другой коридор, который был известен, но не вёл никуда, кроме как в мое скромное лежбище-хранилище и залатал дверь — теперь её снова никто не найдёт, кроме меня. Всем будет казаться, что это просто тупик.

Прошёл по направлению к первой ключевой точке. Вдохнул запах Лабиринта — у него действительно был свой особенный, ни с чем не сравнимый запах чего-то терпкого, и нежного, и кислого, и... и вдруг я чуть не подпрыгнул от боли, рефлекторно скинув что-то с колена. Так и есть, муравей. Прокусил мне штаны, гад.

Муравьи не были опасны, — если только человек не решит поспать в пределах досягаемости одного из муравейников. В этом случае даже небольшой отряд муравьёв мог легко перекусить зазевавшимся путешественником. Но достаточно неприятны были и

обычные их пакости — допустим, они могли прокусить камуфляж, да так, что в случае химической атаки нужно было укрывать не только лицо и ладони, но и колено. Замешкаешься или забудешь — будешь дальше ходить без колена.

Мне такое счастье было не нужно, поэтому я быстро добрался до первой ключевой и там принялся запаивать свой камуфляж. Немного огня — и дырки нет. Очень удобно.

Только вот я так увлёкся своим делом, что забыл оглядеться по сторонам, прислушаться, присмотреться. Принюхаться до конца, наконец. Идиот, одним словом. Ну иначе как можно было подпустить к себе разбойника с огнестрельным оружием?

Так что я абсолютно неожиданно для себя оказался с пистолетом у виска — зато с целым камуфляжем — когда услышал странно знакомый, но шипящий голос:

— Деньги гони!

Зарисовка 10. Расщелина

Серая, 3 сентября 3340 года

Когда я дотащила нежилыца до расщелины, в ней уже скрылись все остальные мои подопечные.

— Как тебя зовут-то?

— Эрик.

Дурацкое имя.

— Прыгай, Эрик. Цепляйся за стенки локтями и начинай спускаться, ладно?

Он не стал прыгать — сначала медленно сел, свесив ноги в расщелину, потом аккуратно стал спускаться, смешно растопырив колени и локти. Я подождала, пока он спустится хоть на какое-то расстояние, и прыгнула следом, легко упёршись в стенки.

— Все в порядке? Переключка, господа! — звонко крикнула я. — Нижний — первый. Вперёд!

Они достаточно бойко, нервно рассчитались, — сказывались последствия перенапряжения. Только Крайя — я узнала её по голосу — всё ещё волновалась. А вот Лея отозвалась неожиданно твёрдо, пожалуй, даже наигранно твёрдо.

— Не выпускать её из виду, — напомнила я себе. — Надо еще подумать, как она так ловко разделалась с щупальцем. И так естественно! Неужели у неё есть с собой какое-то оружие? И какое?

— Нам ползти минут десять, не больше! Постарайтесь быть внимательными, — кратко озвучила я.

Расщелина было достаточно узкой, две отвесных скалы с одной стороны смыкались в паре метров от нас, с другой — продолжались, пока их можно было видеть, теряясь вдали, прячась за темнотой и туманом. Дна видно не было, внизу так же клубился туман. Кажется, раньше этого тумана не было. Возможно, она стала глубже; в этот довольно естественный для пещер процесс вряд ли стал бы вмешиваться Лабиринт. Просто здесь сами собой появляются реки и растут сталактиты, расщелины углубляются и закрываются, меняется ландшафт и появляются новые переходы, оставляя людей в недоумении.

Опасности не было видно, и я даже слегка расслабилась. Спускаться было удобно — и справа, и слева на скале были многочисленные выступы, выемки и мы даже миновали несколько некрупных тоннелей — куда они вели, я не знала, так что решила оставить их для самостоятельного исследования. Вдали журчала вода, слышался равномерный перезвон капель и размеренное шарканье одежды о стенки.

На самом деле, что может быть лучше физических упражнений? Всё тело наслаждается ритмичными движениями, а мысль о том, что неверное движение означает смерть, и не только твою, невероятно заводит. Жалко, что Анкина нет рядом...

Теперь главное — не пропустить нужный тоннель. Хреново, что я иду позади: если бы я шла первая, я бы легко его заметила, да и подстраховала бы клиентов. А так остаётся только надеяться на физическую подготовку да здравый смысл моих подопечных.

Внезапно я заметила, как вокруг стало тихо. Я бы даже сказала, слишком тихо: наверняка недалеко спит какая-то живность. Надо предупредить остальных.

— Передай дальше, чтобы залезали в ближайший тоннель. Но аккуратно, там, возможно, спит опасная для нас живность, — я пробормотала это так тихо, чтобы только меня услышал Эрик и почти сразу же услышала его бормотание. Он повторил мою фразу в точности, так что можно было предположить, что через некоторое время информация дойдёт до нижнего... Кто это, интересно? Голос во время переключки был женский, мне незнакомый...

Видимо, моё желание вспомнить этот голос оказалось настолько сильным, что я его услышала. Громкий пронзительный крик — и множество хлопающих крыльев. Чёрт, конечно же это летучие мыши!

— Не бойтесь, держитесь и не давайте им укусить себя! — да уж, мои инструкции были не так легко выполнимы для новичков в Лабиринте. Да и, в общем-то, не только для новичков. А укусы летучих мышей были опасны: они, конечно, сами по себе не причиняли много боли или вреда, но могли как заразить быстротекущей болезнью — лекарство от которой в Лабиринте, конечно, найти не так просто, но возможно, — так и инфицировать человека. Инфицирование тоже проходило по-разному: кто-то мог хорошо видеть в темноте, а кто-то превращался в нечто среднее между человеком и летучей мышью. Такие полулюди обычно теряли свой разум и оставались жить в Лабиринте. Надеюсь, боги, если они есть, избавят нас от встречи с таким чудовищем.

Стая мышей пролетела мимо меня, даже не пытаясь меня укусить.

— Все живы? — теперь, когда всевозможные зверушки проснулись, можно было кричать.

— Аня упала...

— Куда? — чуть не задала я абсолютно тупой вопрос, но вовремя прикусила язык. Известно куда, вниз...

— Все очень быстро спускаемся вниз. Быстро!

Секунд тридцать, — и мы, скользя и прыгая, оказались внизу. Вокруг туман и почти ни черта не видно. Аня лежит с закрытыми глазами и неестественно вывернутой ногой. Я осмотрела открытые части её тела: на руке — едва заметный укус, две чуть красноватые точки, из которых проступала кровь..

— Чёрт, — выругалась я. — Чёрт, чёрт.

— Серая, — чуть слышно позвала меня Зарина, и в её голосе прозвучал тщательно скрывааемый, но очевидный для меня страх.

— Так. Что? — обернулась я и застыла: с трёх сторон на нас сквозь туман надвигались ненавистные жёлтые глаза с вертикальными зрачками.

Зарисовка 11. Новый старый знакомый

Анкин, 3 сентября 3340 года

Когда я поднял голову, чтобы посмотреть на грабителя, он внезапно отшатнулся, словно узнал меня и не хотел, чтобы я узнал его. Грабитель крепче прижал пистолет к моему виску:

— Деньги, — повторил он.

Получается, мы с ним где-то встречались. Я рассматривал его обезображенное лицо — явно постаралась кислота, его теперь не узнать при всём желании. Но этот голос я точно слышал раньше, хоть тот и был... изменён.

— Сочувствую, брат, — я кивком указал на его лицо. Рука сама собой медленно потянулась к открывашке, но он всё-таки это заметил и пнул меня по коленке. Чёрт, как больно, наверняка специально тренировался. Хотя, конечно, значимую роль при таком ударе сыграли его ботинки — тяжёлые, армейские, такие же, как у Серой. Но мысль о том, что это могут быть те же ботинки, навалилась на меня со всей возможной тяжестью и заставила забыть о боли, мгновенно дотянуться до открывашки, ткнуть головой его в район солнечного сплетения и вывернуть руку с оружием, заставив его выронить.

— А теперь поговорим серьёзно. Я тебя отпускаю, но до этого ты отвечаешь на все мои вопросы. Слово?

— Слово, — плюнул он.

— Ботинки откуда?

— Хозяев съели муравьи несколько месяцев назад. А что, это какие-то особенные ботинки? Ты их знал? — несмотря на издёвку в голосе, он не врал.

— Как тебя зовут?

— Моё имя люди не слышали уже месяцев семь, — прошипел он. Что у него с речью? Всё та же кислота?

— И всё-же?

— Скит.

И тут я вспомнил эту фигуру, этого человека. И меня сразу же с головой захлестнуло чувство вины. Сами собой опустились руки. Я спрятал открывашку и открыто посмотрел ему в глаза.

— Я думал, ты погиб...

— Я тоже так думал. К счастью, у моего предшественника в желудке у тигра было огнестрельное оружие, которым тот так и не воспользовался. Пока я его заметил, пока я прострелил этому саблезубому млекопитающему мозги — а из желудка это сделать не так-то просто, — пока я смог вылезти через мёртвую плотку, — ты же знаешь, что после смерти мышцы тигра сжимаются, и горло становится заметно уже? — желудочный сок порядком меня попортил. Не так ли?

— Всё не так уж и плохо, — вяло ответил я. Как я мог вернуться на курорт, не удостоверившись в смерти моего клиента?

Я не так много людей потерял — всего лишь около десяти. И Скит, как я полагал, был первый. Дальнейшие потери были более естественны для меня, и случались только с

нежилыцами. Вот только Скит, каким я его помню, нежилыцом не был — он был весёлым, бесшабашным парнем, который любил травить анекдоты и петь песни. Даже когда нам надо было бесшумно пройти мимо тоннеля с тиграми, он всё равно, хоть еле слышно, но напевал один из любимых мотивов.

— Ты же знаешь, что это лечится.

— Знаю, были бы деньги. Впрочем, их я сейчас и зарабатываю, — ухмыльнулся он. — Только сегодня мне не везёт. Шесть неудач за один день! А я-то надеялся, что еще неделька...

В моей голове судорожно вспыхивали мысли. В неприглядной судьбе этого человека был виноват я и только я. Также, учитывая длительность его проживания здесь, он может действительно мне помочь.

— Слушай, у меня к тебе деловое предложение. Сколько тебе не хватает? Пару сотен я вполне могу тебе дать.

— Мне не нужны твои подачки! — снова прошипел он. Немного нервный, но я его понимаю: столько месяцев в Лабиринте, чудом остался в разуме. И снова меня захлестнула вина.

— Да нет, что ты! Это не подачка, а деловое предложение. Я тут наблюдаю за одной группой... Она должна была пройти тут недавно, десять человек... Девушка-проводник еще разведывала вход... Ты её видел? У меня есть предположения, что Лабиринт начал охоту на проводника. Мне не помешает твоя помощь.

— Это та бойкая девица? — задумался он. — Хороша, хороша...

И снова мои инстинкты сработали вперёд меня: я резко повалил его на пол и, приставив открывашку к его горлу, прорычал:

— Серая — моя. Понял?

— Да понял я, понял. Я просто похвалить твою девушку хотел, вообще-то.

— Извини, — я немного смутился. — Просто... я же из-за неё проводником стал. Да и вообще, — я окончательно запутался и решил помолчать и собраться с мыслями, прежде чем продолжить.

— Ну так что, пойдёшь со мной? Насколько я знаю, один из клиентов Серой — пластический хирург. И, если мы сможем их выручить, — а учитывая количество человек, выручать нам их действительно придется, — вряд ли он откажется от знакомства с тобой, — как будто невзначай проронил я.

В нашем мире связи значили очень много. Конечно, с помощью них нельзя было избежать справедливого наказания или стать Высшим — даже детям Высших приходилось доказывать свою ценность. Но можно было найти хорошие продукты или ускорить операцию. Не в ущерб, конечно, срочным случаям, опасным для жизни.

На связях можно было хорошо заработать. Знакомство с нужным человеком стоило достаточно, примерно раза в два-три больше, чем услуги проводника. Но это не могло быть регулярным заработком: если ты постоянно будешь использовать своих друзей и знакомых, у тебя больше не будет друзей и знакомых. Всё логично и просто, и любая женщина это поняла бы.

И поэтому я абсолютно не сомневался в ответе Скита.

— Пойдём, — наконец решился он. — Сейчас, я только запасы похватаю. Всё-таки надеюсь, что я сюда больше не вернусь, — он вздохнул и, немного помолчав, добавил:

— Спасибо, что пытаешься вырвать меня из этого ада хотя бы сейчас...

Зарисовка 12. Схватка

Серая, 3 сентября 3340 года

— Чёртов туман, — мысленно выругалась я. — И чёртовы клиенты.

Да и сама я, если честно, залажала. Нужно было сначала осмотреться, прислушаться, а потом только смотреть, что с Аней.

Конечно, это были саблезубые тигры. Огромные саблезубые тигры. В их желудке могут спокойно поместиться два человека. И еще играть в карты.

На самом деле, это вид каких-то особенных лигров — помесь саблезубых тигров из прошлого и львов. Но эти животные были больше и тех, и других... в несколько раз.

Я знала, что сейчас они выжидают момент, но если хоть кто-то из нас дёрнется, то они сразу же прыгнут. Три тигра. Чёрт!

Я шепнула Зарине, чтобы она задержала третьего. Она кивнула, но в её глазах явственно читались отблески страха. Я вздохнула, успокаивая собственный нервы: страх — это хорошо, бесстрашные люди в Лабиринте долго не живут.

Мне нужно было вывести из строя двух тигров за считанные секунды, с тремя бы даже я не справилась, — или справилась бы, но потеряла кого-то из своих. А Зарина хоть на чуть-чуть третьего да задержит. Кинуться в пасть, несомненно, помогло бы больше, но никто, кроме меня, не знает, как это делать. Не смогут сгруппироваться, потеряют ногу еще. А мне с ними предстоит весь Лабиринт проходить. А мы только в начале.

— Ну... да помогут нам боги, мыслимые и немыслимые, — тихонько взмолилась я. И начала действовать.

Я метнула в первого метательный ножик — прямо в левый глаз. Так как морда у них была огромная, а кости крепкие, убить снаружи их можно было только через глаз или ухо. Или попав в артерию на шею, но чёрт знает, где она находится. Анкин вот знает, но у него в этом опыт, — а мне рисковать нельзя. Так что глаз — отличное место для метательного ножа. Превосходное.

Тут же, не оглядываясь на результат своих действий, — я была в нём более чем уверена, — прыгнула на второго, ухватила за шерсть и вонзила открывашку ему в ухо. Но тигр еще был жив.

Конечно, ятаган длиннее, но им удобнее рубить, а не «тыкать». Колющие удары удавались с его помощью на редкость отвратительно. По крайней мере, мне. Рубящие же удары тигры воспринимали довольно... нейтрально: точнее, разозлить-то их можно было, но, не попав в артерию, добиться хоть какого-то толка было... затруднительно. Может, кто-то из проводников посильнее и мог прорубить их шкуру, но у меня бы ятаган просто застрял в ней. Кроме того, на замах требовались драгоценные доли секунды, которых в Лабиринте зачастую не было. Так что ятаган я использовала для борьбы с более медлительными существами: те же щупальца, или вот плотоядные растения. Удобно было выставить ятаган против ядовитой змеи, перекрывая ей линию атаки. На коротких же дистанциях выручали открывашки, и только они, — ну, еще огнестрелы, но огнестрелы имеют смысл, только если идешь один: слишком большой риск, что в момент выстрела саблезубик дернется и пуля попадет в твоего же клиента или друга.

У открывашки же был еще один приятный момент, из-за которого она и стала так неожиданно популярна в свое время: при необходимости можно было нажать на кнопку сбоку, и длина лезвия увеличивалась вдвое. Это нарушало балансировку, и обычно такая длина была не нужна, но при встрече с саблезубыми каждый сантиметр мог стать решающим...

И я нажала кнопку, и почти сразу в глазах животного отразилась боль и осознание своей смерти... Хотя, возможно, я просто это домыслила. Ненавижу смотреть в глаза млекопитающим, когда их убиваю. Высокоразвитые виды, чтоб их.

Но мешкать было нельзя, оставался третий. Я спрыгнула с туши убитого тигра и повернулась к оставшемуся. Зарина и еще один мужчина спортивной формы, похожий на Крайю, сдерживали тигра, размахивая ножами. Зарина действовала достаточно умело, ловко уклоняясь от острых клыков и огромных лап, да и нож у неё был не обычный — армейский, именной, двадцать пять сантиметров клинок. Она ловко уклонялась от ударов, подныривая под мордой, и нанося по ней довольно неплохие удары. Не удивлюсь, если узнаю, что она отслужила какое-то время на Марсе. А мужчина только мешал своей суматохой и Зарине, и тигру. Удивительно, как он до сих пор был жив? Он держал свой изящный, наверняка подарочный кинжал словно в первый раз, беспорядочно им размахивая. Наверняка кинжал хорошо сбалансирован, и, если поучить им обращаться, может, и выйдет какой-то толк, но сейчас действия брата Крайи выглядели не только бессмысленно, но и смешно.

Тигр, видимо, думал также, и вначале только игрался, но Зарина пару раз попала ему по морде, да еще в опасной близости от глаз. Чувствительные уколы заставили его разозлиться, и вот уже длинные, острые, чуть изогнутые клыки пару раз щелкали совсем рядом с шеями вояк.

Тигры охотились очень просто — разрывали горло, прокусывая сонную артерию, и глотали жертву целиком. Иногда просто глотали жертву целиком. Им не было необходимости разрывать жертву на куски: их огромное горло, в несколько раз крупнее, чем у обычных тигров, а также сильные глотательные мышцы позволяли с легкостью проглотить за раз человека комплекции чуть больше средней. А желудочный сок доделывал остальное...

Я восстановила дыхание, когда клыки щелкнули совсем рядом с шеей Зарины. Тигр явно отбросил в сторону шутки, и если я не потороплюсь...

— Стоп! — закричала я и попыталась прыгнуть на него. Зарина и брат Крайи отшатнулись и замерли, открыв мне его морду. Этот тигр был явно мудрее двух других, и не стал смиренно ждать своей смерти, а резко открыл навстречу свою милую пасть. Но только вот он перестарался и не успел захлопнуть пасть вовремя — тогда части моего тела потеряли бы целостность. Конечно, на это я и рассчитывала, — слишком привыкли саблезубики к жертвам, с легкостью позволяющим себя проглотить и смирно переваривающимся у них внутри. Так что, сделав небольшой толчок локтями совместно с его глотательными мышцами, я легко протиснулась в желудок, по пути нанося любимой открывашкой колотые раны в места, где было по моим расчётам недалеко до сердца или лёгких. Изнутри тигр был защищён на порядок хуже, чем снаружи.

Видимо, мой расчёт удался, потому что через мгновение, как я оказалась в желудке, тигр заревел и стал кидаться из стороны в сторону, со всей силы обрушиваясь на каменные стенки пещеры, видимо, надеясь меня скинуть. Но я легко вонзила открывашку в толщу мяса чуть левее центра, достаточно низко, где-то в районе пояса, и прорезала себе путь к свежему воздуху.

На самом деле, очень часто проводники позволяли тиграм «съесть» клиентов, но только целиком — тигр тяжелел, становился менее агрессивным, и его было намного проще убить, да и для клиентов безопаснее. А потом, как в известной сказке про краснокожую индианку и смелых, прекрасных девушек-лесорубов, нужно было просто вскрыть «волка». И клиент вылезал в целости и сохранности.

Но проводники всё-таки старались избегать самоличного сидения в желудке. От этого «пилинга» могла испортиться кожа — совсем чуть-чуть, если ты провёл там не больше получаса, и довольно сильно, если ты сидел дольше. Но главное — пока ты сидишь в желудке, ты не знаешь, что происходит с клиентами. Они могут убежать, свалиться в пропасть, просто исчезнуть или быть съеденными другими тиграми.

Поэтому я, когда вылезла из тигра, прежде всего — даже прежде чем вонзить ему в ухо открывашку, — оглядела своих клиентов. Всё верно, девять. Краем глаза я отметила, что тумана больше нет. Теперь можно и добить бедного тигра, отчаянно скулящего и безуспешно старающегося отползти от колючей пищи.

Отвратительная смерть: проглотить что-то колючее и острое, что изнутри добралось до твоего лёгкого — в сердце я, кажется, всё-таки не попала, — потом быть распоротым изнутри и наконец закончить свой путь с открывашкой в ухе.

Я слезла с тигра, вытащила метательный ножик из первого, аккуратно протерла свое оружие и еще раз оглядела подопечных. Аня, очнувшаяся, бледная, только что в сторонке очистившая свой желудок, сидела, испуганно и настороженно смотря на меня, впрочем, как и почти все. Измученные, уставшие, они пока не могли идти дальше. Я прислушалась. Где-то капала вода: в остальном всё было тихо. Скорее всего, живности поблизости больше не было. Но от нас в разные стороны расходилось три тоннеля, так что оставаться здесь было нельзя: слишком опасно так застрять на точке пересечения возможных огней.

Мне повезло: в первом же тоннеле недалеко от входа я увидела небольшую залу, откуда доносилось журчание воды. Там мы и могли бы передохнуть.

— Ребят, перемещаемся туда и и устраиваем привал, — я постаралась сказать как можно ласковее, им и так порядочно досталось. — Кстати, вы пробовали мясо тигра?

Аня отвернулась к стене, и мы снова слышали характерные неприятные звуки. Она встала, и снова потеряла сознание — хорошо, что брат Крайи успел её подхватить, и я еле-еле успела заметить нежность, коснувшуюся обоих их лиц.

Зарисовка 13. Подозрения

Анкин, 3 сентября 3340 года

Пока Скит собирался, я решил посмотреть место, где, скорее всего, прошла Серая. Эта была её любимая дорога, одна из самых коротких и простых — не считая спуска, который был не сложный, но и простым его тоже назвать было нельзя. Другие проводники предпочитали дороги менее опасные, но более долгие, но Серая утверждала, что каждая лишняя минута — это риск; и её статистика говорила сама за себя. Я же предпочитал лёгкие, расслабленные прогулки с милыми дамами, и не боялся риска. Хотя, как раз-таки ни одного клиента-женщину я и не потерял — только несколько мужчин-нежилецов, и Скита... который нежилецом как раз не оказался.

Никто еще, к счастью, не успел затоптать следы Серой. Хорошо. Вначале всё было спокойно, но уже возле самой расщелины я заметил населённое, хоть и спокойное сейчас озеро и парочку отрубленных щупалец рядом. Так, либо все живы, либо всех утащили практически без боя. Но учитывая вереницу следов дальше — всё-таки все живы.

Я успокоился. Серая — молодец, мне даже стало стыдно, что я в ней сомневался...

И тут я обратил внимание на отрубленные щупальца. Одно — явно разрубленное открывашкой Серой, другое... Другое было покрыто какой-то странной слизью. Я убрал слизь с места разреза... и обнаружил, что никакого разреза или разруба не было. Щупальце отвалилось само — потому что ткани тела на месте «разреза» просто... сгнили? А слизь — это, наверное, реакция сгнившего мяса на воздух?

Необычно. Я постарался вспомнить всё, что я знаю про оружие, оставляющее такой след. Но обнаружил, что такого не помню. А Серая, хоть и была фанатом оружия и поклонником новинок, мне ничего не говорила.

Единственное, что мне пришло в голову — малоизвестное чудовище, обитавшее в глубинах Лабиринта. Всё, к чему оно прикасалось, сгнивало. Но оно никак не могло оказаться здесь, так близко к его началу! Хотя... если оно охотится за девочкой, то тогда понятно и почему её попросили провести именно Серую: при таком большом скоплении народа есть довольно значительная вероятность, что такое чудовище может появиться и так.

Но всё равно это было слишком рано. Чем ближе к выходу, тем страшнее твари; а на первой-второй ключевой и даже иногда до третьей вряд ли может встретиться что-то серьезное. Волки, муравьи, зайцы. Ну тигр один может встретиться, но один тигр — это не опасно. Может, какая-то лавина — опять же, неопасная, летучие мыши, ну плотоядные растения — но последнее вряд ли, они уже пошли другим путем.

Но только вот и населённое озеро, и чудовище, разлагающее всё вокруг, никак не вписывались в такую раскладку. Разве что представить, что Серая и её подопечная тут и ни при чём, а это личные разборки Лабиринта? Буду считать так, пока не будет другого внятного объяснения.

Я подошёл к расщелине и заглянул в неё — она оказалась полна летучих мышей. Ну вот, угадал. Они были не опасны, разве что могли укусить, чего бы мне хотелось избежать. Надеюсь, что никто из клиентов Серой — как и сама Серая — не инфицирован, но сам я решил не рисковать. Лучше пройти долгий, безопасный путь, который хоть и занимал два-

три часа, но где живности обычно не было — только опасные камни и огромная пропасть рядом.

Направившись снова к первой ключевой, по пути разминулся с парой небольших групп. Проводники сначала любопытно рассматривали меня: мужчина один в Лабиринте — редкость. Но все они спокойно проходили мимо, видимо, узнавали. Среди проводников я, Серая и еще человек сорок-пятьдесят были «элитой»: водили больше года, умирало меньше одной десятой клиентов. Мы составляли особый совет, который собирался где-то раз в пару месяцев и обсуждал законы нашего клана, условия оплаты и так далее. Также мы собирались и все вместе — весь клан, все две тысячи человек, — чтобы обсудить различные проходы в Лабиринте, живность, способы борьбы с ней. На основе этого мы всем советом даже делали специальное "пособие для проводников" — для тех, кто не смог посетить общее собрание — ну, или для новичков или просто интересующихся. Слышал, что это пособие ходило даже среди тех, кто в Лабиринте не был — ну так это уже не моя проблема.

Был еще один приятный бонус в совете — мы обменивались связями бесплатно. Собственно, так я и узнал про Серую: наша общая подруга захотела сделать Серой подарок и попросила меня с ней познакомиться. Для вполне естественного времяпровождения двух взрослых людей. Мы встретились снаружи, поговорили... и я понял, что не хочу, чтобы она знала, кем я работаю.

Я наплёл ей, что собираюсь стать проводником, и тренируюсь в проходе Лабиринта, попросил её сходить как-то вместе. Она согласилась так легко, что я подумал на взаимность. А это была всего лишь её идиотская любовь к людям!

В общем, меня действительно приняли в проводники, хоть испытания и были сложными — но не для марсианского командира. И мы отлично прогулялись... правда, я всё-таки не смог удержать себя в руках однажды — и ничуть об этом не жалею. Хоть и пришлось потом больше года терпеть её рассуждения, что мы друг другу не подходим и ничего у нас не будет. Ну, это мы еще посмотрим.

Я вернулся к ключевой точке. Скит уже ждал меня в полном защитном костюме, а за спиной у него была гитара. Та самая гитара, с которой он когда-то сюда зашёл.

Зарисовка 14. Семейные рецепты

Серая, 3 сентября 3340 года

Наконец мы разместились. Здесь было неплохо — уютный небольшой зал с каменными сводами, в одном из углов с потолка стекали струи воды, образуя небольшой водоёмчик, вокруг водоёма рос питательный мох, одуряюще пахнувший цитрусовыми, а коридор, из которого мы пришли, хорошо просматривался. Прежде всего я умылась: после пребывания в желудке у тигра я порядком попахивала. После можно было заняться и едой.

Разводить костры — простое и очень удобное занятие, особенно с прессованным углём — размером с шайбу, его хватало на три часа вполне ровного огня. Я разводила костёр и заодно объясняла окружающим все свои действия: не всё же мне делать дальше. А нас, судя по всему, ожидают еще немало привалов.

Теперь тигр. Я принялась за разделку тигра. Самое вкусное — это спинная вырезка. Полные женщина и мужчина тихонько пошептались в стороне и подошли ко мне.

— Давайте мы вам поможем! — воскликнула женщина. — Мы очень любим готовить.

— И разделявать, — продолжил мужчина.

— Он хирург, — женщина подмигнула мне. — У него иногда появляется желание кого-нибудь резать, и тогда, если операция проходит удачно — или неудачно, это как посмотреть, — он готовит вкуснейшее мясо в мире.

Видимо, шок в моих глазах был слишком явным, потому что парочка громогласно расхохоталась и женщина объяснилась:

— Никаких садистских наклонностей, что вы. Он правда хирург, пластический. И готовить мы любим, очень. Это наше хобби. Вот у вас есть хобби?

— Рисовать, — машинально ответила я.

— Вот и у нас есть. Давайте мы вас заменим, а вы пока сможете отдохнуть.

— Без проблем, — я постаралась улыбнуться, получилось как-то стеснительно и неумело. — Но давайте на ты, я всё-таки младше вас. Да и обстановка... располагает.

— Конечно! Меня зовут Лидия, а это Драйян. Мы очень много о тебе слышали, и, конечно же, только хорошее, — женщина снова улыбнулась и у меня невольно поднялось настроение.

— Расскажи, как ты их обычно готовишь, и мы всё сделаем в лучшем виде!

Я ухмыльнулась и шепнула им рецепт. В их глазах зажглись огоньки.

— Должно получиться действительно интересно. Мы, в свою очередь, добавим пару семейных приправ. Спасибо, Серая.

Не задаваясь вопросом, откуда у них здесь семейные приправы, и зачем они их брали на Курорт, я подошла к бессознательной Ане. Рядом с ней сидели считавший пульс Эрик и тот парень, похожий на Крайю.

— Как тебя зовут? — тихо спросила я его.

— Крей.

— Близнецы? — кивнула я в направлении Крайи. Её уже забросали поручениями парочка наших поваров, и она почему-то бросала взволнованные взгляды в нашу сторону. Беспокоится за брата или за его девушку?

— Да. А это моя девушка, — он нежно погладил Аню по щеке. — Мы встречаемся уже шесть лет. С ней всё будет хорошо?

— Время покажет, — грустно ответила я. Я не была специалистом по инфицированию. Они вообще были довольно редки, среди клана был только один.

Но неожиданно для меня Эрик внезапно подал голос:

— Жар начинает спадать. Через полчаса она очнётся, скорее всего. Судя по всему, её ожидает какой-то не очень значительный эффект — к примеру, она сможет хорошо видеть в темноте или слышать всё на несколько километров вокруг.

— Ты врач? — удивилась я.

— Специалист по инфицированным, — вздохнул он. Нам действительно повезло! Но Эрик продолжал:

— С тех пор, как появился Лазурный Курорт, я стал намного более успешен. Но клиенты у меня по-прежнему не каждый день. Да и не лечится это почти.

Я помолчала, потом вздохнула вслух:

— И откуда взялись эти тигры?

— Это не тигры, — уточнил Крей. — Это — смилодоны. Говорить саблезубые тигры про них — некорректно.

Я удивлённо взглянула на него:

— В таком случае, это не смилодоны, а «смилодон лео». Саблезубые лигры. Да, и ты в курсе, что когда ты убиваешь эту милую зверушку, ты не задумываешься, какое у неё официальное название?

— Я в курсе, я же тоже с ним сражался... Точнее, пытался, — удручённо ответил он.

Мне стало стыдно. Парень впервые взялся за нож, а я, вместо того, чтобы его подбодрить, попрекаю его какими-то глупостями.

— Конечно, это хорошо, что ты не испугался, а попытался помочь. Но вреда в твоей помощи было явно больше, чем смысла, — не удержалась я. — Хочешь, я покажу тебе, как правильно держать нож?

Я показала ему правильную боевую стойку и оптимальные движения кинжалом.

— Размахивать из стороны в сторону не имеет смысла, так ты только будешь мешать окружающим. Нужно сделать резкий выпад... так... Или даже не старайся сам ранить противника, главное — не дать ему ранить себя. Попытайся парировать. Или уворачиваться. А нож должен тебе в этом помочь.

У него действительно неплохо получалось! Для того, кто впервые держит нож. Мы даже устроили с ним шутовую схватку. За ней с удовольствием наблюдали остальные, но вдруг, в очередной раз повалив Крея на пол, я почувствовала тяжёлый взгляд. Я попыталась найти его, и чуть не задохнулось от неожиданности и смущения — Аня очнулась и немигающе смотрела, как я лежу на её парне. Ох, дал же Лабиринт клиентов! Я мгновенно вскочила, но не стала подавать ему руку, как обычно, а резко отошла назад — упаси меня Лабиринт от ревнивых женщин! Крей проследил за моим взглядом, — и загорелся сияющей улыбкой, которая тут же сменилась на виноватую.

— Анечка, как ты?

Я отошла к водопаду, механически подставив ладони. Ко мне подошёл Эрик.

— Как ты? Желания сдохнуть больше не появлялось?

Он вздохнул.

— Я был совсем не против умереть. И на Курорте, и возле озера. Да и с тиграми, хоть

это и очень страшно. Зачем мне жить? Единственное, что меня радует — это работа. Просто... всё это навалилось. За что?

— Ты о чём?

— О своей жене, — он виновато вздохнул. — Я понимаю, что я плохо поступил, полюбив Крайю... но зачем она так со мной?

— Но это же не причина подыхать? — во мне проснулась ярость, ярость за всех, кто мог сегодня погибнуть из-за его глупости.

Он промолчал. Я, сдерживая рвущееся желание хорошенько надавать ему тумаков, приподнялась и тихонько сказала на ухо:

— Слушай, ты, нежилец. Я не потеряла ни одного человека за всё время своего проводничества. Хочешь подыхать — это без меня. Но я думаю, Крайя не скажет тебе спасибо, если ты сдохнешь. Так, Крайя?

Она уже была здесь — испугалась за Эрика, как бы я с ним чего не сделала. Но последние слова прозвучали для неё как удар. Я отпустила его и оставила на вправление мозгов, а сама пошла к огню. Ну и группа у меня... По коже скользнул озноб. Почему у меня какое-то дурное предчувствие относительно нашего путешествия?

Наконец наши повара позвали нас к импровизированному столу. Ели руками, прямо из общей посуды, только Лея откуда-то выудила вилку. Чтобы девочка носила с собой вилку? Возможно, не такие уж и простые у неё родители.

— Это изумительно! — прозвенел голос Крайи. Девушка уже отошла от переживаний, и, похоже, убедила кое-кого, что для мыслей о смерти сейчас не лучшее время и место. — Мясо саблезубого действительно божественно! Ради одного этого вкуса стоит поохотиться в Лабиринте.

— Смилодона лео, саблезубым называть его неправильно, — поправил сестру Крей, но на него никто не обратил внимания.

— На самом деле, мясо вкуснее, чем я когда-либо пробовала, — это было правдой, и я действительно отдавала должное кулинарам-чудотворцам. — Лидия, Драйян, вы просто совершили невозможное! Это божественно!

Мы посидели у костра, поели. Аня рассказала, что во время спуска она слышала шёпот сверху, но он до неё не дошёл — и поэтому она так испугалась. Успокоив её, что дальше всё будет хорошо, я стала думать, куда нам идти дальше.

Все поели и отдохнули. Остатки мяса разделили и взяли с собой. Надо было выбрать один из трёх туннелей — я взяла тот, который больше соответствовал нашему направлению. Быстро собравшись, отправились в путь. Но, пока мы шли, туннель несколько раз свернул и стал подниматься всё выше и выше, и наконец мы оказались перед расщелиной, полной летучих мышей. Кажется, это был один из туннелей, мимо которых мы спускались. Можно было повторить спуск, но рисковать инфицированием еще одного человека не хотелось — и мы направились обратно.

Мы выбрали следующий туннель — Некрида, та самая жена Эрика, настояла, чтобы решение было за ними, раз мне не удалось. Я не стала спорить — всё равно я не знала, а им могло и правда повезти. Но на этот раз туннель был еще дольше — мы шли по нему около часа; поднимался еще выше, и заканчивался узким выходом с другой стороны того населённого озера. Можно запомнить на будущее, но сейчас это было бесполезно.

Вернулись к развилке и выбрали оставшийся путь. Полчаса — и над нами раскинулись высокие своды ключевой точки. Мерцал искусственный свет, трещали костры, а мягкий гул

разговоров успокаивал и убаюкивал. Здесь было много народу: кто-то обедал, кто-то играл в карты, кто-то пел песню про парня, который так и не дождался свою девушку с Марса, кто-то даже спал. Мы выбрали место подальше от всех и сели отдыхать. Такой длинный, странный и сложный день подходил к концу.

Зарисовка 15. Рассказ Скита

Анкин, 3 сентября 3340 года

Мы пошли по довольно долгой, но относительно безопасной тропинке. Именно тропинке — минут через пятнадцать левый край пещеры внезапно отошёл от дороги — между ними всё ширилась расщелина неизвестной глубины. Сама дорога несколько раз сужалась до десяти сантиметров, или вообще пропадала, так что мы аккуратно проходили эти места, крепко прижимаясь к скале или перепрыгивали. Но обычно мы могли спокойно идти рядом и разговаривать.

— Как ты продержался в Лабиринте?

— Мне повезло. Сначала я хотел добраться до какой-нибудь ключевой точки — я помнил, что по ним почти постоянно проходят люди, так что мне бы, скорее всего, повезло, — но я абсолютно не помнил, в какую сторону идти и куда поворачивать. Я блуждал почти неделю, когда закончилась еда, хотя я и так её экономил. Труп тигра, которому я прострелил мозги, я сначала не догадался припасти, а когда додумался, не смог отыскать то место. Знаешь анекдот про Лабиринт: приходят тигры ко входу, а им там и говорят — все ушли, ужин у вас будет у первой ключевой. Приходят на ключевую, а им там — ужин будет на пятой ключевой. Он со всех лап — туда. А там — ужин будет на десятой. Они уже еле плетутся, приходят на десятую, а там и говорят: за беготню по Лабиринту ужин отменяется.

Я усмехнулся. Про Лабиринт ходило множество анекдотов, но в Лабиринте их как-то боязно было рассказывать. А он — ничего. Хотя...

Раньше у него что ни предложение — то анекдот, а теперь шутить начал далеко не сразу. Но мне было действительно интересно, как человек мог продержаться здесь столько месяцев и не свихнуться.

— В общем, я довольно глубоко залез; странно, но Лабиринт меня не трогал, — продолжал мой бывший клиент и нынешний напарник. — Только, так сказать, естественные преграды, но ни тигры, ни пауки, — даже муравьи меня не беспокоили.

А потом, как раз когда я уже думал, что кончусь тут от голода, меня спас один проводник. Синий, девушка со странным именем и ярко-синими глазами, — это имя он произнёс с особенной нежностью и теплотой. — Она поделилась со мной едой, хотя тоже заблудилась. Какое-то время мы держались вместе, вместе пытались найти выход. Лабиринт нам стал подкидывать живность — ровно столько, сколько нам нужно было для пропитания; а как-то мы набрали на залежи соли — столько было счастья! Постоянно попадались родники с вкусной водой, мы нашли дикорастущий лес в глубине пещер — несколько яблонь, кустарников, и даже пару кустов картошки. Мы подружались с Пушком — карликовым волком. Он тоже иногда приносил зайца или летучую мышь. Знаешь, мне тут даже понравилось. А Синий была такой... такой... В общем, я был счастлив.

Но как-то мы гуляли, и наткнулись на чистое озеро... и я увидел своё отражение. Я не мог с ней больше общаться. Я вообще отказался от идеи когда-либо отсюда выйти.

И как только я принял подобное решение — Синий узнала коридоры. В итоге я поссорился с ней, специально. Она плакала, конечно, но она вышла к людям, а я остался

один, и только Пушок скрашивал мое одиночество. Было не так тяжело, как в самом начале, но я не мог перестать думать про свою изменившуюся внешность, про потерю возможного счастья.

Я жил так, может быть, с месяц, а потом она вернулась. Я не знаю, брала ли она у вас там отпуск, или заблудилась. Но она пришла, поняла, почему я так поступил. И она оценила это.

Мы снова дурачились, отдыхали, разведывали новые уровни Лабиринта. Я не знаю, есть ли еще хоть кто-то, кто бы изучил его так, как мы. Несколько месяцев полного, ничем не ограниченного счастья. Она начала меня уговаривать вернуться к миру, на операцию. Даже предложила подумать о ребёнке...

И я бы сдался, и вышел бы еще месяца четыре назад. Но случилось то, что мы никак не могли ожидать. Она встретила его.

— Кого его? — не понял я.

— Ну, главного. Здесь, в Лабиринте. То ли живой, то ли робот, то ли вообще непонятно кто... Может, зверь какой-то. Я его не видел, только она...

Оказывается, однажды, когда они забрели совсем вглубь Лабиринта, на них напали хищные растения, овивавшие там стены. Синий стала прокладывать путь, а Скит шёл следом, и скоро он от неё оторвался. Он помнит только голос, громкий, низкий, раскатистый — который говорил что-то успокаивающее. Он сразу понял, кто это, и покорно прекратил движение. Странно, но растения тоже перестали на него нападать, хоть и продолжали крепко держать его. Далее к нему подошёл тигр — и лизнул ему лицо. Тут он потерял сознание и очнулся уже в их «доме». Синий смотрела в одну точку куда-то далеко-далеко. Он пробовал узнать у неё, что случилось, но её ответы были односложными и невнятными. А когда он заглянул в её глаза, он увидел шок, страх и нежелание делиться этим чем-то, чего она так боялась.

Он так и не узнал, что это было. Синий ушла, вернулась на Курорт. Пушок тоже ушёл, то ли за Синий, то ли потерялся, то ли... его убили. Он ждал их обоих, потом перебрался на первую ключевую, и у него появилась цель — выйти и найти девушку. Но выйти он должен был с деньгами, хотя бы на нормальное лицо...

Мнейка вдруг вернулась — стала к нему приходить. Всякий раз она была пьяна, даже хуже, чем пьяна — она утверждала, что не верит ничему, что этот старый маразматик наговорил, и что она не пьянствует, а проверяет теорию. И что если она однажды не придёт, то Скит может верить ему.

И однажды она не пришла. Не пришла и через неделю. Он её ждал, но её не было уже три месяца. И он уже устал ждать. Что она пыталась сказать? Чему он теперь должен был верить? А может, она однажды всё же должна была вернуться?

Я подтвердил, что она пропала и никто не знает, где она. На душе стало больно и противно. Думалось о глупости людей и о странностях судьбы. Мы молчали, и мой друг не хотел нарушать эту тишину, — а я просто не мог.

Мы подошли к ключевой точке. Скит вздохнул, сел на камень в отдалении от всех и заиграл грустную песню про парня, не дождавшегося свою девушку с Марса.

Зарисовка 16. Привал

Серая, 3 сентября 3340 года

Сидеть было хорошо. Я только сейчас поняла, каким долгим был этот день. Одна я могла пройти Лабиринт до заката, а с группой обычно в это время мы проходили точку четвёртую или даже пятую, но сегодня всё пошло не так.

Во-первых, озеро. Кто был в этом озере, и почему он напал на Эрика?

Эрик сидел возле жены, Некриды. По пришествию он попытался сесть рядом с Крайей, но Некрида устроила ему истерику. Крайя тоже начала возмущаться, но Эрик молча вздохнул и пересел. Семейка, блин.

Я вспомнила, что нужно было распорядиться насчёт ужина, но Лидия и Драйян уже взяли дело в свои руки. Хорошие ребята, весёлые. Неудивительно, что все к ним жмутся.

Я снова стала перебирать события сегодняшнего дня. Самым непонятным было щупальце. Как озеро оказалось населённым? И почему оно напало на нас?

Но только вот если это можно было объяснить количеством клиентов и тем, что они входили через стандартный вход, то как маленькая девочка могла перерубить щупальце?

Какое оружие она прячет? Как она отсекла кусок щупальца?

Я под села к ней. Она сидела в сторонке ото всех, прижимая к себе плюшевого медведя. И я отчётливо поняла, что абсолютно не знаю, как общаться с детьми.

— Привет, Лея. Меня зовут Серая.

— Я знаю. Я о тебе слышала.

Да что ж сегодня обо мне все слышали! Мне не хотелось быть знаменитым проводником. А если еще начнут все говорить про любовь к людям... В наше время это было, мягко говоря, не принято.

— Как у тебя дела?

Девочка промолчала. Разговор явно не складывался. А я чертыхнулась: как дела могут складываться у ребёнка, который потерял родителей? Я попыталась сделать еще одну попытку:

— Как зовут твоего мишку?

— Мишка, — девочка посмотрела на меня как на идиотку. Отлично. По-дружески поболтать не получилось, пора переходить к делу

— Покажи, пожалуйста, ножик, которым ты перерубила щупальце.

— Какой ножик?

— Ну щупальце. Ты что-то сделала, и оно отвалилось. Покажи, пожалуйста, то, чем ты это сделала.

Девочка посмотрела на меня и расплакалась. Я в растерянности встала и окинула округу взглядом в поисках помощи.

Тут же подбежала Лидия — и как она сразу заметила? — и приобняла девочку.

— Ну что ты, хорошая моя, всё будет нормально, ты не расстраивайся. Серая не хотела тебя обидеть, она ведь тобой гордится, да, Серая?

— Конечно, — смущенно пробормотала я и отошла.

Недалеко от места, где мы разместились, горел костёр. Костры на каждой точке

зажигали давно, еще несколько лет назад, а сейчас их только поддерживали многочисленные проводники — этот вид прессованного угля не обжигал, давал ровное тепло, не дымил. Но на нём нельзя было готовить пищу и его было очень сложно поджечь.

К нему я и подошла. Протянула руки к костру...

Но вдруг меня окликнули. Моя бывшая клиентка, Снимрик. Весёлая, смешливая девчонка, в своё время она была «нежилецом» — что-то там с несчастной любовью, но ей так понравилось бродить по Лабиринту, что она, как я слышала, тоже стала Проводником, и довольно успешным.

— Поздравляю, Снимрик. Ведёшь своих клиентов «туда»?

— Да, Серая, спасибо! Это всё благодаря тебе, — восхищенно воскликнула она. Воскликнула слишком громко, потому что люди вокруг зашептались и почти сразу же ко мне подошла огромная усатая женщина.

— Серая? Это ты?

Вот чёрт. Это еще одна причина, почему я старалась пройти через Лабиринт как можно скорее. Потому что, как только меня узнавали, — а это было довольно часто, — мои ночёвки превращались в посиделки у костра с моими почитателями. А что делать? Не говорить же им, что я не хочу ни с кем общаться. Возможно, меня бы даже поняли, но разве можно отнимать у людей надежду?

— Да, это Серая, лучший проводник Лазурного Курорта, — звонко поддержала Снимрик. Я раздражённо подумала, что по Курорту я обычно не вожу, только по Лабиринту, но полное название моей профессии звучало именно так. Так что я улыбнулась:

— Да, это я.

— Садись с нами, Серая!

— У тебя кончился отпуск?

— А правда, что ты не потеряла ни одного человека?

— Сколько раз ты ходила через Бесплатный Выход? — во всех голосах слышалась надежда и нетерпение.

— Всем тихо! — звонко скомандовала Снимрик. — Серая, ты к нам присоединишься? А твоя многочисленная группа, тоже?

Я села у костра. Всё-таки мне было приятно, хоть и очень странно.

— Да, можете их позвать. Мы еще не ужинали, но, возможно, скоро будет готово.

Через полчаса мы поели — еда была божественной, спасибо мастерству Драйяна и Лидии, — и собрались все вместе вокруг общего костра. Конечно, хватало групп, сидевших поодаль, но никого из нас это не волновало.

Улучив момент, я тихо спросила у бывшей клиентки:

— Как там следующие переходы до третьей, четвёртой? Без приключений?

Глаза Снимрик расфокусировались, но она моргнула и снова взглянула на меня обычным восхищенным:

— До четвёртой всё тихо. А вот четвёртую, как я слышала, лучше обойти... Я сама на ней не была, конечно, но слухи...

Да, слухи в Лабиринте нельзя игнорировать. Лучше перестраховаться.

Зарисовка 17. Стать и герой-любовник

Анкин, 3 сентября 3340 года

— Ты не боишься, что тебя могут узнать?

Я пытался отговорить Скита от того, чтобы он шёл к общему костру: Серая могла его узнать. Но он почему-то рвался туда.

— Что тебя там так заинтересовало?

Он отмалчивался. Странно, он никогда не отличался молчаливостью.

— Скит!

— Ну ладно. Мне понравилась девушка. Воооон та, сидит рядом с толстой парочкой. Хочу с ней познакомиться. Слышал, как звонко она поет? Какой у неё чистый, грудной голос? А как заливисто смеется... И есть у нее в глазах что-то такое, домашнее и печальное.

— А как же Синий?

— Ну, ты же сам говорил, что она пропала... Да мы с ней скорее были друзьями, чем чем-то большим. Ну, ты понимаешь, не было ощущения, что это моё. Понимаешь же?

Что за бред. И вообще, что значит «моё»?

— А эта девушка «твоеё»? — я сдержал смех.

— Не знаю пока. Но вполне может быть. Сам на неё посмотри. Какая стать! Какой голос! А брови! И вообще, что ты из меня неверного мужа тут делаешь? Я с ней просто поговорю.

Женщина, на которую он показывал, была полноватой и с несколько простоватыми или даже грубоватыми чертами лица, хотя, при желании, её можно было назвать симпатичной. Она отчитывала какого-то мужчину, который вобрал в себя худшие качества своего пола: слабый, щуплый, он всё время пригибался, словно ожидая удара, а в глазах сквозила обречённость. Наверняка, это был тот самый нежилец. Странно, что он вообще дошёл до второй точки.

— Кажется, она замужем.

— Это тот неудачник? Что-то не видно там особой любви. Так что — не вопрос, подвинем, — Скит самонадеянно улыбнулся. — Попробовать-то мне ничего не мешает?

Я обречённо вздохнул.

— Ладно, иди... герой-любовничек. Только Серой на глаза не попадайся.

— Не вопрос!

Он захватил гитару и подошёл к женщине сзади, что-то прошептав. Она обернулась, и её лицо осветилось неприязнью — Скит сильно отличался от красавчика, которым был когда-то. Но Скит снова что-то проговорил и стал петь, перебирая струны гитары. Женщина заставила мужа подвинуться, освободив место для Скита, чем он незамедлительно воспользовался. Они тихонько пели восхитительным дуэтом, и вскоре прочие разговоры стихли. Песня лилась, и пела о доме, о семье и детях, и о том, что у каждого должно быть место, где он может быть счастливым — и быть собой.

Да уж, герой-любовник...

Серая, 4 сентября 3340 года

Проснулись рано — я лелеяла мечту пройти сегодня как можно больше. Конечно, дорога до третьей точки длинная, быстрым шагом часа два-три, а с девочкой — может, и четыре... Но переход с третьей до пятой должен занять не больше пяти часов, а то и меньше. Так что если поторопимся...

Мы подошли к одному из самых живописных мест Лабиринта — к барельефам, и я с удовольствием услышала восхищенные возгласы клиентов. Кажется, эти барельефы были здесь задолго до основания Лабиринта, но откуда именно они появились — никто не знал. Зато, к моему сожалению, с нами был человек, который знал о них всё остальное. Крей. Я застонала, услышав разглагольствования нашего историка, но ему просто не терпелось поведать нам всё, что только можно.

— Надо же, эти барельефы известны во всём мире! Мы их изучали еще на втором курсе.

— Здесь мы видим рождение Эрихтония. Это сын древнегреческих богов Гефеста и Геи, воспитанник Афины, царь Афин, — Крей ловко принял на себя роль экскурсовода. Он рассказывал нам про древний мир, не забывая указывать, что большая часть из этого — легенды, не имеющие под собой оснований.

Мы подошли к центральной стене: там были изображён Минотавр. С одной стороны от него была изображена вереница беззащитных юных дев с печальными взглядами, с другой — юношей с мечами наперевес. И правее — барельеф с мужчиной, приставившим клинок к горлу чудовища.

— Минотавр... По легенде, плод запретной любви жены царя Миноса и быка. Чтобы его спрятать, был построен Кносский Лабиринт. Афины были обязаны каждый год присылать семь девушек на съедению чудовищу. По крайней мере, так говорят легенды.

Крей довольно хмыкнул: кажется, ему удалось привлечь внимание спутников. Он продолжил с долей самодовольства:

— Но на самом деле были найдены неопровержимые свидетельства того, что никаких девушек на остров Крит для пищи Минотавра не приходило. Были созданы слухи, что девушек уводят — но ни одного женского скелета не было обнаружено в лабиринте. Слухи распускались, чтобы афинские юноши, желающие спасти девушек, сами приходили в Кносский Лабиринт. Сестра Тезея пропала, и он готов был отправиться за ней. Ариадна, его возлюбленная и сестра Минотавра, знала правду, но не стала ему ничего говорить, хотя дала ему клубок ниток, чтобы он смог найти дорогу обратно. Он убил чудовище и с тех пор слухи перестали распространять.

Если честно, я впервые слышала такую трактовку и была безгранично удивлена ею. А ведь ловко! Не это ли провернули наши Правители, устроив Курорт? Только приманка другая — а так всё то же самое. Но Крей еще не закончил:

— По другой версии, Тавр был учителем Миноса, грубым и диким человеком. Он устраивал состязания, победителю доставались афинские мальчики — дань из Афин, до сражения находившиеся в Кносском лабиринте... Тавр обычно побеждал, и обходился с ними очень жестоко. Тезей, афинский царь, одержал победу над Тавром, что освободило

Афины от уплаты дани.

Крей задумчиво почесал кончик носа, и продолжил рассказ:

— Что из этого правда — неизвестно. Наверное, она где-то посередине. Кстати, мы находимся где-то в сотне километров от места, где, по преданию, был Кносский лабиринт.

Теперь я перестала сомневаться. Скорее всего, именно информация о Лабиринте была тем, что подтолкнуло Правителей к созданию этого жуткого места.

Я окончательно поняла, что не хочу быть проводником. Не хочу, не могу. Ужасное место, ну неужели нельзя было придумать ничего другого! Только... если я уйду отсюда, то куда пойду? Правда в том, что я ничего, по сути, не умела, работать на низших обслуживающих должностях категорически не желала, а на Марс — мне уже дважды отказывали... И я, к сожалению, не Высший, чтобы иметь право не работать.

Поэтому, скорее всего, это было далеко не последнее моё путешествие. Меня передёрнуло — то ли от мыслей, то ли от холода.

Мы шли дальше. Крей снова продолжил рассказ, Крайя уточнила у него, уверен ли он, что его рассказ никому не мешает — видимо, Крае он успел порядком надоесть. На что Крей повернулся ко мне:

— Серая, тебе было интересно послушать про Тавра?

— Да, — машинально ответила я. И краем глаза заметила, как напряглась Аня, державшая Крея за руку. Возможно, ей не понравилось, что он спросил меня, а не её. Глупости. Вот зачем мне нужен этот историк-любитель? Ну ладно, даже пусть историк-профессионал. А главное, зачем я нужна ему? А учитывая, как он бережно помогал Ане спускаться по камням, этот вопрос был исключительно риторический.

— О! А здесь мы видим барельефы, посвященные Троянской войне... — продолжил свою лекцию рассказчик.

Зарисовка 19. Стихи

Анкин, 4 сентября 3340 года

Мы вышли минут через десять после Серой. Скиту, видимо, не терпелось поделиться со мной эмоциями, — иначе зачем, после моих многократных замечаний о любви к путешествиям в тишине, он снова начал разговаривать?

— Слушай, а у тебя с Серой же всё серьёзно?

— Я не хочу об этом говорить, Скит.

— Ну правда. Она тебе сильно нравится, да?

Я раздражённо повернулся к нему и, повысив голос, пояснил:

— Эта тема — закрыта. Навсегда. Ясно?

— Ясно, ясно, — он вздохнул. Вздохнул еще раз. Давит на жалость, явно. Но я всё же не выдержал:

— Ну, что? Что ты хочешь мне рассказать?

— Да мне просто запомнилась девушка из группы Серой...

Я промолчал, надеясь, что на этом наш разговор закончен. Если бы.

— Ты не запомнил её? Она такая... Она, правда, была с тем мужчиной, но ты сам понимаешь, что это на самом деле мало что значит, — он откашлялся, скинул гитару и запел:

— Твои чуть грубоватые черты
открыли совершенство красоты...

Как тебе?

— Музыка ничего, а вот стихи хромают, — я еле сдержался, чтобы не засмеяться. Наш герой-любовник действительно влюбился! — Попробуй что-нибудь менее пафосное и более простое.

Он задумался.

— Твои глаза — огонь во тьме ночной,
Мне снова освещают путь.
Позволь к тебе мне руку протянуть
И будь со мной.

— Скит, я не разбираюсь в стихах.

— Ну всё равно, как тебе?

— Вроде неплохо, но как-то у тебя с ритмом проблемы.

— Ничего ты не понимаешь, так и задумано!

Я промолчал. Надо было срочно перевести тему. Я не выдержу его стихов о любви.

— Слушай, а тебе не знакомы эти барельефы? — придумал я. — Кажется, про эти события и написана Илиада?

— Да нет, что ты. Илиада про... В общем, этого так не расскажешь. Слушай:

Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам.
Много сильных душ героев пославший к Аиду,
Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным
Птицам окрестным и псам...

Я вздохнул. Видимо, это судьба. Хотя я давно планировал ознакомиться с Илиадой, почему бы не сейчас? Особенно учитывая, что этот переход действительно один из самых безопасных...

Вокруг было тихо и очень красиво. Я всегда, когда проходил, восхищался этими барельефами; возможно, здесь не было зверушек и других опасностей именно чтобы «посетители» смогли без напряжения ознакомиться с ними. Мы снова встретили несколько встречных групп, они были испуганы, но на прямой вопрос про третью ответили, что там всё в порядке. А вот четвёртую все обходили. Одна из групп была большой — четыре человека, не считая проводника. Как выяснилось, двое из них присоединились к уже сформированной группе после того, как их проводник отправился разведывать четвёртую, и не вернулся. Странно, потому что их проводником была не кто иная, как Верия. Она, как и мы с Серой, была одной из лучших. И она не вернулась...

Так что её клиенты остались без проводника. За ней идти они не думали — слышали её полный боли и ужаса крик. Вскоре той же дорогой шла Скали с тремя клиентами, она и подобрала испуганных путешественников.

Я удивился: судя по их объяснениям, их должно было быть на одного больше. Они замялись, но ничего не ответили. Ладно, их дело, раз не хотят говорить.

Мы подошли к ключевой, когда Скит пел про противоборство, кхм, юридического мужа Елены и фактического.

— Тихо! — приказал я, и Скит, на удивление, сразу меня послушался.

Оттуда доносился шум драки. Что там могло происходить? Я же явно слышал, что там ничего особенного...

Разбойники? Но в Лабиринте я не встречал таких больших шаяк, что могли бы напасть на группу из десяти человек. Драка внутри группы? Невозможно, они друг за друга горой стоят...

Оставался один вариант — зверушки. Но я не слышал ни рычания тигров, ни отрывистого лая волков... Пауки?

Раздумывать не имело смысла.

— Вперёд! — скомандовал я...

Зарисовка 20. Обнаженная сталь

Серая, 4 сентября 3340 года

Наконец, после долгих и зачастую нудных объяснений Крея, мы пришли на третью точку. Вопреки ожиданиям, здесь никого не было, даже главный костёр несколько дней как потух. Это сразу же меня насторожило, — насколько я помню, здесь было неплохое место для привала. В чём дело было сейчас?

Терпкий запах корицы обволакивал сознание, мешая думать. Я почувствовала на себя чей-то злой взгляд. Аня смотрела на меня, подкрадываясь ближе. В руках у неё был небольшой нож с резной рукояткой — наверняка подарок Крайи. Но из-за её медленной, кошачьей походки, я сразу поняла, зачем она ко мне идёт. И мгновенно выхватила открывашку.

— Что, сучка, мужика моего захотела? — прошипела она. Точно, свихнулась. По-моему, она просто захотела меня убить. А её занудливый Крей — лишь предлог, явно.

— Что же ты так меня ненавидишь? — гордо ответила я. — Ни хрена не умеешь, да и лицом не вышла, вот и решила от зависти меня прикончить? — ну, тварюга, давай, набросься на меня!

Она с огромной силой напрыгнула на меня, но я ловко ушла в сторону и вывернула ей руку с ножом, насладившись её взглядом, полным ненависти. Только вопреки моим ожиданиям, вместо дальнейшей борьбы она остановилась и несколько раз дёрнула ухом — странно, я не видела раньше, чтобы человек так мог. Значит, это проявлялась её инфигированность. Значит, ей становится хуже. Значит, её срочно нужно... ликвидировать! Я готова была ещё раз легко взмахнуть открывашкой, когда она остановила меня испуганными глазами и простым вопросом, снабжённым кивком куда-то в сторону:

— Что там?

Я тоже остановилось, — прикончить её я успею; проследила за её взглядом. Там сцепились Крайя и Некрида, и катались по полу. Эрик сидел рядом в сторонке и плакал. Чуть дальше Лидия и Драйян стояли спиной к спине и огромными шеф-поварскими ножами встречали каждого, кто к ним подходил. В тот момент это была Зарина — она шипела что-то про то, что Лидия и Драйян хотят её... съесть?.. Оригинально. Хотя, глядя на их хищные улыбки, я тут же поняла, что Зарина может быть права. В голове сразу же пронеслась мысль, что после Зарины они примутся за меня... Я, по-прежнему держа руки Ани вывернутыми, подобралась поближе к каннибалам...

Зарина заметила сцепившихся Крайю и Некриду и кинулась к ним. Неужели для неё защитить подругу важнее, чем сохранить жизнь? Идиотка. Такие и не должны жить!

Некрида несколько секунд спустя выбралась из клубка, а её место заняла Зарина... Но Крайя, видимо, желала драться только с Некридой: девушка выпуталась и снова попыталась накинуться на своего... «врага»?

И тут я увидела того парня, что развлекал нас песнями на второй точке. Он бежал к Некриде, подняв над собой гитару. И я внезапно обнаружила, что он подозрительно похож на разбойника, с которым у нас был пакт о ненападении... Так он за нами следил? И сейчас он и хочет нас всех убить и ограбить? Я сразу же попыталась броситься на него, но тут на

меня напал Крей. Я отпустила Аню — она отползла в сторонку и испуганно смотрела на происходящее — и сразу же пожалела, что успела поставить руку этому мерзавцу... Он орал что-то вроде «отойди от моей жены, ты не отнимешь её у меня»... Да что они все, помешались, что ли?

Я, хоть и не сразу, откинула его от себя. Он перекувырнулся во время падения, так что, когда приземлился, увидел, как Крайя вырывает клочок волос у Некриды, Некрида пытается в ответ дать пощёчину, а разбойник обрушивает гитару на Крайю. Крей кинулся защищать сестру, и я его поддержала: разбойника надо было убить!

Разбойник вдруг запел: «а на небе-е-е встретят Сашка да Илья», и сюрреализм полностью завладел ситуацией.

Кажется, когда гитара обрушилась на меня, а я попыталась парировать её ятаганом, послышался жалобный «треньк». Разбойник сразу же остановился — и на его глазах появились слёзы! Что, неудачник, любимый инструмент сломали? Сейчас я сломаю тебе кое-что поважнее...

И тут я увидела его. Анкина. Он выскочил и откинул разбойника от меня.... Но он не мог здесь быть. Он просто не мог здесь находиться, он же в отпуске! Галлюцинации... Это всё — не более, чем галлюцинации. И этот дурной запах корицы, который просто не мог здесь оказаться. А мы, как последние идиоты, попались.

— Это всё газ! Уходим! — закричала я, помогла подняться Крайе и стала перекидывать всех своих в один из проходов, ведущих к четвёртой точке. Как ни странно, они почти не сопротивлялись — разве что Драйян с Лидией захотели меня проткнуть напоследок. Но мне неожиданно помогла Аня.

Наконец, мы все оказались в проходе. Все сидели, уныло прислонившись к стенам и испуганно смотря друг на друга. Словно не ожидали, что они на такое способны. А я истерически захохотала.

— Это был газ! Просто газ! Галлюцинации. Паранойя.

Я снова нервно рассмеялась:

— А мы ему так просто поддались. Значит, были поводы. Хотя и не представляю себе, что я могла в здравом уме поверить, что Лидия и Драйян хотят меня съесть.

Послышались нервные смешки. Почти все при моем взгляде опускали глаза. В том числе Аня и Крей. Лидия попыталась виновато объяснить:

— Нам показалось, что вы хотите отобрать у нас всю еду и оставить в Лабиринте умирать от голода! И не только саму еду, но и приправы, и записи...

Я рассмеялась. Как, наверное, веселится Лабиринт, наблюдая за этим! При условии, что он разумный, конечно.

Но, оказалось, еще не всё закончилось: Крайя вскочила и заорала на Некриду:

— Я бы и сейчас тебя... того! Кокнула! Это из-за тебя Эрик чуть не покончил с жизнью...

У меня от удивления, кажется, открылся рот. Ничего себе страсти...

— Это мой муж! И я имею полное право не ему давать развод! — вскочила Некрида.

Сколько бед может наделать банальный любовный треугольник! Я прерывисто вздохнула.

— Девочки, успокойтесь!

Естественно, мне помогла Лидия: она встала, обняла Крайю за плечи и, что-то нежно нащёптывая, опустила к стенке. Потом так же подошла к Некриде и что-то ей зашептала. На

моё удивление, Некрида покраснела и смущенно улыбнулась.

— Ну что, мир? — улыбнулась Лидия.

Все вздохнули. Наконец-то мир и порядок, можно передохнуть.

Все, кроме... И тут я обнаружила, что не знаю, где находится вверенная мне девочка.

Зарисовка 21. Дружба

Анкин, 4 сентября 3340 года

Когда Серая закричала, я опомнился и отвёл руку с ножом, которая собиралась нанести второй удар в область груди. Первый пришёлся в живот, но, кажется, вместе с нарушением психики я временно потерял свои боевые навыки: ничего важного задето не было, хотя выглядело это страшно. Я схватил его за шиворот и вытащил в ближайший коридор. перевёл дух.

— Ты извини, что я на тебя напал.

— Это всё газ. Да я и сам сошёл с ума, — музыкант со слезами на глазах рассматривал то, что осталось от гитары. Похоже, его больше волновали осколки гитары, чем собственное ранение.

Нужно было зашить рану. Я достал аптечку, вытащил нейтрализин — походную мазь для обеззараживания и обезболивания, вытер кровь, стал наносить мазь вокруг раны: надо было срочно её зашить.

Помолчал, раздумывая, стоит объяснять причину нашего буйства или нет. Почему-то после этой точки я чувствовал необъяснимое доверие к парню, да и мне просто захотелось высказаться.

— Это действительно газ, на мне уже его применяли — несколько лет назад, на Марсе. Проверяли нашу обороноспособность и сплочённость взводов. Этот газ не смог бы заставить тебя сделать ничего, что бы ты не сделал в реальной жизни. Но доводит до абсурда и сметает все собственные границы. Я испугался за Серую. Очень сильно.

— Ты тоже меня извини. Я на неё напал только из-за Некриды. Сам не знаю, что на меня нашло. Я же, кстати, обещал не трогать её и её клиентов. Так что вполне возможно, из-за нарушения договора Лабиринт заставил тебя напасть на меня.

— Возможно. Но ты же сам сказал, что ты влюблён, Скит, — тихо произнёс я, отложив мазь, и взяв специальные иглу и нить. — Любой на твоём месте поступил бы так же. И я. Давай просто договоримся, что никогда не причиним вреда ни друг другу, ни любимым друг друга. Друг, — не знаю, что на меня нашло, но мне захотелось его так назвать.

— Хорошо, слово, — он вздохнул. Его гитара была разрушена, любимая снова далеко и без его защиты, он ранен, нарушил договор в Лабиринте... Наверное, ему сложно. Но он всё равно согласился, даже осознавая возможные последствия нарушения второго договора в Лабиринте. И вдруг он тоже добавил:

— Друг.

В этот момент я воткнул иглу в кожу — и нас окутало сияние. И растворилось. На секунду, не больше.

— Что это было?

— Лабиринт принял нашу дружбу, — уверенно ответил Скит. Интересно, с чего он это взял? Откуда такая уверенность?

— Да уж, втыкание в человека открывашки очень способствует дружбе!

— Наверное, — он улыбнулся одними губами; в его глазах была тоска.

— Я берёг её больше всего на свете, — невпопад произнёс он. — Ты же помнишь, что я

входил сюда с гитарой? Она помогла мне пережить всё, через что я прошёл. Она и Пушок. А сейчас я лишился и гитары, — он любовно погладил осколок грифа. — Гитару уже не вернуть... Да и Пушок, скорее всего, погиб. Пушок...

Я закончил с шитьём и взглянул на него. Кажется, Скит совсем скис. Как я мог его поддержать?

И тут послышалось залиvistое тьяканье с точки. Мы обернулись, и через несколько секунд увидели миниатюрного, всего в треть метра длиной, волчонка, с трудом тащившего из точки в наш коридор потерявшую сознание девочку. Увидев нас, он бросил свою добычу и снова тьякнул, подбежав к своему хозяину, лизнул его улыбающееся лицо.

— Пушок, не может быть! Ты жив!

Зарисовка 22. Первая потеря

Серая, 4 сентября 3340 года

Надо было искать Лею. Я встала; казалось, я была так измотана, что готова была упасть и проспать несколько часов. Почему в этом нашем путешествии всё так... через неприглядные места?

— Ты куда? — Зарина? Почему её внезапно заинтересовали мои действия? Ни в её голосе, ни во взгляде не было сомнения в моих поступках, только беспокойство. Интересно, на Марсе их познакомили с этим газом?

— Искать Лею, — резко, как отрубил. Именно так, никаких вопросов.

Но вот я не учла, что мои клиенты ко мне... привязались. Так что, когда я озвучила свою проблему, они, видимо, восприняли её как нашу.

— Я с тобой! — воскликнула Зарина. Её поддержали все остальные. Эрик, конечно, молчал — ну, да что с него взять. А так даже Аня искренне желала загладить свою вину.

— Когда вы её видели в последний раз?

— Когда заходили на точку, — да, работа учёным, наверное, накладывает свои отпечатки; а может, Крей внимателен от рождения.

— Значит, она находится на точке, либо в ближайших коридорах.

— Серая, мы не хотим разделяться, — ответила за всех Лидия. — Если с тобой что-нибудь случится, мы не выйдем из Лабиринта. Если бы не ты, мы бы перебили друг друга, — её голос взволнованно задрожал.

— Прямо сейчас мы не можем никуда идти, — решила я, немного подумав. — Давай осмотрим вместе ключевую точку, и, если её не найдём, пообедаем и пойдём проверять коридоры.

От компании послышались возгласы одобрения. Что ж, они правы. Я не имею права оставлять их надолго: если исходить из статистики наших злоключений, они без меня долго не протянут.

Но сейчас не было смысла всем тащиться на ключевую точку.

— Зарина, Крей, Крайя — со мной. Помните, что там газ, не поддавайтесь. Остальные — можете начинать готовить.

Мой выбор объяснялся простыми выводами: у них не было никаких претензий друг к другу, к тому же все в неплохой физической форме. Так что с ними не должно было возникнуть проблем, а при встрече с другими группами у них были бы шансы уйти без потерь, да еще и увести противников из-под газа.

Но нам повезло и вместе с тем не повезло: других групп не было, но девочки не было тоже. От разбойника не осталось и следа. Мы обошли точку — она была сравнительно небольшая, так что мы не потратили на это много времени. Странно, но на этот раз у меня не возникло желание кого-то убить, ровно как меня не посещали галлюцинации с Анкиным. Возможно, потому что мы это место уже прошли?

Вернулись. Остальные загрустили, увидев нас четверых, но ничего не сказали. Нас стало на одного меньше, правда, на самого слабого. Но какая разница, когда речь идёт о

человеческой жизни?

ЧАСТЬ 2. ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС. Зарисовка 0.

Триста семнадцать лет назад

Алекс Дюр, 1 июня 3023 года

Алекс Дюр, президент Всемирной Республики, сидел за своим столом перед сотнями экранов и взахлёб рыдал. Если бы его сейчас увидел забежавший по срочному вопросу подчинённый, да если бы сейчас его увидел любой человек Земли — он бы не поверил своим глазам.

Алекса Дюра за глаза называли киборгом, каменным человеком, сгустком стали, — конечно же, с почтением, граничащим с восхищением, — и никто, ни разу не смог заметить выражение малейшего огорчения на его мужественном лице. Всегда — спокойствие, иногда — играющая, лёгкая улыбка, и никогда — тень печали, удивления или восторга. Он был лицом своей нации — нации людей.

Он спокойно перенёс известие о захвате жены террористами — и отказал им в их требованиях. Он пережил смерть дочери в несчастном случае — и не проронил ни слезинки. Но сейчас именно этот киборг, каменный человек, сгусток стали взглядывал на экраны и снова заходился в рыданиях.

Он потерял больше, чем жену или дочь. Он потерял смысл своей жизни.

На стене над дверью золотом были выложены слова «Труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни». Когда он отказывал террористам, он смотрел на эти слова. Когда ему сообщали о дочери, он смотрел на эти слова. А сейчас... он готов был сам взять в руки краску и замазать эту ложь.

Президент Всемирной Республики воплотил в жизнь коммунизм. Так, как он мог быть воплощён. И поплатился за это.

Сначала люди продолжали работать — по инерции. Конечно, были те, кто ушёл с работы в виртуальные миры или просто безделье; были и те, кто мгновенно стал искать занятие по душе. Он сам читал исследования недавних учёных и рассказы писателей, видел скульптуры и картины, слушал музыку, любовался опереттами и балетом тех, кто перестал работать ради куска хлеба — и стал работать ради себя самого. Картины, балеты и песни в большинстве своём действительно стоили подобной реформой, даже пусть кратковременной. Но людей, которые стали искать что-то по душе, было меньшинство. Большинство просто продолжало работать.

Но время шло, люди набирались смелости. Алекс Дюр пропустил момент, когда это покатила, как снежная лавина — и вот, почти всё человечество наслаждается бездельем и развратом, на руководящих должностях не те, кто имеет к этому способности, а те, кто пробилась наверх из-за массовых увольнений и непоколебимой уверенности в собственной правоте. И они, эти люди, пользуются служебным положением, сокращают ежедневные нормы для обычных людей, излишки забирают себе, средства роскоши — которые должны были доставаться лучшим из лучших! — присваивают себе и своим близким. Рушатся дома, ломаются компьютеры и киборги, опаздывают и иногда совсем не прилетают самолёты...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но мало этого, сегодня, словно чтобы подломить последние силы президента, пришёл отчёт по рождаемости.

Люди науки и искусства в большинстве своем почти не обзавелись детьми. Им было некогда: они думали, изобретали, творили. Они и так наслаждались жизнью. А остальные... выращивали таких же детей, как они сами. Дети в четыре года у таких родителей не умели ни ходить, ни говорить. Общество вырождалось. Детские сады и школы отказывались принимать детей с недостаточным развитием — и в детские сады стали отправлять уже восьмилетних дети.

Когда это началось? Почему он этого не замечал? Он наказывал, бдил, исправлял, и, казалось, что всё идёт хорошо... Его вера затмила его разум, его надежда уничтожила критичность восприятия.

Алекс Дюр не понимал, что и почему он сделал не так. Его мечта, его надежда, вся его жизнь рассыпалась прахом — как одна из новостроек, в которую самоуверенные дельцы добавили слишком мало связующих материалов.

Алекс Дюр рыдал долго и мучительно, но, хоть слёзы и текли по его щекам, в воспалённом мозгу роились новые идеи, а в сердце зрела мрачная решимость.

— Я погубил этот мир. Я сделаю всё, чтобы вернуть его к жизни. И всё, чтобы подобного не повторилось.

Первым указом было введение звания Высших — людей, важных для этого мира, а также порядок присвоения звания.

Вторым указом — объявление о созыве Правителей из числа Высших и человекокомпьютеризированный механизм наследования. Первых Правителей он выбирал сам. Они все сначала отнекивались, но после краткой лекции о состоянии Всемирной Республики примолкали. На глазах некоторых появлялись слёзы, а некоторые — пожимали руку. Не потому, что мир был разрушен им, — а потому, что ему хватило смелости признать это.

Третьим указом было создание обязательных интернатов для детей, начиная с трёх лет, а также ограничение свобод для людей — не Высших.

Четвёртым... четвёртого указа не было. Был только громкий выстрел и кровавые брызги на стене и двери.

Алекс Дюр долго целился, чтобы капли крови и мозгов попали на столь ненавистную цитату, погубившую его и весь мир. Может, теперь её закрасят? — усмехнулся он перед нажатием на спусковой крючок.

Зарисовка 1. Мысли

Некрида, 4 сентября 3340 года

Некрида шла рядом с Зариной, своей самой близкой и надёжной подругой. Мысль о том, как она бросилась её защищать на той точке, приятно согревала сердце, и невыраженная благодарность переполняла девушку. Да, Некрида осознавала, что была не права, удерживая Эрика возле себя, но Зарине даже не было важно, права она или нет — Зарина просто верила подруге и в подругу. Просто была рядом. Некрида очень редко видела подобную дружбу среди женщин, ну а то, что такая дружба может быть между мужиками, даже представить было невозможно.

Вот взять того же Эрика — вон он, шагает себе рядом с Драйяном. Болтают только о пациентах да о политике, разве ж это дружба? Эрик... Эх, Эрик-Эрик. Ничтожеством ничтожеством, но вцепились же в тебя две женщины. И из-за чего, спрашивается? И кто — сама Крайя, яркая и языкастая! Зачем ей сдался этот неудачник?

Почему Некрида сама вцепилась в него, ей было как раз-таки понятно: её внешность не была особенной. Тонкие волосы, полная фигура, простоватые черты лица. Нос картошкой, большой рот. Разве что ресницы были длинными и пушистыми — но это скорее потому, что косметикой Некрида не пользовалась принципиально, и не успела себе их испортить. А если в глазах тоска, то кому они могут быть интересны?

Если честно, хоть в юности у неё и было несколько мужчин, Эрик был первый и единственный, кто согласился жениться на ней. Она уже становилась старой, еще десяток лет — и ей бы разрешили ребёнка, только если бы она стала Высшей. А с таким полным отсутствием талантов и жуткой профессией... Младший ассистент главного организатора научных конференций компании Фрискай, куда уж ей.

Вот Некрида с мужем и планировали ребёнка в этом году, так что нарушить данное обещание было бы свинством. На самом деле, после ребёнка он мог бы делать что угодно — но ей было нужно разрешение на ребёнка сейчас, а значит, они должны были казаться идеальной семьёй. А вот как появится у неё сын или дочка, так пусть и катится этот неудачник на все четыре стороны! А захочет еще — так его через несколько лет могут и Высшим сделать. Учёный, как-никак. Да и мозги у него... есть.

Навстречу группе шла одинокая женщина с короткими волосами в таком же камуфляже, как у Серой. Серая, она была впереди, узнала её и заговорила с ней. Женщина странно передёрнула плечами и пошла дальше. У неё были глаза как у сумасшедшей — растерянно смотрели по сторонам, не останавливаясь ни на чём. Серая обеспокоенно взглянула ей вслед.

Некрида за своими мыслями совсем забыла, где они находятся. И как раз обеспокоенный взгляд командирши напомнил ей об этом. Хотя... что об этом думать, живы будем — не помрём. Тем более раз Серая, «лучший проводник Земли», с ними. Да и жизнь Некриду не особо интересовала... Ей бы только ребёночка...

Девушка снова вздохнула, глядя на Эрика. Она до сих пор в красках помнила их первую встречу...

Тогда была конференция, посвященная «генетическим изменениям организма в течение

жизненного цикла». Эрик был молодой, перспективный учёный — у него еле-еле пробивались усики. А она тогда — секретарь младшего помощника организатора. Она регистрировала прибывших, в том числе Эрика. Он был моложе её, как и принято, и когда Некрида предложила выпить вместе кофе вечером, изумлённо согласился. А потом — немного настойчивости, и вот они уже у Некриды в блоке, заказывают завтрак.

Ему пророчили мгновенную карьеру, и Высшего не далее как через пять лет, но девушка настаивала на ребёнке — и он изменил профиль учёного на врача. Занимался он всё тем же, но работы его теперь не стали бы публиковаться, а значит, и Высшего не дадут.

И они четыре года изображали из себя идеальную семейную пару, Некрида даже мирилась с тем, что он оставляет носки по всему блоку, а теперь эта Крайя приходит и всё портит. «Ты не понимаешь его тонкой душевной организации!» Некрида, между прочим, от его тонкой душевной организации детей хочет! А эта ненормальная пусть идёт... лесом.

С другой стороны, Скит... Но она же не может ему нравиться, верно? У него очень глубокий взгляд, и большие, сильные руки. А как он играет и поёт... Шрамы же только сделали его красивее. Они выгодно отличали его от толпы мягкотелых развалин, интересующихся лишь наукой да политикой. А душа? А семья, дети? Ответственность перед близкими?

У Эрика этого не было. А у Скита — было. Ей хватило одного вечера, чтобы осознать, как они духовно близки... Но Некрида не могла надеяться на его чувства. Да и вдруг... у него уже есть ребёнок? Так что лучше уж синица в руках... то есть Эрик.

Зарисовка 2. Продолжение пути

Серая, 4 сентября 3340 года

Чёрт — размеренно стучало сердце, а на глаза наворачивались слёзы. — Чёрт, чёрт, чёрт...

Лея. Да какая разница, как она мне досталась, даже если с неба свалилась. Я её потеряла. Просто потеряла.

Да, знаю, женщины не плачут, но я снова и снова вспоминала её дурацкого медведя с розовым бантом, и наш неловкий разговор на второй точке... Ну что я к ней прицепилась тогда? Да и какая разница, даже если готовится в инструкторы, или инфицирована, или даже является оружием массового поражения? Прежде всего, она была лишь маленькой девочкой, потерявшей родителей.

Родители... Я снова вспомнила своих родителей. Они сейчас управляли одним из многочисленных фермерских хозяйств на Венере, вместе с дедом и бабой, но пока я воспитывалась в интернате, они жили здесь, на Земле, и каждое последнее воскресенье месяца водили меня в подпольный парк аттракционов. А потом покупали мороженое и долго-долго сидели и смотрели на всегда пасмурное небо. Я тогда ещё обещала им, что обязательно стану Правителем или как минимум Высшим, и свожу их на один из курортов, где есть солнце. Они с ласковой улыбкой отвечали, что для них главное, чтобы я про них не забыла, когда вырасту, а к небу, затянутому облаками, они давно уже привыкли, и им оно уже кажется намного роднее, чем чистое. Возможно, потому они и переехали потом к родителям отца, что на Венере очень красивые облака. Нежно-розовые. Может быть, они ждут, что и я к ним перееду, когда воспитаю сына или дочку — но пока они меня туда не звали. К тому же, мне пока было рано думать о детях. А быть фермером — не предел моих мечтаний. А вот рисовать...

Мне почему-то нестерпимо захотелось нарисовать Лею, с её дурацким медведем и робким взглядом. Что-то внутри меня подсказывало, что она жива, и я хотела верить этому, но не получалось. Ребёнку в Лабиринте не место, и, хоть и существует то ли поверье, то ли легенда, что детей Лабиринт не трогает, но даже если она жива, это вряд ли надолго.

Сейчас её искать бесполезно. Как-никак на мне лежит ответственность за других людей. И сначала я выведу своих... а потом отправлюсь на поиски. Бессмысленно? Возможно. Но я не могу по-другому.

Навстречу прошла компания людей. Они не были неадекватными, как моя знакомая-проводник до этого, а я была мельком знакома с проводницей этой группы — Аист. Её так прозвали за тонкую, как жердь, фигуру, белую кожу, белые волосы и чёрную прядь в чёлке. Ей понравилось, и она тоже стала себя так называть.

Они предложили угостить нас чаем — они в этот раз шли быстрее, чем рассчитывали, только вчера днём зашли. Если совсем повезет, до вечера будут на курорте, и чай им уже не понадобится.

У них был тот самый сбор, который прояснял мысли и поднимал настроение. Мы с радостью согласились, и, рассевшись прямо на полу пещеры, стали передавать чашки по кругу.

— Как там четвёртая? — Хоть Снимрик мне и рассказывала, что туда лучше не заходить, я ей не то чтобы не поверила, но не посчитала её слова достаточно важными для смены маршрута. Кроме того, четвёртую надо как-то обходить, а я не знала ни одной дороги в обход.

— Мы туда не заходили, — Аист угрюмо взглянула на меня.

— Что так?

— Я слышала некие сплетни. И мне они совсем не понравились. Три проводника оттуда не вернулись, — она назвала несколько имён. Кажется, одна из них была её близкой подругой.

— Сочувствую.

Она помолчала.

— Да... И вы лучше не идите. Есть отличное ответвление от этого прохода, там, где озеро. Шагов двадцать сделаете по реке, и увидите узкий проход, метр в ширину. Главное, не поскользнитесь, — она окинула взглядом моих подопечных, словно сомневаясь, что они вообще умеют ходить. — А то речка унесёт Лабиринт знает куда.

— Да... спасибо.

— А что, как третья точка?

Я сморщила лоб, пытаюсь вспомнить. Ничего не вспоминалось.

— Без приключений, — ответила я.

Где-то через час после нашей встречи я вдруг вспомнила, что было на третьей точке. Но ребята уже ушли далеко, и догнать их было невозможно.

— Серая, — негромко позвала меня Крайя.

— Да?

— А почему ты не сказала им, что на третьей точке газ?

— А ты почему не сказала?

— Да я и не вспомнила вообще, что там было...

— Вот и я так же...

Крайя взглянула на меня, кажется, поймав мою мысль. Всё-таки хитрец этот Лабиринт, ой хитрец...

Зарисовка 3. Страхи

Лея, 4 сентября 3340 года

Лея открыла глаза, ощущая на своём лице что-то мокрое и шершавое.

— Пушок! Ну прекрати, разбудишь девочку, — проворчал чей-то сиплый сильный голос.

Девочка села и осмотрелась. Она находилась в компании двух мужчин и одного маленького волка. Ей оставалось только надеяться, что они ничего о ней не знают. Она захлюпала, с опаской поглядывая на мужчин. Когда это всё закончится?

— Ну, не плачь, всё будет хорошо, — мужчина похлопал Лею по плечу и сочувственно улыбнулся. — Ты теперь в безопасности.

Испуганно прижав к себе медведя, девочка внимательно посмотрела на того, кто говорил — ей показалось, что он тут был главный. К тому же, он немного напоминал папу — такие же большие руки и смешные усы. И хотя лицо у него было страшное, но вот глаза — добрые и улыбчивые. Папочка, мамочка, почему вас нет рядом?

Девочка несколько раз вдохнула, справившись со слезами, и неуверенно улыбнулась заговорившему. Но тут вмешался другой, большой мужчина, высокий и с большими плечами, который почему-то строго и даже зло на неё смотрел:

— Как тебя зовут?

— Лея.

— Меня зовут Анкин, а это — Скит.

Скит подмигнул, и Лея почувствовала смущение. Надеюсь, они ничего обо мне не знают? Наверное, нет, — рассуждала она. — Они видят меня в первый раз. Значит, я правда в безопасности. Пока. Хотя этот жуткий взгляд большого...

Девочка аккуратно поправила платье. Она абсолютно не помнила, как она здесь очутилась. Кажется, она почувствовала себя плохо на точке и кинулась в ближайший проход. Хорошо еще, что они ничего не заметили.

— Как ты себя чувствуешь?

Потеряла сознание, убегая от ужасной рези в лёгких, чудом избежала смерти сначала в Лабиринте, потом от рук этих ужасных инструкторов, а они еще спрашивают!

— Что было с воздухом на точке? — папа всегда ей говорил: лучшая защита — нападение. Не хочешь отвечать на вопрос — задай свой в ответ.

— Газ. Он заставлял людей атаковать друг друга. Как ты очутилась здесь?

— Я почувствовала себя плохо и испугалась.

— Ясно.

Строгий человек отошёл и отвёл за собой доброго. Волк крутился возле доброго, виляя хвостом.

— Волчок, — позвала Лея.

Он подбежал к ней, лизнул её коленку. Девочка погладила его костяшками пальцев, и он улёгся у неё в ногах. До неё донесся разговор — забавные, думают, она их не слышит...

— Она ненормальная! На всех газ подействовал, а её испугал. «Она почувствовала себя плохо». Она вообще — человек?

— А почему ты сомневаешься?

— Не знаю. Что-то не даёт мне покоя. Помнишь, я говорил тебе про странные следы гнили на щупальце? Либо какое-то чудовище каким-то образом оказалось на самом верху Лабиринта, либо у щупальца болезнь, либо кто-то из клиентов Серой опаснее, чем кажется... А девочка — единственная, кого Серой навязал инструктор. Что она здесь делает?

Лея испугалась. Откуда они могут знать, что она из группы Серой? Щупальце — Лея даже сама не сразу заметила, что коснулась его! Думала, что и никто не заметил. Чего они от меня хотят? Ну же, добрый, защити меня! А то злой меня точно убьёт...

— Анкин, ты выдумываешь. Это всего лишь девочка, потерявшая родителей. Если бы она была опаснее, чем кажется, она бы напала на нас или на клиентов Серой.

— Ладно. Надеюсь, ты прав. Нам пора идти. Я знаю отличный обходной путь. На четвертую заходить не будем — слухи не дают мне покоя. Надо было обратиться проводниками, да зачистить её! Но нет, в сентябре всегда наплыв клиентов...

Он подошёл к Лее, она попыталась сделать вид, что ничего не слышала.

— Идти сможешь?

Девочка кивнула и встала, прижав к себе Мишку. Мишка, только он один ее понимает... Да ещё и волчок, наверное. Он же тоже совсем не плохой?

Зарисовка 4. Семьянины и декабристы

Анкин, 4 сентября 3340 года

Надо было идти. Мне не нравилась девочка, и я кидал на неё хмурые взгляды. Что случилось с этим странным газом?

А Скиту она понравилась. Во, как он ловко стал играть с ней и с её медведем. Разыграл целую сказку. Наверняка уже своих хочет, вот и играетя...

— Скит, мы идём?

Я шёл первый. Скит — рядом с девочкой, волчок крутился возле них. Мало того, что эта малолетняя мерзавка, возможно, только и ждёт повода, чтобы нас уничтожить, как она уничтожила щупальце, так теперь она перетягивает моего друга на свою сторону!

Я вздохнул. Вдох — выдох. Сосредоточиться на своём дыхании, на размеренности своих шагов. Эта известная и простая техника помогала улучшить ясность мыслей. Обычно помогала, но сейчас другие мысли лезли в голову, мешая думать о главном.

— А что бы сказала Серая? — внезапно спросил я у самого себя. Она бы даже не заметила странности девочки. Вот не заметила же она её возле озера? Наверное, она её ищет, волнуется. Первый потерянный клиент...

Я подавил желание тут же отыскать дорогу, по которой пошла Серая и успокоить её, показать, что не о чем волноваться. Она сейчас должна идти на четвёртую... Хотя нет, о четвёртой её наверняка предупреждали. Тогда на пятую. Обход... Да, пожалуй, я знаю место обхода. Как бы мы там не пересеклись — ей явно не понравится, что я пошёл за ней... Но уезжали же жёны за декабристами в Сибирь!

Кто такие декабристы и зачем они уезжали в Сибирь, я не знал. Возможно, в Сибири был аналог нашего Лабиринта. Так что я имею полное право идти за Серой... А учитывая то, как она наверняка сейчас волнуется за девочку... Ну и что, что она чудовище и может при первой же возможности вырезать нас всех? Пока не вырезала же... Значит, я действительно могу ошибаться насчёт девочки. Как её зовут? Лея, кажется. Щупальце, возможно, само по себе было больным, а при напряжении отвалилось. А на газ — так это просто индивидуальная реакция организма.

Скит выглядел счастливым. Почти так же, как когда говорил про Некриду. Ох уж эти семьянины... Хотя, я бы и сам... Ну вот если приключение Серой будет в меру неудачным, может, она и задумается о семье... со мной?

Мы вышли к быстрой, широкой, но не очень глубокой реке, пересекающей туннель почти перпендикулярно. Дальше мы должны были пойти налево, против движения — до второго туннеля, чтобы выйти к пятой, где мы, возможно, и встретимся с Серой, или до третьего, если мы вдруг захотим быстро вернуться на четвёртую точку.

Но не успели мы сделать и пару шагов в нужном нам направлении, как Лея закричала «Осторожно!». Я собирался обернуться к ней и отчитать за крики в Лабиринте, когда нас просто сшибли с пути несколько фигур. Скит постарался уберечь Лею — и обоих поволокло в направлении движения реки. Я успел ухватиться за камень, рассматривая проносящиеся мимо фигуры. Люди Серой? Сама Серая? Под конец я увидел средних размеров паука, который по какой-то нелепой случайности зацепил мою одежду лапой, и меня поволокло

Вслед за ними.

Зарисовка 5. Вежливая встреча

Серая, 4 сентября 3340 года

— Серая, — позвала меня Аня.

— Что такое?

— Я слышу шум воды и странный звук... «кляц-кляц-кляц». Что это?

Кажется, Анина инфицированность проявилось в хорошем слухе. Легко отделилась, кстати, вместо болезни — полезная особенность. Даже я, со своим опытом и натренированным слухом, как ни пыталась, не смогла услышать то, про что она говорила.

— Вода — это водопад. А «кляц»... Это «кляц» явно неспроста. Может, конечно, группа чья-то недалеко. Но больше похоже на паука. Надеюсь, никто из вас не страдает арахнофобией?

— Нет, — все, кроме Ани, расслабились и успокоились. Ну да, что бояться маленького паучка? Кто бы им рассказал, что пауки бывают пару метров в диаметре. Как бы для них не стало сюрпризом то, что они могут увидеть... Впрочем, надеюсь, что и не увидят. Есть же шанс, что паук находится в том отнорке, куда мы не будем заглядывать?

— Все за мной. Не высовываться.

Наконец, мы подошли к реке. Несколько метров в ширину, по колено, она с огромной скоростью пересекала Лабиринт под небольшим углом. Да, если упадёшь в воду, тебя протащит по камням несколько метров. А если там будет глубже, то и еще дальше — течение было невероятно быстрым.

— Нам надо пройти по реке несколько десятков метров и свернуть налево. Аккуратно, держитесь за стены, падать ни в коем случае нельзя. Всё понятно?

— Серая... Они здесь... — испуганно прошептала Аня.

И точно — сквозь шум воды — наверняка недалеко был водопад — пробивалось «кляц-кляц». Как раз там, где надо было идти. Я посветила фонариком, но он не добивал до источника шума.

Я пошла первой, бесшумно, стараясь не сдвинуть камни под водой, аккуратно придерживаясь стенки — и вот, на меня смотрят шесть пар огромных круглых глаз. Странно, но он не делал попыток напасть на нас. Его челюсти захватывали воду. Он... пил! Он вообще не обращал на нас внимания! Может, он травоядный? Или просто сытый. Или у него похмелье...

— Можно... Мы пройдем?

Паук не двигался. Ага, как можно было подумать, что он понимает человеческий язык? Совсем свихнусь скоро с такими приключениями.

— Быстро, я стою здесь, сторожу паука. Вы идите мимо. Аккуратно, не делайте резких движений.

Пока в моих руках отдыхал ятаган, в любой момент готовый начать действовать, мои подопечные один за одним прошли мимо. Паук продолжал пить, по-прежнему нас игнорируя. Последний проходил Эрик. Внезапно он вскрикнул, подпрыгнул и упал в воду. Я вздохнула. Не могло же всё идти так хорошо, верно? Вот и сейчас: то ли его кто-то укусил, то ли просто наступил на камень. Быстрое течение подхватило его и потащило по скользким

камням. Он попытался зацепиться за лапу паука — точно у парня нет инстинкта самосохранения! — но паук тоже не удержался и покотился в воду. Паук зацепил меня, и наша троица как шар для боулинга сбила всех остальных.

На этом всё не закончилось: протащив нас по мели, река углубилась. Она стала чуть спокойнее, но этого всё равно было недостаточно: слишком стремительно нас несло, а ледяная вода сводила ноги, так что любые попытки приблизиться к каменистому берегу отдавались болью. Когда появился нужный туннель, я уже была в отчаянии.

— Попытайтесь вылезти! — закричала я. Драйян и Лидия, кто был ближе всего к краю болтались в толще без движения. Массивные фигуры только мешали им, и не давали сопротивляться течению. Зарина была ближе к середине, но она попыталась сделать то, что мне даже не пришло в голову — схватилась за свисающий сталактит и попыталась подтянуться. И у неё получилось! Она протянула руку, и Лидия попыталась ухватиться за неё... Меня уже протащило вперёд, но я надеялась, что так, один за одним, мы сможем выбраться на берег. Послышался треск. Я оглянулась и чертыхнулась: сталактиты редко бывают настолько прочными, чтобы удержать двоих человек, и этот был не исключением. Женщины плюхнулись в воду вместе с обломками известкового нароста, и их потащило ещё быстрее, чем прежде.

Я даже не успела вздохнуть или сделать попытку справиться с течением самой: река резко повернула, и мы увидели Анкина, разбойника и Лею. Лея? Откуда она здесь? И она жива!

Девочка увидела нас и завопила. Было с чего: Некрида, оказавшаяся впереди, попыталась схватить девочку за руку, чтобы выбраться из коварного течения. Но девочка отдернула руку и шлёпнулась в воду сама. Её тут же сбил Крей, потащив за собой — и разбойник, потянувшийся, чтобы помочь девочке, тоже грохнулся в воду, разбрызгивая вокруг себя холодные крупные капли. И только Анкин держался за камень, хмуро взирая на происходящее.

Впрочем, ему тоже не удалось избежать купания: его сбил сам паук, который до сих пор барахтался среди наших тушек.

— Теперь все в сборе, — желчно усмехнулась я, и одной большой дружной компанией мы отправились дальше, покорять морские просторы. Ну, то есть подземно-речные.

Река углублялась, мы все пытались подняться, но течение было слишком быстрым и пресекало все наши попытки встать. Мне становилось страшно: приближался шум водопада. Уже показался обрыв... Что делать?

Идей не было никаких. Я ни разу не попадала в водопад и не знала, как правильно себя вести. Единственная опасность, которую я могла предположить — это разбить голову о камни. Так что я прокричала, чтобы все закрыли голову руками и первая воспользовалась своим же советом.

Почти сразу я почувствовала, что меня выбрасывает — и через некоторое время падение в воду.

Следующие несколько мгновений кошмара, перемешанных людей и смутных образов — и, наконец-то, мы выкарабкались на сушу. За нами вылезли паук и — внезапно — маленький волчок, одинаково смешно отряхивая капли воды. Паук направился куда-то вглубь пещеры, волчок бросился к разбойнику, — я приготовилась кинуть нож, сама не зная, кого из них спасать, но разбойник обрадовался зверёнышу и стал гладить, пока тот заливался отрывистым лаем.

Здесь были все мои, и в придачу Анкин, разбойник и волчонок, который оказался питомцем разбойника. Я обняла девочку — как я всё-таки рада, что она жива! — она смутилась, но обняла меня в ответ, сжав руки в кулаки. Разожгла костёр. Села. Поставила чай. Клиенты мельтешили рядом, занимаясь своими делами. Рядом со мной со вздохом сел Анкин. Кажется, пора узнать, как они тут оказались.

— Рассказывай, — строго сказала я и приготовилась слушать.

Зарисовка 6. Что такое «гигантский»?

Анкин, 4–5 сентября 3340 года

— Рассказывай, — суровый взгляд Серой был способен превратить человека в камень. Хорошо, что у меня иммунитет.

— Во-первых, я очень рад тебя видеть.

Она немного смутилась, но не отступила.

— Не отвлекайся. Рассказывай.

— Тот парень. Со страшным лицом и пистолетом — это Скит. Я провожу его через Лабиринт...

Кажется, взгляд Серой смог бы раскрошить камень.

— Не обманывай меня! Скит — разбойник, и мы с ним уже познакомились.

Ох, и что ж она такая допытливая?

— Во-первых, это не ложь. Мы действительно планировали с ним дойти до конца. Кроме того, у тебя в команде есть пластический хирург. Он может согласиться помочь Скиту.

— И это не всё. Со Скитом вы встретились не раньше, чем моя группа зашла в Лабиринт. Он — не более, чем повод. Или удобный ресурс, который ты в нужный момент готов достать из рукава. Скажи мне, Анкин, — она пронзительно посмотрела мне в глаза и мне стало стыдно за такие нелепые отмазки. — Причина, по которой ты здесь?

— Я волновался.

Да, звучало глупо, я сам это понимал, поэтому на меня внезапно напала болтливость Скита:

— Понимаешь, десять человек по Лабиринту — это не развлекательный поход! Даже если они только что из Лабиринта вышли. Это — исключительный случай, ты сама знаешь. А они не были в Лабиринте ни разу, да ты сама три месяца тут не была, а в последние твои походы по нему тебе было всё хуже и хуже! Ты не понимаешь, Лабиринт открыл на тебя охоту!

— То есть ты меня преследовал? — её голос был спокоен, но в глазах отражалось такое презрение... Лучше бы она меня ударила! — Ты за мной следил? Не доверяя мне — безосновательно не доверяя! Ставя под сомнения все мои два года проводничества. Ставя под сомнение все мои умения и способности? От тебя я такого не ожидала, — в её голосе звучала горечь, но я видел, что она ещё не закончила. Кажется, она проглотила кучу возмущений, которыми хотела меня добить, и чуть тише добавила:

— И зря ты так о Лабиринте. Если бы он хотел меня убить, меня бы уже тут не было.

— Серая. Ты прекрасный друг. Чудесная девушка. Лучший проводник, которого я знаю. Да, возможно, я не прав. Но я не собирался вмешиваться в твой поход. Я просто решил пройти за тобой, на некотором расстоянии. Если всё бы прошло удачно, мы бы с тобой не встретились!

— "Возможно, не прав"? — металла в голосе прибавилось. Мне захотелось, чтобы она закричала на меня — тогда я её обниму, успокою, и всё снова будет хорошо. Но что мне делать сейчас? — Ты признаешь, что ты мне не доверяешь?

— Я не доверяю Лабиринту! И ей! — я указал на девочку. — Что подсунули тебе инструкторы?

— А об этом ты откуда знаешь? Ты уже тогда начал за мной следить?

Её ладонь, мягкая и тёплая... Я аккуратно взял её и поднёс к губам, чтобы поцеловать. Она вырвала свою руку с выражением омерзения на лице.

— После такого... я не хочу с тобой даже говорить. Уходи.

Я промолчал. Сейчас её никакими эмоциями не возьмёшь. Только логикой:

— Как только выйдем в знакомые коридоры, разойдёмся. Сейчас всё равно нет смысла делиться.

— Хорошо, — ответила она и отвернулась. Я пошёл осматривать окрестности — нужно было составить хотя бы отдалённое представление о том, где мы находимся. Зарина, завидев меня, улыбнулась и подбежала — совсем как ребёнок, искренне радующийся встрече.

— Какими судьбами, товарищ полковник?

— Да вот, — неопределённо махнул я рукой. Когда им нужен был проводник, Зарине было не до разговоров, а сейчас всё равно все устали. По-хорошему, здесь бы устроить ночёвку, но Серая и без меня разберётся. Мы пошли вдоль реки, внимательно осматривая своды пещеры на предмет возможной угрозы. — Был сбит ударной группой из девяти человек и одного паука.

Грот, в которой мы оказались, по форме напоминал очень вытянутый эллипс, с одной узкой стороны которого находился водопад, который уходил вглубь пещеры в противоположном полюсе. Отсюда был только один выход. К нему мы и направились

— А ты как? Как успехи на Марсе?

Мы были в соседних подразделениях, потом меня повысили — я стал командиром всей части, пяти подразделений. Она была старательна и талантлива, но чего-то в ней не хватало — то ли было слишком много подбострастия, то ли наоборот, самостоятельности... Я её так и не повысил, а потом по прошествии своих законных пяти лет, отправился на Землю.

— За пять лет — только до младшего сержанта, и то, только потому что неудобно уже всем было, — расстроено произнесла девушка.

— Сочувствую, — протянул я.

— Да ладно вам, товарищ полковник!

— Давай без товарищей. Служба давно закончилась. Лучше расскажи, как личная жизнь? Работаешь сейчас где, отношения?

— Работаю. Младший секретарь по логистике. Тоже дальше пробиться не получается.

Вопрос об отношениях она опустила, значит, ещё хуже, чем с работой.

— Я здесь с подругой, — торопливо добавила она. — С Некридой, — и смотрит на меня, ждёт, что я скажу про неё что-то плохое, чтобы грудью встать на её защиту. Не дождёшься, девочка.

— Мой друг в неё влюблён, — улыбнулся я. — А ты сама-то хочешь отношений?

Вопрос был корректный, так что не к чему было придраться. Но она ответила абсолютно непредсказуемо:

— Мне не нужны отношения с вашим полком! Бесхребетные слюнтяи и нытики. Без обид, Анкин, ну ты посмотри — что Драйян, во всём вторит своей жене, что Крей, делает всё, что скажет Крайя или Аня. А про Эрика даже говорить не хочется. Через год Высшим бы стал, если бы его Некрида не захомутала. Нет, к тебе у меня претензий никаких. Но сколько вас таких? Единицы. И все заняты. Кстати, насчёт тебя. Насколько я слышала, полковникам

спокойно дают Высших. Что же ты-то тут делаешь? Снова из-за женщины?

Я промолчал. Да и что тут скажешь? Говорить глупости, о которых потом можно пожалеть — не самое лучшее решение.

Серая, как я и думал, решила организовать ночёвку. Часть лагеря уже поужинала и готовилась ко сну, часть — ещё сидела у костра. Серая решила дежурить первая. Под утро вызвалась Зарина, потом — я. Драйян с Лидией тоже захотели поучаствовать — Серая согласилась их разбудить после себя, при условии, что они будут вместе. После них сторожить должен был Крей, к которому в пару вызвалась его сестра. Остальных желающих мы пообещали поставить в следующий раз.

Но своего дежурства я так и не дождался. Кажется, ночь пролетела за мгновение: вот только-только заснул, и уже проснулся. Светало. Серая и Лея уже не спали, тихонько шептались у костра. Что же меня разбудило?

Я отправился на пост — сейчас было дежурство Зарины. Возможно, она что-то заметила?

Девушка была напряжена, но спокойна. Ей тоже казалось, что что-то не так. Решив проверить, мы вышли из пещеры и прошли немного по туннелю — он был темнее пещеры, так что мы видели только странные отсветы на стенах. И тут я понял, что меня напрягало: звуки. Клац. Клац, клац. Оглянулись друг на друга. Включили фонарики, и круги света выхватили ужасающие челюсти и сочленения отвратительных лап паукообразных монстров.

Оказывается, те гигантские пауки вовсе не были гигантскими.

Зарисовка 7. Любовь и пауки

Серая, 4–5 сентября 3340 года

— Как только выйдем в знакомые коридоры, разойдёмся. Сейчас всё равно нет смысла делиться.

— Хорошо, — ответила я и отвернулась, пряча слёзы.

Он ушёл, а со мной рядом почти мгновенно оказалась Лидия — и я уткнулась в её мягкое большое плечо.

— Ну что ты, девочка, не плачь, — успокаивала она меня, поглаживая по волосам.

— Почему он такой?

— Он любит тебя, дурочка. Влюблённые мужчины все такие. Идиоты. Сами не понимают, что делают, зачем. Инстинкт.

— Инстинкт важнее меня? — всхлипнула я.

— Да нет же, девочка. Ну, успокойся. Просто он на всё пойдёт, чтобы тебя защитить. Вы помиритесь, и всё будет хорошо.

— Правда?

— Конечно! — в её объятиях было хорошо и уютно. Я внезапно ощутила себя маленьким ребёнком, которого утешает мама.

— Конечно! — продолжила Лидия. — Дай ему время понять, что он был неправ, но подойди к нему первая. Сейчас уже ночь близится — надо просушиться, да и отойти от этого водопада, — её передёрнуло, — а к утру вы оба отойдёте, там и поговорите. И всё будет хорошо.

Я совсем успокоилась. И правда, чего это я? Вроде, все остальные сделали вид, что не заметили нашей ссоры и моего состояния. Я женщина, а плачу... как ребёнок. Сделала несколько успокаивающих вздохов. Хорошо. Всё будет хорошо.

Вокруг меня уже всю бурлила лагерная жизнь. Драйян тактично взял готовку на себя, ему помогали Аня и Крайя. Крей раскладывал какие-то свои записи на просушку, Эрик сидел в отдалении и о чём-то напряжённо думал.

Зарина с моим незадачливым влюблённым осматривали выход из зала, а Некрида с разбойником и Леей играли возле костра. Волк носился вокруг.

— Можно тебя на минутку? — подошла я к костру, глядя на разбойника. Он торопливо встал, извинился перед Некридой — она в ответ нежно проводила его взглядом. Вот это новость!

— Вы знакомы?

— Познакомились на второй точке. Ты ушла спать раньше, Анкин разрешил подойти к общему костру. Я Скит, кстати.

— Она замужем.

— Ты же понимаешь, что это лишь вопрос времени? — самодовольно произнёс он. — Особенно теперь, когда мы встретились. Ей никогда не нужен был он, он её просто недо..

— Зачем ты здесь? — резко прервала я его. Терпеть не могу подобных излияний.

Он нахмурился.

— Сначала Анкин уговорил. Я его первый, — он хмыкнул, — потерянный клиент, он

меня узнал. Это, — он указал рукой на своё лицо, — последствия сидения в желудке у тигра. Анкин обещал деньги и знакомство с пластическим хирургом, — за честность ему плюс. А вот за жадность — минус. Хотя Анкин был сам виноват, а ошибки надо исправлять. Разбойник, как потерянный клиент, имел права на компенсацию от своего проводника, а получить то, на что ты имеешь право — не жадность, а практичность.

— Драйяном?

— Наверное... Но сейчас это неважно.

— А что важно?

— Некрида.... - он недоумённо пожал плечами, словно удивляясь, что здесь непонятного и кинул влюблённый взгляд на свою... девушку?

— А девочка?

— А что она? — Скит пожал плечами. — Нашли возле третьей точки. Взяли с собой. Анкин, кстати, был против. Убеждён, что с ней что-то не то.

— Спасибо, что довёл её до нас, — надо же, теперь я ему должна! А на Анкина у меня вспыхнула новая волна злости. Как он мог так отнестись к ребёнку?

— Не бери в голову, — он махнул рукой. — Никакого долга, я сделал это ради Пушка. Она ему понравилась. Да и неправильно это, бросать детей в Лабиринте.

Я поймала взгляд Леи — настороженный, беспокойный. Она нас слышала! Возможно, она правда всего лишь инфицирована, как Аня? И боится, что если мы узнаем про её хороший слух, то бросим её? Глупая.

Ночь прошла без происшествий. А утром мы с Леей проснулись почти одновременно. Зарина дежурила, остальные спали. Я поднялась, и Лея тоже встала, словно не решаясь пойти за мной.

— Пойдём поболтаем? — позвала я её.

Наскоро перекусив, мы сидели с ней рядом с костром, болтали ни о чём и играли в карты. Глаза её блестели, на лице — счастливая улыбка. И это сокровище Анкин хотел бросить?

— Ну всё, последняя партия, и пойдём будить остальных, — велела я. Лея кивнула — и поникла.

— Ну же, чего ты боишься?

— Вы поймёте, кто я и бросите меня, — прошептала девочка. — Он уже хотел...

— Глупости, — прервала я её. — Не слушай Анкина! Я тут проводник, а не он. Я обещала тебя довести? Обещала. Значит, так и сделаю. Разве что если ты сама не захочешь остаться в Лабиринте, — пошутила я. Ну вот, уже лучше.

— Спасибо, — она хлюпнула носом. — Я иногда правда думаю, что мне лучше остаться здесь. Но как, где? Я ничего не умею. А вы такие добрые. И ты, и Лидия...

Я обняла её. Вот, вчера меня утешала Лидия, а сегодня уже мне приходится быть утешительницей. Краем глаза я увидела, что Анкин тоже проснулся и направился к выходу. Зарина, наверное, решила его не будить, но он всегда просыпался сам, когда было нужно. Или в момент опасности.

Опасность! Моё тело вдруг напряглось, я отправила Лею будить Крея, а сама попыталась понять, что происходит. Что-то было не так.

Прошло несколько мучительных секунд ожидания, — и послышался лязг борьбы. Я кинулась к выходу из помещения. За мной спросонья бросился Крей, но я крикнула, что он будет только мешаться и что нужно срочно собирать вещи. Послушался, разбудил своих

девочек — Аню и Краю, — и они втроём быстро начали собирать имущество. Эти разберутся.

Кажется, я за несколько секунд преодолела четыре десятка метров и выбежала из зала. Недалеко от самого выхода Анкин и Зарина дрались с огромными паукообразными чудовищами. Уж сколько раз я была в Лабиринте, такого уродства еще не видела. Я выхватила ятаган и метательные ножи — небось, они, как и любая другая живность, укола в глаз не переживут, — но первый же мой ножик застрял в одной из шести глазниц монстра без каких-либо неудобств для последнего. Я подскочила и стала парировать удары лап и челюстей. Удар. Нырок. Парирование жвал. Мы сдерживали их, но постепенно сдвигались всё ближе к залу, где находился наш привал. Здесь у нас есть шанс их сдержать из-за небольшого расстояния между стенами, но там...

Одна из челюстей прокусила Зарине левое плечо. Брызнула алая кровь, щедро оросив нас с Анкиным — похоже, задета артерия.

— Помоги им собраться, будем прорываться! — крикнула я. — Иди же!

Зарина бросилась назад.

Мы сражались с Анкиным плечом к плечу. Он не столько следил за своими противниками, сколько за моими, предупреждая некоторые удары. Возможно, из-за этого мы отступали быстрее, чем было возможно, но сейчас выяснять отношения или толковать ему основные законы Лабиринта и просто любого боя не было ни времени, ни настроения.

Наконец, мы отошли почти к самому выходу — тут проход сужался, напоминая бутылочное горлышко. Анкин мог сдержать их какое-то время один, и я бросилась назад, чтобы проконтролировать сборы и поторопить.

Пробегая мимо места, куда стекала вода, я внезапно подумала, что это лучший вариант. Сюда протиснутся даже Лидия с Драйяном, но пауки слишком крупны для такого отверстия. Так что там в любом случае безопаснее, чем здесь. Бросилась к остальным, прокричала, чтобы прыгали в сток; первая же подхватила свои вещи и вещи Анкина, кинула в сток... Отправила Зарину — она пережимала хлещущую кровь куском ткани — видимо, еще не успела обработать. Затем Скита, Крею. Они крикнули, что все в порядке. Лидия. Драйян не успевал собраться — впрочем, у привала было еще много чьих-то сумок. Я крикнула, чтобы он прыгал, стала кидать оставшиеся вещи туда же, в сток. Когда Эрик прыгнул — он был последний — помещение наводнили чудовища, Анкин подбежал ко мне, схватил за руку, и мы вместе прыгнули в неизвестность... Но там же не могло быть хуже, чем здесь, верно?

Зарисовка 8. Передышка

Анкин, 5 сентября 3340 года

Держась за руки, мы прыгнули в сток. Хорошо Серая придумала... умница моя. Не моя, оборвал я себя. Пока не моя. Хотя она так трогательно держала меня за руку...

После прыжка мы очутились в озере посреди достаточно широкой круглой пещеры. Вывалились на берег, выкинули вещи... Да, их заметно поубавилось. На этот раз Серая пошла осматривать окрестности, а я занялся Зариной. Намазал лечебным клеем, прикрепил кусок ткани, свойствами схожей с кожей... Всё, жить будет, к вечеру уже станет лучше.

После купания спросонья нам как никогда требовался отдых и просушка. Я развёл огонь, но, прежде чем раскладываться, надо было дождаться Серой. Я раздал всем сухие пайки — все были голодными, готовая пища осталась вверху, а начинать готовить, не зная, сможем ли мы здесь остаться, было бессмысленным.

Сам съел свой паёк, запивая чаем из термоса, наблюдая за всеми. Отметил, что никто не стал раскладываться поудобнее: только перекидывали вещи так, чтобы их проще было перенести в случае чего. Раздеваться тоже никто не стал, несмотря на мокрую одежду, и это добавляло клиентам Серой уважения: большинство стараются в первую очередь позаботиться о себе и своем комфорте, и только потом вспоминают, что здесь всё-таки не развлекательный центр. Развлекательный центр остался далеко позади, теперь же единственная цель — выжить.

Серая вернулась расстроенной и озадаченной, но спокойной. Сообщила, что вокруг никаких признаков животных, удобный тоннель только один, но это скорее не тоннель, а коридор — факелы на стенах, мощённый камнями пол. Судя по нетронутой пыли, им давно не пользовались, но всё равно странно, что здесь есть такие помещения.

Я вспомнил историю Скита. Конечно же, я не поверил большей части этих рассказней, но не потому, что я ему не доверял. Просто... это же Лабиринт. Да, может быть, он действительно встретил девушку по имени Синий, и совершенно не исключено, что они были вместе. В конце концов, откуда-то он узнал про неё?

А вот историю с кем-то... внизу, с главным смотрителем этого мавзолея для бедных — скорее всего, внушили многочисленные галлюциногены, коими Лабиринт был полон. Синий... просто спилась, ясно? Потеряла свой моральный облик. Логично, что никакой пользы, никакого смысла в её существовании больше не было. Конечно, Скиту я это говорить не стал — всё-таки об умерших плохо говорить не принято, тем более близким, а они, судя по всему, были близки. Хотя, глядя на то, как он сейчас ухаживает за замужней дамой, я уже не был так уверен. Бард, разбойник, ловелас — вот и вся картина. Пользу человечеству сам он вряд ли принесёт — а вот его песни и феноменальная память на стихи были достойны внимания.

Можно было остановиться... или нет? Я взглянул на Серую — всё-таки это её группа, и оспаривать её первенство бессмысленно... и просто незачем. Да, я занимал неплохие посты на Марсе, но здесь всё-таки не Марс; Марс к такому даже не готовит. А она — женщина, она заведомо сильнее меня, в том числе стратегически.

Серая поймала мой взгляд и сама, в свою очередь, оглядела своих клиентов.

Большинство занимались своими делами, но девушка с косым разрезом глаз испуганно смотрела на потолок, из которого водопадом лилась вода.

— Аня, что ты слышишь? — требовательно спросила Серая.

— Аня инфицирована? — тихо спросил я у самого щуплого мужичка, который был рядом со мной.

— Да, летучие мыши. Слух, — спокойно ответил он.

Кажется, он не такое ничтожество, как я предполагал: большинство людей катастрофически боятся инфицированных. Я и сам предпочитал не спать с ними на одной точке, если этого можно было избежать. Мало ли...

Анин подбородок задрожал.

— Копают землю.

— А кроме? — Серая нахмурилась.

— Ничего, — Аня пожала плечами. — Как будто здесь никого нет, есть только там, — она кивнула на потолок и поежилась.

Да уж, нам нельзя было здесь оставаться. День с самого утра явно не задался, и судя по всему, то ли ещё будет. А пока нужно было срочно двигаться дальше.

Зарисовка 9. Всё страньше

Серая, 5 сентября 3340 года

Мы шли по странному каменному полу, внимательно глядя по сторонам. Коридор был довольно широкий, но все шли преимущественно парочками, замыкали Зарина с Леей. Многие тихо переговаривались; шли мы не быстро, но споро: неизвестно, сколько нам предстоит идти, пока пауки не догонят, — или пока мы не найдем выход наверх.

Здесь было намного холоднее, чем наверху. По счастью, у всех были с собой пончо или накидки, но руки всё равно мёрзли, и я кутала их в специальную муфточку, пришитую к накидке.

Анкин шел рядом. Он больше не заглядывал виновато мне в глаза, что, внезапно, сделало мою жизнь намного приятнее. Он просто шел — верный друг, молчаливая поддержка, хоть что-то постоянное в этом меняющемся Мире. Я говорю про Лабиринт, конечно, хотя и мир вне Лабиринта понятным и, что важнее, постоянным назвать было никак нельзя. Последнее время на обычных жителей сыпались указы за указом, и создание Курорта было лишь одним из них. Да, самым масштабным и основным... но не единственным. Появились ограничения на медицинскую помощь для совершеннолетних, чья потенциальная польза была низка; и, говоря о медицинской помощи, я имела в виду не только хирургию, а всю медицинскую помощь. Даже банальный аппендицит — болезнь, существующую кучу лет, но не побеждённую. В общем, Совет закручивал гайки.

Высших не трогали. И это было обидно. Да, они доказали свою полезность для общества... Но часто от таких «доказательств» после повышения не оставалось и следа. Разжалования из «Высших» не было.

Мне не грозило повышение в Высшие. Кто я? Один из проводников, который, к тому же, в последнее время не особо любит свою работу. У меня не так много связей, а мои родители — всего лишь фермеры, к тому же далеко не лучшие. Просто обычные люди со своими проблемами.

Но, всё-таки, мои родители сделали для этого мира намного больше, чем сотни псевдоталантливых литераторов и бардов, ньюпоствестмодернистов и нацистов-генетиков. Пока те старались привить окружающим свои мнения о том, как надо жить (и как перевернутый стул может убедить окружающих в том, что война — это плохо?), мои родители, как и сотни других фермеров, их кормили.

Мои размышления прервал хор. Он доносился из-за стены, но я даже не разбирала язык, на котором пели.

— Что это? — прошептала я. Вы слышите?

Они пожали плечами. Вдруг Эрик странно дернулся и кивнул.

— Хор.

— Да, хор. На каком языке он поет?

— На латинском.

Я знала латинский. Это точно был не он.

— Ты знаешь латинский?

— Да. Они поют «да будет славен путник, вперед идущий», а дальше... Дальше не

совсем понятно.

— Я тоже слышу, — сказал Крей. — Это греческий. Про... — он покраснел, не добавил, — про грехи отцов.

Края тоже почему-то смутилась.

Я попыталась разобрать слова — но у меня ничего не получилось.

— Звуковые галлюцинации, — вдруг отрезал Анкин. — В пещерах такое часто бывает. Ну же, Серая, не поддавайся. Это хорошо еще, что не шаги, а просто хор. Эхо, тишина, где-то — вода; где-то — еще что-то. Мы же в пещере. Так что большую часть услышанного додумывает ваш мозг.

Он был прав. Пещера часто подсовывала звуковые, визуальные или тактильные галлюцинации. Но чем больше человек, тем менее вероятно было услышать нечто подобное. А здесь с десятков людей, и сразу три человека что-то слышат.

К тому же, было еще что-то, появившееся сразу после его слов, но мы не сразу это распознали.

Шаги.

Мы все остановились, когда пытались понять, что за хор поет за стенкой; и сейчас мы стояли, и кто-то невидимый обходил нас. Шаги раздавались то с одной стороны, то с другой. Мы замерли, затаив дыхание: пусть это тоже всего лишь галлюцинация, но менее страшно от этого не становится. Лабиринт, да что ж это такое!

Шаги подошли к каждому из нас, обошли вокруг и, наконец-то, удалились в ту сторону, которую мы шли. Было страшно идти туда же — но выбора не было. К тому же Аня сильно вздрогнула и сказала:

— Хоть это и обычный звук — но он, возможно, будет поопаснее. Пауки, видимо, прорыли отверстие и теперь падают в воду.

Зарисовка 10. Слово во мраке

Анкин, 5 сентября 3340 года

Мы снова отправились, ускорив шаг. А я... я задумался о том, что никогда не смотрел на инфицированных с такой точки зрения.

Аня сейчас превратилась из обычной девушки в ценного члена отряда. Её уникальный слух может еще не раз нас выручить... Но какова гарантия, что на этом все эффекты от инфицирования закончатся?

Я наблюдал за ней, пытаюсь отметить хоть что-то — дрожание пальцев, изменение цвета кожных покровов, изменение походки... Всё было в порядке. Надолго ли?

Меня утешало, что с нами был Эрик — его гордиев узел оказался разрублен так кстати появившимся Скитом. Он не шёл — он гордо шествовал с дамой своего сердца под руку, чуть задрав нос, и рассказывал ей что-то, что та с удовольствием слушала. Из нежилыца этот парень превратился в полезного человека, доктора, специалиста по инфицированию. Он был нашей защитой от пороховой бочки по имени Аня.

Скит и Некрида тоже шли рядом и о чем-то шептались. Они еле-еле касались друг друга, но их язык — смесь птичьего с гномьим — явно показывал, что они либо друг к другу равнодушны, либо просто сошли с ума. Оба. Нет, любовь, конечно, это хорошо, но с первого взгляда — и навсегда? Так не бывает. Да и любовь — по сути лишь смешение родительских инстинктов с инстинктами продолжения рода. Другое дело — дружба, основанная на любви — как у меня с Серой.

Я отбросил мысли про девушку и задумался о шагах. Хор — скорее, просто какой-то шум. У Ани слух лучше, она сразу понимала, что это. А вот те, кто слышит хорошо, но хуже нашей инфицированной, сами достроили себе что-то, про что они думали.

Но если про «вперёд идущего» путника понятно, да мы все здесь такие — вперед идущие, то услышать про «грехи отцов» было странно. Что же такого странного случилось с родителями парня, что он так беспокоится об этом?

Крей... Фамилию я не знал. А имя мне было не особо знакомо — может, конечно, и слышал где, но никого из Высших с таким сыном я точно не знаю.

Возможно, имеет смысл просто спросить? Часто сложные задачи решаются самым простым путем.

Коридор внезапно повернул и закончился тяжелой дубовой дверью. Что это за место? Возможно, именно здесь обитают Инструкторы? И... Лея как-то подгадала, чтобы мы пришли сюда? Нас что, в инструкторы хотят посвятить?

Серая распахнула дверь, и я присвистнул. Эхо моего свиста многократно разнеслось по сводам пещеры.

Печатные станки.

Десятки допотопных печатных станков.

И ни одного человека.

Зачем Лабиринту печатные станки? Что они собрались печатать? Инструкцию по выживанию?

Я подошел к большой стопке листов и хмыкнул. Надо же, ткнул пальцем в небо и

оказался прав! Прочитав полностью листовку, смял её в руке.

— Что случилось? — подошла ко мне Серая.

— Ты... ты только посмотри! — вырвалось у меня.

Она взяла следующую листовку и внимательно её изучила.

— А мы такую видели, — заметила Крайя. — Когда заходили на Курорт. Там такими листовками разве что трава не обклеена.

— Что?

— Я еще удивилась — надо же, заботятся, — продолжила девушка. — И задумалась, не лучше ли будет войти всё-таки через бесплатный выход... Но, видимо, из-за того, что это предложила именно я, — девушка неприязненно взглянула на Некриду, всецело занятую своим другом, — кое-кто воспротивился. Ну а дальше ты знаешь.

Я перечитал листовку.

Это была катастрофа.

На качественной бумаге были выгиснены красивые золотые буквы.

«Дорогие друзья!

Вы устали, вы много работали и заслужили свой отдых.

Отдых под солнцем на берегу моря, в окружении длинноногих красавиц и плечистых красавцев.

Отдых на теннисном корте, на горных лыжах под палящими лучами, на зеленой траве с клюшкой в руках или в дорогих игорных домах.

Вы действительно всё это заслужили!

Но подумайте — разве у вас есть столько денег?

Мир несправедлив. Вы работали не покладая рук, но сможете провести на курорте своей мечты лишь день или, в лучшем случае, неделю.

А что потом? Сможете ли вы вернуться назад?

Готовы ли вы, друзья, быть здесь вечность, надеясь, что слухи про исчезновение безработных — всего лишь слухи?

Или же вы готовы пройти сквозь бесплатный выход, и столкнуться с такими ужасами, про которые не говорят вслух?

Или вы откажетесь от всего и вернетесь домой, весь остаток жизни сознавая, что вы отказались от самого главного, что есть у каждого человека — от мечты?

Помните: на Земле слишком много людей.

Помните: в прошлый раз это чуть не окончилось катастрофой.

Помните: есть и иной выбор.

Страшный Лабиринт не так уж и страшен, если проникнуть в него... снаружи.

Если вы войдете на Лазурный Курорт не через платный выход, а через бесплатный — Лабиринт примет вас не как нарушителей, а как гостей.

Сколько бы вы ни пробыли на курорте, возвращение домой через Лабиринт станет реальным. Это будет встреча друзей — не без доли риска, но с долей тепла и нежности.

Помните.

И подумайте: что важнее, жить спокойно... или долго?

Ваш Лабиринт».

Зарисовка 11. Геноцид — хорошо, но жизнь — лучше?

Серая, 5 сентября 3340 года

Я смотрела на Анкина и не могла понять его недовольства.

— Ну, написано, конечно, странно, — заметила я, — но смысл-то есть! Действительно, если попасть на Курорт через Лабиринт, то путь обратно окажется на порядок проще. А многие боятся Лабиринта, и уверены, что не потеряют счет времени, а эта листовка предупреждает их об этом... Что не так?

— Всё не так, — нахмурился Анкин. — Вот скажи, зачем нужен Лабиринт в частности и весь этот курорт вообще?

— В мире стало слишком много людей, но убивать людей просто так — плохо, поэтому создали место, куда люди сами идут умирать?

Сзади послышались удивленные возгласы. Странно, я думала, все это знали.

— Примерно так, — Анкин нахмурился. — Ну а эта бумажка что делает?

— Увеличивает шанс людей на выживание...

— Именно! Значит, можно просто выбросить все ресурсы, потраченные на всё это, — он обвел рукой высокие своды, — и проводить людей на курорт — или с курорта бесплатно?

— А мы думали, Курорт построили, чтобы сделать жизнь людей лучше, — ахнула Лидия. Драйян крепче прижал её, но насупился.

— Постой, Анкин, — заметил Крей. Он, Аня и Крайя, судя по всему, знали про такую цель Курорта, но не афишировали её. — Ведь чтобы пройти через Лабиринт, нужно заплатить проводникам, — и неважно, в ту или иную сторону ты идешь.

— Проход туда плюс обратно стоит так же, как просто обратно, — нахмурилась я. — Только мало кто, почему-то, об этом помнит.

— Вот. Так что деньги всё равно нужны. Люди, не способные заработать денег, вряд ли сами смогут пройти через Лабиринт. Шанс выживания слишком низок. Так что те, кто не достойны шанса жить, и не пойдут через Лабиринт.

Внезапно в спор встрял Эрик.

— А я понимаю, о чем говорит Анкин. Дело же не в деньгах, ведь так?

Анкин кивнул.

— Просто Правителям нужно как можно больше жертв. Причем не только среди обычных людей, но и Высших, у которых хватает денег на обычные курорты. И такой приманкой и одновременно средством устранения ненужных Высших становится Лабиринт — нервы пощекотать и себя показать.

Я похолодела. Действительно, Высших было много — они это не афишировали, так что их можно было отличить по каким-нибудь деталям: умным девайсам, качественной одежде и еде, более осознанному поведению. Хотя последнее, пожалуй, было совсем не обязательно. Хватало мне и нервных особей, которых мне самой хотелось придушить — а потом я уже узнавала от коллег по цеху, что это, оказывается, был Высший.

Анкин нехотя подтвердил:

— Да, это, насколько я знаю, одна из целей создания Лабиринта. Проредить

многочисленную толпу, жаждущую хлеба и зрелищ больше, чем приносить пользу человечеству. Жалеющую ребенка, но способную уничтожить весь мир. Только Лабиринт оказался несколько мягче, чем предполагалось.

— Что ты имеешь в виду? — уточнила Крайя.

Ответил, как ни странно, Скит.

— Лабиринт давно перестал быть карающей машиной. Да, он становится сложнее, появляются новые уровни, пещеры, переходы. Появляются новые животные — про которых вне Лабиринта никто не слышал. Я жил здесь — сколько? полгода? год? — и за всё это время я не помню момента, когда Лабиринт действительно хотел меня убить.

— Он... разумен? — прошептала я.

— Похоже на то, — кивнул Анкин. — Ты же сама давно уже говоришь о нем как о разумном — человеке? существе? сущности? А за то время, пока ты отдыхала — я знаю, что тебе это было нужно, не надо на меня сердиться, — он еще сильнее изменился. Он словно учится, он знает, кого можно убивать, а кого нет. Ты сама знаешь про зависимость сложности прохождения Лабиринта от количества человек и длительности их проживания на Курорте. Как и про то, что Лабиринт не трогает детей. Про соблюдение договоров и говорить нечего.

— Я думала, это запрограммировано. Какой-нибудь... искусственный интеллект? Их же много где делают?

— Да, делают, — подтвердила Некрида. Не ожидала, что её тоже заинтересует наш разговор, но постаралась внимательно выслушать её.

— Я тоже слышала очень много про искусственные интеллекты, — продолжила она. — Но их развитие всегда было также запрограммировано. Люди давно обсудили потенциальное развитие искусственного интеллекта и пришли к выводу, что неограниченное развитие может привести к большой беде. К созданию машины, которая будет решать, как человечеству жить. К рабству людей. Поэтому идеи о неограниченном развитии — не более чем миф. В любом искусственном носителе разума защиты способы развития и его пределы. Конечно, при больших мощностях, знаниях и навыках это можно взломать... но такого еще ни разу не было.

— То есть мы имеем дело с хакером? — удивилась Аня.

— Я не знаю, — вздохнул Анкин. — Я просто знаю, что вот эти листовки просто не могли быть санкционированы Высшими. Более того, они рушат тщательно выстроенную систему геноцида. Их нужно сжечь, а эти станки — разрушить.

— Нет, — твёрдо произнесла я. — Даже если предположить, что Лабиринт — живой: или что он управляется каким-то умелым хакером, шанс на спасение — это всегда хорошо. Если против подобного геноцида я не могу возражать, то против лишнего шанса — не хочу. Люди должны иметь так много шансов, как это возможно.

— Но людей слишком много!

— И что? Может, стоило, вместо Лабиринта, в таком случае просто поставить крематорий? Или заградительный кордон, с проволокой? Тут куча зверушек разного размера и разных пищевых привычек; тут непонятные растения, узкие лазы, лавины, газовые ловушки, огненные ловушки, водяные, электрические... Это огромное сооружение — и неважно, природное или человеческое, разумное или нет — всего-навсего огромная машина смерти! И если у кого-то будет лишний шанс пройти её — разве это не чудо? — я вдохновенно говорила, не обращая внимания на слёзы, струящиеся по щекам. Как они не

понимают? Как он не понимают?

— Разве не чудо, что мы почти дошли до середины Лабиринта — вдесятером — и до сих пор живы? Разве это не чудо? Разве ты, Анкин, готов отнять шанс на спасение у Скита? Некриды? Зарины? Эрика? Крайи? У Леи, в конце концов? Кого бы ты готов был убить чтобы спасти нас от мифических последствий, до которых нужно еще дожить? И уж тем более, готов ли ты отнять шанс на спасение у меня?

Он шагнул ко мне, и я уткнулась носом в его плечо, всхлипывая, повторяя что-то невнятное. Он тихонько гладил меня по спине, по волосам, целуя в макушку, и от этого я рыдала еще сильнее. На меня навалилась вся тяжесть этого перехода, тяжесть быть главной надеждой и опорой для восьми человек. Населённое озеро, тигры, летучие мыши, газ, пауки — что еще нас ждет? А я должна их еще вывести — и я их выведу, не будь я проводником.

Я успокоилась и тихонько чмокнула Анкина в щеку в знак благодарности, и уже готовилась командовать дальше, когда нас застал врасплох возглас Ани:

— Они идут!

Зарисовка 12. Вверх!

Анкин, 5 сентября 3340 года

Мысленно чертыхнулся про себя. Хороши — забыли про главную опасность! Время еще есть, но его нужно использовать с умом — нужно найти, куда двигаться дальше.

— Осмотреть всё! Расходимся! Проверяем, есть ли тут двери, спрятанные переходы! — крикнула Серая.

Я оценил её жест: она не только стала действовать сама, но и заняла работой остальных. Тем более, что они тоже могли что-то найти. Сама она кинулась запирать дубовую дверь на засовы: вряд ли эта дверь задержит пауков надолго, но сколько-то времени мы выиграем. Сам я рванул в ниши справа: там я ясно увидел другую дверь. Аккуратную, металлическую и наверняка толстую. Если мы пройдем туда, мы наверняка спасены — по крайней мере, на время, к тому же идея проникнуть поглубже в центр местных бунтарей меня завлекала, но...

Дверь была закрыта. Я дергал её и толкал изо всех сил — всё было бессмысленно.

Кислота! Она разъедает металл. Я прыснул рядом с ручкой — пусть кислота проест замок, тогда дверь сможет открыться.

Запоздало я подумал, что если дверь не будет закрываться, то и мы не будем в безопасности. Впрочем, это не имело значения: ничего не изменилось. Кислота даже не повредила дверь.

Можно, конечно, использовать гранату — но это было слишком опасно.

— Серая! Что это? — послышался взволнованный голос Крайи.

Я развернулся и тоже кинулся к ней — то, что нашла Крайя, могло быть и спасением, и бедой... а с дверью всё равно ничего сделать нельзя, — и... расхохотался. Эта бойкая девчушка нашла ни много ни мало, а лифт! Самый настоящий. Он был старый, механический, пол его состоял из кусков железной сетки, сваренных друг с другом, а стен вообще не было — только металлические же перила с трёх сторон — с четвёртой была стена. Непонятно, куда он вёл, и вёл ли он вообще куда-то. Это могло быть и ловушкой, и спасением. Но разве у нас был выбор?

Я глянул наверх. Над всей остальной комнатой потолок был высоким, но над лифтом его не было заметно совсем! Вряд ли он выводит на самую поверхность, но в верхние коридоры мы вполне можем попасть.

— Все сюда! — крикнула Серая.

Послышался хруст дерева, разрываемого зазубренными когтями на лапах, пережёвываемого смертоносными хелицерами.

— Скорее!

Пробравшись в огороженное пространство, все тесно прижались друг к другу: места еле-еле хватило, чтобы уместиться на сетчатом полу узкого лифта.

Раздался грохот: дверь поддалась. В огромный зал ввалилась лавина пауков самого разного размера, начиная с крошечных, диаметром в пару сантиметров, и заканчивая огромными пяти- или даже семиметровыми особями. Они напоззали друг на друга, покрывали равномерным слоем пол, станки, стены... Аню вывернуло, видимо, от такого зрелища. Но мой взгляд зацепился за остатки её обеда: там копошилось что-то длинное и

мерзкое.

Тут произошло сразу несколько событий: Серая рванула рычаг на стене, крикнув: «Вверх!», лифт медленно поехал, а Эрик спрыгнул, достал склянку — и откуда она у него с собой? — и аккуратно, пинцетом засунул извивающегося червя в свою емкость.

— Эрик! — крикнула Крайя. Пауки приближались.

Он попытался снова запрыгнуть на лифт, но упал, еще раз — и я, и Драйян, и Некрида, и Зарина, — все, кто стояли рядом, подхватили его и затащили наверх. Жвала одного из пауков щелкнули совсем рядом с его ногой, но всё обошлось.

— Зачем? — только спросила Серая, нахмурившись.

— Потом объясню, — серьезно ответил он, и та молча кивнула.

А меня не отпускала навязчивая мысль: пауки же вполне недурно ползают по стенам!

Зарисовка 13. Естественный враг

Серая, 5 сентября 3340 года

Лифт медленно полз вверх, пауки — так же медленно и ещё более неуклюже — ползли следом. Все нервничали. Крей нежно прижимал к себе Аню: та стояла бледная и старалась не дышать. Скит подхватил под мышку волка, Лея прижимала к себе медвежонка. Зарина стояла с краю, почти вплотную к стене, и отбивала те щелкающие хелицеры, которые порывались до нас дотянуться. Рядом с ней встал и Анкин, подстраховывая её. Они тихонько переговаривались и даже шутили — так, что меня даже кольнуло что-то наподобие ревности. Я усмехнулась: смертельная опасность — отличный момент для ревности и выяснения отношений!

Один из самых мелких пауков забрался чуть выше громады лифта и попытался допрыгнуть до нас. Я легко его откинула: к счастью, он был нетяжёлым. Тяжёлые пауки, в свою очередь, допрыгнуть не могли: мешала сила тяжести и замедленная реакция. Я давно замечала: чем крупнее зверь или насекомое, тем оно медленнее. Если бы саблезубики были бы такие же быстрые, как волчки, то шанса выжить ни у кого бы не было. И всё же даже с замедленной реакцией пауки были невероятно опасны: на ровной поверхности против такой толпы ни у кого из нас не было шансов. Даже у всех нас, вместе взятых. И я бы не поставила даже на прайд саблезубых лигров против такого количества членистоногих.

Но если пауки такие опасные, почему же они до сих пор не наводнили весь Лабиринт? Кто защищает такой хрупкий мир от этих плотоядных насекомых?

Стена шахты была освещена факелами. Под их неверным светом я вдруг заметила странные узоры на стене. Они переливались, складываясь в какой-то неожиданный рисунок. Пауки почему-то старались держаться от них подальше — и это выиграло нам ещё несколько метров. Все вздохнули чуть спокойнее, но до безопасности было ещё далеко.

— Смотрите! — воскликнула Крайя. — Это же птицы! Но с женскими головами... и грудью.

— Сири и Алканост. Птицы радости и печали, — равнодушно ответил Крей. Куда подевался его задор? Его увлеченность, с которой он погружался в историю? Он крепко обнимал Аню и, кажется, больше его ничего не волновало.

— По-моему, они ползут медленнее, — тихо заметил Драйян. Драйян и Лидия держались за руки, были сосредоточены и спокойны. На долю секунды я даже залюбовалась ими — как бы мне хотелось, чтобы и рядом со мной был человек, не просто любовник или товарищ, а настоящий друг, партнер, и в горе и в радости!

Я взглянула искоса на Анкина. Он был... он был Анкиным, что тут ещё скажешь? Вместе со мной спасал моих людей. За одно это я ему была бесконечно признательна. Но отношения... Особенно учитывая все эти слухи про богатых женщин... Да и эта его убежденность в правильных действиях Высших... В общем, пусть Анкин остаётся Анкиным. А я останусь собой.

Послышались птичьи крики. Лифт дёрнулся и остановился — прямо напротив не очень широкого проёма в скале.

— Приехали, — озвучила я. — Анкин, ты близко, оцени обстановку.

Но прежде чем Анкин успел перебраться в проём, оттуда... вылетела птица. Одна, за ней другая, третья... Они были довольно крупными, с белым туловищем, чёрными ногами, хвостом и головой, которая завершалась длинным изогнутым клювом.

Они вылетели из проёма, едва не задев нас, и, совершив круг над нами, устремились вниз, к паукам. Изыщные создания ловко выкалывали их глаза, подрезали лапы, и улетали от смертельных когтей и хелицер прежде, чем те успевали к ним приблизиться.

— Я никогда не видела такой грациозности, — прошептала Крайя.

Одна из птиц села на перила лифта прямо рядом с Аней и поклонилась ей. Аня, робко подняв руку, ласково провела ей по нежной белой шее. Птица раскрыла крылья и тоже бросилась в атаку на пауков.

Мы смотрели на разворачивающееся сражение с трепетом и надеждой. Птицы прогоняли пауков, те падали и разбивались; некоторые просто спускались вниз, убегая туда же, откуда пришли.

Анкин тем временем пробрался в проём, и осмотревшись по сторонам, кивнул мне.

— Некрида, Драйян, вы первые. Аня, Крей, за ними. Крайя, давай следующей.

Переправив всех людей и бросив последний взгляд на смертельно прекрасное побоище, я поспешила за своими людьми.

Зарисовка 14. Зачем быть Высшим?

Анкин, 5 сентября 3340 года

Мы оказались в сыром и промозглом коридоре. Сейчас, когда мы были в безопасности, холод начал пробираться до самых костей — верный признак самого центра Лабиринта. Из арки, под которую мы забрались, вело несколько ответвлений — одно большое, круглое, куда бы поместилась целая банда саблезубых, одно — среднего размера, где человеку придётся лишь слегка пригнуться, и несколько — мелких. Мелкие ответвления были, конечно, в целом безопаснее — чем меньше проход, тем меньших размеров окажется то, что ты там встретишь. А чем меньше размер встреченного существа, тем меньше вероятность, что оно тебя съест.

Но там оставались и другие опасности — различные насекомые; лианы, цепляющиеся за конечности; крысы, которые, на удивление, были совсем небольшими — но когда они покрывали всё пространство вокруг, единственным спасением была скорость, огонь или что-то явно поопаснее крыс — как те же пауки или лигры.

Поэтому мы с Серой переглянулись — и оба выбрали коридор среднего размера.

— Может, привал? — с одышкой спросил Драйян. Я подумал, что он сам устал, но потом взглянул на Лидию. Её лицо блестело крупными бисеринками пота, а сама она часто-часто дышала.

Мы действительно долго бежали. Адреналин давал краткосрочную прибавку сил, но потом забирал их с процентами. Я огляделся. Плохо было и Некриде, хоть она держалась спокойно и терпеливо ждала моего решения. Аня смотрела на Серую с явной надеждой, почти повиснув на Крее. С другой стороны её поддерживала Крайя, уставшая, но готовая продолжать. Эрик стоял поодаль, прислонившись к стене: он думал о чем-то своём. Я вспомнил про то, как он, рискуя всеми нами, собрал образец биологической то ли жидкости, то ли живности, и вздохнул. Можно было предположить, что он уже не был нежилецом, хоть и мог привести нас к смерти. Его увлеченность, почти одержимость, давала ему так ценимую в Лабиринте смелость и решимость.

Зарина, даже уставшая, готова была продолжать, как и Скит, но они молчали — ждали. Ждали решения Серой. Я взглянул на неё — и на секунду мне показалось, что Серая чувствовала эйфорию от того, что они считают её главной, что они — мы — слушаемся её беспрекословно. И даже такой вредный я. Серая ещё раз обвела всех взглядом и кивнула.

— Двадцать минут, — уточнила она.

Я стал разводить костёр, а Серая достала термос с бодрящим напитком из лимона и шиповника. Сделав по глотку и рассевшись возле костра, люди успокоились и расслабились.

— Хотела бы я быть Высшей, — задумалась Крайя. — Вот у них, вроде, есть нормальные курорты. Без всего это, — она засмеялась, — антуража.

Послышались смешки. Ей ответил Крей:

— Но ты же знаешь, с большой силой приходит большая ответственность, — смех окончательно расслабил окружающих, и разговор потёк переливистыми ручейками.

— Если бы я был Высшим, я бы основал свою лабораторию. Мне кажется, что инфицированность может быть не только во вред, но и во благо, — утверждал Эрик.

— А я бы хотела, чтобы у меня было много-много детей, — делилась Некрида со Скитом. — Девочки, мальчики — не важно. Я бы не стала отдавать их в интернат, а воспитывала бы сама. И, может быть, брала и других детей на воспитание. Как можно отдать ребёнка в три года и даже не мечтать с ним увидеться? Знаешь, я много думала о том, каким должно быть воспитание. Было бы здорово, если бы удалось интегрировать детей в общество, а не изолировать от него.

— А я бы учил детей музыке, — вторил ей Скит. — Дети, пока они совсем малютки, впитывают в себя любые знания, как губки. Если их с самого начала учить и петь, и играть на той же гитаре, то во взрослом возрасте они станут настоящими талантами! Ну и, наверное, я бы исправил своё лицо и свой голос. Раньше он был намного более глубоким и мелодичным.

— Мне твой голос нравится и таким, — смущаясь, отвечала Некрида.

Крей рассказывал про то, что он бы хотел заняться раскопками. Крайя убеждала, что всё уже раскопано, а Крей приводил цитаты, утверждения, неизвестные мне факты. Улучив момент затишья в споре, он тихонько спросил у Ани:

— А ты бы поехала со мной? На раскопки?

Аня кивнула, и в её взгляде читалась безраздельная вера и любовь. На долю секунды я даже позавидовал ему.

Только Лидия с Драйяном молчали, грустно улыбаясь друг другу. Да Лея всё прижимала к себе мишку. Она старалась держаться рядом с Лидией и была такой тихой, словно на самом деле хотела исчезнуть. Или же притворялась такой.

Я ворошил угли своим кинжалом, когда заметил внимательный изучающий взгляд. Обойдётся?

— А что бы сделал ты, будь ты Высшим? — тихонько спросила Серая у меня. Не обошлось. Что ж, стоит ответить правду — не раскрывая всего.

— Я бы приложил все усилия, чтобы и ты стала Высшей.

— Зачем? — по инерции спросила она, хотя и я, и она понимали: Серая уже догадывается, что я ей отвечу.

— Чтобы жениться на тебе. Чтобы у нас было столько детей, сколько мы захотим. Чтобы ты была счастлива.

— А разве статус Высшего даёт счастье?

Я замолчал и стал ворошить угли ещё сильнее. Я не знал ответа на этот вопрос.

Зарисовка 15. Зомби. Зомби? Зомби!

Серая, 4 сентября 3340 года

На этот раз я отправилась первой, а Анкин остался замыкающим. Возле меня оказался Эрик.

— Ты объяснишь, что это была за эскапада с... образцом?

Эрик задумался.

— Ты слышала, о чём я говорил на привале?

— Инфицированность может быть полезна?

— В общих чертах, да. Взгляни на Аню.

Анино лицо тускло светилось в пещерных сумерках.

— Она очень бледная.

— Да, но и только. И ещё — слух. Больше ничего!

— Но ещё непонятно, что может произойти. Ты не можешь гарантировать наверняка. В конце концов, не зря всех инфицированных дополнительно проверяют и отправляют на карантин.

— Как интересно, — послышался голос Крея. От жёсткого, холодного тона даже у меня пробежали мурашки по коже. — И когда ты собиралась нам это рассказать?

Кровь прилила к щекам. Я даже не подумала об этом! Конечно, у меня была такая толпа клиентов, но... Я делаю ошибки. Слишком давно я не была проводником.

— Я забыла, — прошептала я. — Я... Но... Разве это так плохо?

Тут, внезапно, вмешался Анкин.

— Ты знаешь много инфицированных? — зло усмехнувшись, уточнил он.

— Да! Их полно, даже среди проводников.

— А сколько из них были на карантине? — я задумалась, вспоминая.

— А я тебе подскажу: ни один.

Эрик коротко кивнул:

— Да, я как-то знакомился с экспериментами... Если после Лабиринта человек как-то проявлял неординарные способности, документально зафиксированные, его часто использовали в качестве испытуемого. На самом деле, это такая же работа, как и любая другая — но накладывает ряд ограничений. В частности, таким людям нельзя повторно посещать Лабиринт — однако, по согласованию с куратором эксперимента, им доступен отпуск на одном из курортов высших.

— И наверняка им нельзя заводить детей, — ровным голосом уточнила Аня.

— Вроде того, — снова кивнул Эрик.

Крей прикусил губу — так сильно, что на ней проступила кровь.

— Вы сейчас пытаетесь завести ребёнка?

— Уже, по-видимому, нет.

— Но можно же не говорить никому об инфицировании?

— Я... не знаю. А можно?

— Ну, всех выходящих не проверяют, это точно. Меня — ни разу, хотя я пару раз и была близка. Остаются ежегодные осмотры... Которые для беременных будут ещё тщательнее.

Эрик заулыбался:

— Ну так про острый слух можно и не говорить, на осмотрах проверяют только наличие слуха. А больше никаких изменений заметно не было. Я ещё кое-что захватил — есть у меня подозрение, что это за «инфицирование» такое. Я, если хочешь, сам проверю, что ничего другого не изменилось.

— Значит, решено, — кивнула я. — Никому про инфицированность Ани не говорим. Никто никого не кусал. Все слышали?

Я зорко оглядела всех. Кивнули все, хотя кто-то, как Некрида с Зариной, и были недовольны. А вот внимательный взгляд Анкина мне не понравился.

— Что-то не так? — тихонько уточнила я у него.

— Я понимаю твоё решение и поддержу его... Но ты не боишься, что у тебя будут проблемы?

— Проблемы? — удивилась я.

— Ты не сообщишь Высшим об источнике опасности. Ты так можешь даже потерять работу.

Я фыркнула.

— Я в это не верю. Подумай, какая от Ани опасность? А даже если есть — им же всё равно нужно угрожать побольше простых людей, разве нет? И, кроме того, я помню свой рабочий договор. Про инфицированность там ничего не было.

Мы наконец-то добрались до точки. Четвертая. На ней было светло, и мы ослепли — на несколько секунд.

Однако это были очень важные секунды.

Потому что когда я проморгалась, я услышала нежный вкрадчивый голос Анкина:

— А в зомби, любимая, ты веришь?

На нас надвигались плотные ряды страшных созданий, только напоминающих людей — и тех, с кем когда-то делили сухпак на точке, и ранее мне незнакомых.

Лея завизжала, и острый, пронзительный визг заполнил всё пространство точки, эхом отражаясь от куполообразного потолка и усиливаясь во много раз.

Зарисовка 16. Пуля — дура, а граната — вообще невменяемая...

Анкин, 5 сентября 3340 года

Спросив у Серой про зомби, я задумался сам. Верю ли я в зомби?

Существовало множество популярных фильмов про различные варианты зомби-апокалипсиса.

Где-то заражение зомби было вызвано вирусом, где-то — бактерией, где-то — подобно тому, как плесень делает из обычного сыра изысканный и портит хлеб, спорами проникало в мозги человека и всё тело.

Где-то было предположение, что зомби — это всего лишь новый вид людей.

Но в одном все фильмы сходились.

Если зомби на тебя нападают, нужно или убежать, или нападать. Стоять в ступоре не только бессмысленно, но опасно.

Вот и сейчас, если я и замер, то лишь на долю секунды: оценить обстановку. На нас напозла утробно рычащая огромная волна созданий, когда-то имевших человеческий вид. К сожалению, кого-то из них я знал — и, к ещё большему сожалению, не только я. Синий, весёлая девушка с живыми синими глазами, потерянный товарищ Серой и подруга бывшего разбойника Скита. Из её рта вываливалось что-то гадкое, то ли слюна, то ли её собственное разлагающееся тело. Чудесные рыжие волосы частью остались на голове, а частично обнажали голый череп, а в районе правого виска — нечто, похожее на мозги. Нос провалился, щеки впали. Руки с длинными скрюченными ногтями были направлены к нам, а синие пронзительные глаза, за которые она когда-то и получила своё милое прозвище, превратив его в имя, смотрели с нечеловеческой злобой.

Серая чуть слышно вздохнула, и достала катану. Хороший выбор, девочка, очень хороший. Здесь достаточно пространства, чтобы потанцевать с клинком, а если вспомнить, как ты умеешь это делать — осталось бы только позавидовать противникам, не будь их столь много. К тому же, если верить фильмам, то зомби должны чудесно и даже красочно разлетаться на части.

Вот справа от меня встала Зарина, загородив Некриду. Она размашисто фехтовала, сдерживая поток, то выступая чуть вперёд, то возвращаясь на место в строю. Рисковала она зря: здесь не было места для подвига, только монотонная тяжелая работа. Неудивительно, что она далеко не продвинулась по карьерной лестнице: если она не могла этого понять, офицером ей становиться не стоило. Такие офицеры могли сделать смертельный подвиг из обычной пробежки по пересечённой местности. Об этих людях снимали фильмы, но в реальной жизни от таких офицеров было куда больше вреда, чем пользы.

К тому же, как я вспомнил, у неё было задето плечо. К счастью, левое, но движения всё равно были скованными.

— Зарина! Не высовывайся! — прикрикнул я.

Сам я тем временем задвинул клиентов Серой подальше в коридор. Крею, чтобы нейтрализовать его кипучую деятельность, поручил охранять их. Аню снова стошнило — неудивительно, если бы я не был так занят, я бы тоже захотел опорожнить недавно

наполненный желудок.

Скит мотнул головой и достал пистолет. Я кивнул на место позади меня: там его не достанут, но он сможет нам помочь.

Я фехтовал своими длинными клинками мерно и буднично. Так, словно это были не зомби, а только куклы, марсианский полигон. Справа от меня длинным тесаком отбивалась Зарина: она меня послушалась и не нарушала строй. Слева, чуть поодаль, чтобы не задеть меня клинком, танцевала Серая.

Это был действительно удивительный танец. Ленты на её косе расплелись и крутились вокруг неё, завораживая и отвлекая врагов. Там, где успевала, она кратко тыкала своей открывашкой из-под катаны; на её лице играла лёгкая, чуть горькая полуулыбка.

Скит из-за моего плеча прицелился и выстрелил. Мне казалось, он хотел попасть в свою бывшую девушку, но в последнюю минуту его рука дёрнулась и он пробил насквозь голову следующего за ней зомби. Он стрелял ещё и ещё; большинство выстрелов попадали в цель, хотя некоторые и не причиняли вреда.

Мы сражались как могли, но зомби нас теснили. И тогда я достал то, что хранил на крайний случай — который, по-моему, наступил.

— Готовьтесь отступить! — крикнул я и меня мгновенно послушались. Серая, не прерывая танца, кивнула; Скит сделал шаг назад, не прекращая стрелять, ребята в коридоре отступили, освобождая нам место. Зарина сдвинулась тоже ближе к коридору, немного неловко, но всё же достаточно.

— Гранаты! — заорал я и кинул две в самое скопление. Мощные гранаты, армейское вооружение, доставшееся мне по блату — мало у кого из проводников было что-то подобное. Пришло время и для них.

— Уходим! — снова закричал я. Скит юркнул в коридор, Серая тенью проскользнула за ним, Зарина мешкала. Но медлить было нельзя. Я схватил её за первое попавшееся место, чтобы затащить за собой — увы, это оказалось раненое плечо. Она болезненно дёрнулась, освободившись, но кивнула. Я нырнул в коридор, и она отправилась за мной. Мы почти успели. Почти. Прогремело два взрыва — один за другим — и всё стихло. Мимо нас пролетела верхняя половина чьего-то тела, а Зарина истошно завопила. Из её левого плеча хлестала кровь. Руки не было.

Зарисовка 17. Девочка моя синеглазая

Серая, 5 сентября 3340 года

Я смотрела на изуродованное тело и не верила своим глазам. Сзади отдавал чёткие распоряжения Анкин, оказывая необходимый уход Зарине, но я не обращала на них внимания. У него и без меня было полно помощников. А здесь...

Синий, моя близкая подруга, с которой мы не раз обсуждали хитрости Лабиринта и политику Высших, с которой мы плавали наперегонки и загорали голышом на скалах, которая пропала несколько месяцев назад — да так и не вернулась, что я списала на непомерное количество интересных коктейлей, мой надёжный товарищ и преданный друг, лежала передо мною и хрипела. Её синие глаза, ещё мгновение назад бывшие дикими и тупыми, теперь отзывались усталостью, болью, и чем-то странным, похожим на надежду или даже облегчение. Откуда-то подскочил Скит и взял её за страшную, покрытую струпами руку.

— Мы тебя спасём, — прошептала я. — Слышишь?

Синий качнула головой. Мы обе понимали, что это было невозможно. Не здесь, не сейчас. Чудо уже, что она очнулась от этого дикого забытья — но, возможно, здесь повлиял лишь болевой порог и предсмертные судороги.

— Он был прав, — её губы размыкались и смыкались с трудом, и я скорее угадывала слова, чем слышала их или читала по губам. Голова её запрокидывалась, изо рта сочилась кровавая пена, дыхание было хриплым, — но она пыталась говорить, словно то, что она хотела сказать, было намного важнее её смерти.

— Кто? — скорее всего, она бредила — но я делала вид, что ничего не происходит, это просто светская беседа. И я упрямо старалась не смотреть ниже пояса, туда, где заканчивалось её туловище и начиналось развороченное кровавое месиво.

— Он, — повторила она, словно желая объяснить, что не может сказать ничего больше о персонаже, про которого говорит. — Пообещай мне, что если будешь внизу, то ты его выслушаешь. Вы оба, пообещайте.

— Кого? — я взглянула на Скита. Его брови были нахмурены, губы сжаты. Я так и не поняла, осознает ли он, о чём идёт речь.

— Пообещайте, — с нажимом сказала она. Её тело — то, что от него осталось, — дрожало, кожа приобрела ещё более серый, восковой оттенок, а зрачки расширились.

— Обещаю, — прошептала я. Скит кивнул.

В её диких синих глазах на долю секунды промелькнуло удовлетворение, и она, подарив нам жуткую улыбку, чуть слышно прошептала наполовину разложившимися белыми губами: «Спасибо»...

С губ сорвался последний вздох. Её глаза остекленели.

Я закрыла их.

На плечо опустилась рука — я оглянулась. Анкин. Он смотрел на меня сочувствующе и немного печально.

— Как Зарина?

— Руку здесь точно не восстановить, так что до выхода придётся ей походить

однорукой. Я подлатал её и дал снотворное. Она спит.

— Спасибо, — горечь наполнила моё сердце. Анкин был тут как раз кстати, в медицине, особенно прикладной, он понимал на порядок лучше. Я старалась просто не допускать ранений, и необходимого опыта набраться было негде. Но сейчас проводником была я, и я поступила просто неправильно, предпочтя последние минуты друга заботе о клиентах.

— Это должна была сделать я, — тихо произнесла я.

— Серая, ты не можешь быть везде. Позволь мне помочь. В конце концов, это из-за меня вы все здесь очутились. Ничего этого бы не было, если бы я не выдернул тебя из отпуска, если бы мы на вас не напали на третьей точке, если бы мы выбрали другую дорогу сейчас — я же мог понять, что этот туннель ведёт к четвёртой точке, и про её дурную славу я помнил. Я просто искупаю малую долю того, что я натворил.

— Неважно. Спасибо.

Завернув за спасительный угол, я осмотрела четвёртую точку. Размётанная гранатами живая масса больше была не опасна: она вяло копошилась по углам, напоминая о недавней агонии подруги. Я никогда к такому не привыкну. Никогда.

За моей спиной встали все, кроме спящей Зарины. Анкин. Скит и Некрида, Лидия (Драйяном, Эрик, Крайя, Крей и Аня, Эрик и Лея, возле ног которой крутился волчок.

— Ну мы и натоптали, — неловко пошутил Скит. Его волчок радостно тявнул.

Мне внезапно захотелось и рассмеяться, и расплакаться — они здесь, и они меня принимают, и не злятся, что я не довела их по крайней мере в целости, и они готовы меня поддержать — и, возможно, будут поддерживать и дальше. И...

— Поможете мне здесь всё прибрать?

Зарисовка 18. После нас хоть...

Анкин, 5 сентября 3340 года

Горели костры. Дым от них тянулся куда-то вверх, исчезая в дымке под самым куполом. В кострах — тела, тела, тела... Сколько их было? Десятки? Сотни?

Мы задержались на несколько часов — но никто не было против. Даже Лея, ребёнок, подтаскивала оторванные конечности поближе к пламени. Хотя Серая её и не просила. Когда же Серая отвела её в сторонку, чтобы поблагодарить, девочка просто кивнула — и сказала несколько ответных слов благодарности. Что её не бросили, что о ней заботятся, что её защищают... На секунду мне показалось, что она хотела что-то добавить: шевельнулись губы, чуть нахмурился лоб. Но через мгновение всё исчезло, и девочка отошла, продолжив уборку.

Когда костры догорали, на точку ворвалась Лучница с клиентом. Лучница пользовалась преимущественно метательными снарядами. Для атак издали она использовала небольшой изящный лук, который поражал бронейностью, меткостью и скорострельностью. Хотя, скорее, дело было в самой лучнице: как-то она предложила мне попробовать свой лук — мои ножи оказались для меня на порядок удобнее. Впрочем, метательные ножи она тоже использовала — на средних дистанциях и даже при схватке вплотную, фехтуя ими с отчаянной скоростью, успевая метать новые и не подпуская к себе противников слишком близко. Я даже не знал, то ли это прозвище — в честь такого отношения к оружию, среди которого лук она берегла дороже жизни, и своей, и чужой, — то ли это было её настоящее имя, которое и повлияло на её стиль боя и жизни.

Они шагнули из туннеля, готовые к атаке. Стрела в заряженном луке была направлена то на меня, то на Серую, а клиенты — две молоденьких девчушки, симпатичные и смугленькие, — высовывались из-за её спины, одна — с самодельным луком, другая — с метательным ножом. Лучница внимательно осмотрела нас и вздохнула, опустив лук.

— Серая? Анкин? Что здесь было? Наши пути пересеклись с бешеным носорогом — мы почли за лучшее уйти правее. Про эту точку рассказывали всякое...

Серая шагнула к ней и они крепко обнялись.

— Кто-то вроде зомби. Синий тоже здесь была.

— Как, она жива? — обрадовалась Лучница.

— Уже нет, — тихо сказала Серая. — Вы здесь останетесь? Мы и так здесь задержались, убирались, — её голос чуть дрогнул, и Лучница ласково погладила её по плечу.

— Конечно, милая. Вас тут целая толпа. Общие клиенты?

— Вроде того, — не дал я ответить Серой и приблизился к ним, пожав руку Лучнице. — Как там дорога дальше?

— Знаете, — пожала плечами Лучница, — на удивление хорошо. По крайней мере на вход. Разве что бешеный гиппопотам.

— Ты же говорила, носорог? — удивился я.

Лучница хмыкнула:

— Когда на тебя несётся огромная серая туша, с огромной скоростью протискивающаяся в узком туннеле, обычно нет времени рассмотреть, есть у неё рог или

нет.

— У него был рог! — возразила девушка с луком.

— И шерсть, — добавила девушка с ножом.

— И высотой метра три! Он сшибал потолок пещеры и устроил даже мини-землетрясение.

— Землетрясение, скорее, устроили мы, — задумчиво произнесла Серая. — А зверь, скорее, был эласмотерий. По простому — Мотя.

— Эласмотерий? — радостно воскликнул Крей. Всё ему неймётся... — А можно на него посмотреть?

Да уж, когда у людей мозги забиты наукой, на мыслительную деятельность места не остаётся. Надо было прерывать это безобразие.

— А как вас зовут, юные воительницы? — улыбнулся я. Девушки правда были хороши: сияющие глаза, русые собранные волосы, обтягивающая одежда. Конечно, они были очень молоды, и поэтому я улыбался им не столько как девушкам — сколько как детям, милым, красивым детям... ну, почти.

— Я Ая.

— А я Ея.

— Очень приятно, мы о вас столько слышали! — хором добавили обе и засмутились.

— Нам пора идти, — спокойно произнесла Серая. — Спасибо за точку. Выход горящего камня и ручей на месте. Может, вам удастся смыть хоть часть этого...

Одной из обязанностей проводников было следить за состоянием точек — по мере возможности, конечно. Поддерживать костры — благо, что выходы горючих камней были на каждой точке, — не мусорить, следить за безопасностью... Так что то, что мы делали для точки было не столько желанием души проститься с погибшими — но и просто прямой обязанностью.

— Это вам спасибо, — вздохнула Лучница. — Не думаю, что мы справились бы сами со всем этим...

Кровь на стенах и полу пещеры, останки тел, сжигаемых в кострах... Я не стал говорить, что их здесь было больше. Намного больше. Зачем пугать девушек? Пусть отдохнут.

— Может, вам и не нужно было? — улыбнулась Серая.

Это поверье — что у каждого в Лабиринте был свой путь — было очень популярно среди проводников. Может, в этом и была доля правды — но, как по мне, такая вера была просто спасательным кругом, надеждой на некий позитивный фатализм, оберегающий от слишком тяжёлых ударов судьбы.

— Возможно, — кивнула Лучница. — Нам всё равно нужно передохнуть, уж очень долго мы бежали от носорога. Может, на ночь даже останемся, припасов полно. Вышли мы из левого туннеля, если что — так что туда лучше не надо.

Крей горестно вздохнул. Остальные только порадовались.

— Да, и ещё, — вдруг сказала Лучница. — Снаружи что-то... происходит.

— Что? — удивилась Серая.

— Там Высшие. И они кого-то — или чего-то — ждут.

Зарисовка 19. Во саду ли, в огороде

Серая, 5 сентября 3340 года

Мы шли по узкой дороге, кругами ведущей вверх. Песчаные стены поворачивали всё направо и направо, а пол медленно поднимался. Я задумалась, а правильно ли мы сюда пошли? Может, проще было подождать? Или сразиться с мотей?

Когда мы вышли с точки по нужному туннелю, навстречу — из разных коридоров — выскакивали люди. Работающие проводники с клиентами. Они все рассказывали про бешеного эламотериума, который, похоже, и отрезал их от обходного пути. Узнав, что точка свободна, все радовались и веселились — и тут же грустили, узнав о Синий. Хоть она и пропала несколько месяцев назад, все её до сих пор помнили и очень тепло о ней отзывались. И спешили на точку, чтобы помочь привести в порядок. На секунду я даже подумала, а могли Лабиринт их сюда специально загнать? И чтобы показать, что точка свободна, и чтобы они помогли разобраться с точкой до конца? Бред, конечно же, бред. И всё же, с мотей лучше не встречаться. Гранат у нас не осталось, изнутри его шкура не тоньше, чем снаружи, а скорость и масса у него сумасшедшая. Саблезубики по сравнению с мотей — просто котятка.

Вот мы и шли по незнакомому туннелю, который вёл почему-то всё выше и выше. Разбойник почему-то стал нервничать и озираться по сторонам.

— Что такое, Скит? — спросила его Некрида, ни на шаг не отходящая от него.

— Я... я знаю эти места.

— Там есть проход? — уточнила я.

— Да... я там раньше жил.

Я удивилась. Я, конечно, помнила, что Скит — давний клиент Анкина. И что вряд ли Анкин потерял его на первой же точке. Но... Мысль о том, что можно жить вне обитаемых мест, была для меня дикой. Но сейчас его прошлое нам было только на руку.

— Там есть что-то, что должно нас беспокоить?

— Нет, ничего такого. Просто... воспоминания.

Я решила поверить Скиту — ровно настолько, чтобы идти дальше, не ожидая какой-либо подлянки. Наконец, за поворотом показалось.... Поле. Стройные кукурузные початки взмывали к потолку, сквозь который причудливым образом проникали солнечные лучи, чуть дальше располагались ровненькие ряды картошки, а правее — ряд малины — чудной деликатесной ягоды, составленной словно из множество зёрнышек.

— Малина! — заверещали девочки и кинулись к ней.

— Стоять! — рявкнула я. — Куда вперёд Проводника в пекло лезете?

Аня и Крайя потупились.

— Можно? — робко спросила Крайя.

— Погоди... — я подошла к кусту, осмотрела его. Сорвала ягоду, со всех сторон осмотрела, понюхала. Отковырнула одно из зёрнышек, покатала на языке.

— Эрик, проверь. Мне кажется, что это обычная малина. Такая иногда встречается в Лабиринте.

Эрик проделал все те же действия, что и я, — и с удовольствием скормил ягоду Крайе.

— Ладно, можете полакомиться, — махнула рукой я. — Но аккуратнее! Местность неразведанная, Скит здесь давно не жил, мы про неё ничего не знаем. Рюкзаки не снимать, по сторонам глядеть. Понятно?

Клиенты поспешно кивнули, — а я порадовалась, что они стали такими послушными. Может, и дойдём ещё до выхода...

Я и сама, не снимая поклажи, решила тоже отведать малины.

— Будешь? — подошел ко мне сзади Анкин. В его руке была целая горсть ягод.

— Ну давай, — пожалала я плечами и потянулась к ягодам рукой.

— Нет, не так, — он ухмыльнулся, отдернул руку и взял ягоду своей рукой. Медленно положил мне в рот. Я так же медленно разжевала её и проглотила.

— Вкусно, — прошептала я.

Меня вдруг бросило в жар: наверное, здесь было на порядок теплее, чем в остальной части Лабиринта. Но почему-то я не стала скидывать куртку и не достала воды. Я не отрываясь смотрела, как Анкин подносит ко мне одну ягоду за другой, и как внимательно, без тени улыбки, он смотрит, как они исчезают за моими губами.

Ягоды в его руке закончились, а мы всё также, не отрываясь, смотрели друг на друга.

— У тебя здесь сок, — осипшим голосом пробормотал он.

— Где? — так же ответила я.

— Вот здесь, — он коснулся рукой моих губ и резко накрыл мои губы своими. Я закрыла глаза. Всё казалась таким нереальными и таким... правильным? Колени внезапно ослабли, и я теснее прижалась к Анкину.

— Кто пришёл в мою малину без спроса и ест её? — раздался страшный, гроыхающий голос.

Я открыла глаза. С другой стороны сада — там, куда мы собирались пройти — стояло огромное страшилище. Массивная туша, покрытая волосами с ног до головы. На голове у него были огромные рога, а вместо носа — уродливое кабанье рыло. Глаза светились нечеловечьей злобой, а массивными лапами он держал огромный валун — такой, что вполне мог пришибить троих человек и не заметить.

Ну почему он не пришел минутой позже?

Зарисовка 20. Садовник

Анкин, 5 сентября 3340 года

И почему этот Садовник не пришёл минутой позже? Я был почти в отчаянии. Почти — потому что столько адреналина и радостного возбуждения я не испытывал уже давно.

Чудище. Садовник. Появился в последние месяцы — до этого о нём не было слышно. Значит, либо с ним никто не встречался, либо... этой встречи просто не пережили. И ещё это значит, что Серая про него ничего не знает — ни кто это, ни как с ним бороться.

Садовника встречали в верхних уровнях Лабиринта — не самых верхних, где лежит снег, дует промозглый ветер и без шипов на сапогах пройти почти нереально, — а верхних, где встречаются неопасные животные и интересные растения, как здесь. Я не ожидал его здесь увидеть, потому что здесь было жилище Скита — но, впрочем, что мешало Садовнику занять это место после того, как Скит отсюда ушел? Стоит отметить мудрость Серой — хоть она и чувствовала себя в безопасности, но поклажу не скинула и нам не дала. Осмотреться, конечно, не помешало бы до того, как мы увлеклись малиной, ну да что уж теперь. Хотя только сейчас я понял, что с самого начала меня смутило, хоть я и не придавал этому значения: сад был ухоженным. Ровные рядки картошки — слишком ровные и даже окученные. В малине не было зарослей сорняков, а кукурузные початки частично были собраны... Конечно, оставалась возможность, что здесь поселился другой человек — но даже в Лабиринте нет существа страшнее, чем человек, так что здесь следовало бы не удвоить, а утроить осторожность.

Я всё больше и больше вспоминал о Садовнике. К счастью, я не встречал его лично ранее, но слышал о нём достаточно. Его могучие лапы выделяли какую-то кислоту, которая могла разъесть человеческую плоть, он был невероятно силён и быстр, а шкура была такой прочной, что могла выдержать взрывы трёх гранат. Тактика сражения? Бежать!

Именно это я и прокричал остальным. Мы развернулись и кинулись к выходу: даже эмостриум не такой страшный, как это чудовище. Поздно. Огромный камень пролетел прямо перед нами — и прокатился по уходящему вниз ходу, под конец заткнув его, как пробка бутылку. Мы оказались отрезаны. Осколки камня посекали нас — я видел, что досталось и мне, и Серой, и Лее, и Лидии с Драйяном. И быстро шагнул в тень: конечно, сейчас не до того, но кто-то всё равно мог разглядеть, как царапины заживают прямо на глазах. Одна из причин удобства медицинского набора — всегда можно сослаться на доставшиеся с помощью связей особые лекарства, и даже показательно намазаться ими.

Пушок сердитым лаем кинулся вперёд — держась на расстоянии пяти метров от чудища, он сосредоточенно облаивал врага. Чудовище наклонилось, чтобы схватить волчонка и раздавить его... И выпрямилось, потому что перед ним выскочила словно из ниоткуда Лея.

— Не трогай его! Он тебе ничего не сделал. Ты — плохой! Плохой! Как ты смеешь так обращаться с маленькими?

— Инициирована, — довольно кивнул Садовник. О чём это он? — Хорошо, я вас не трону. Но плату всё равно возьму. Кажется, нужно ускорить превращение, а то ещё выпустят тебя отсюда, на опыты растащат...

Я же говорил, что Лея не так проста! Чудище наклонилось и огромным синим языком с желтыми шипами облизало волосы Леи.

Лея заплакала. А я вдруг заметил, что за время нашего путешествия она вытянулась, стала смуглее, руки стали больше и на них оказалось больше волос... потому что прямо сейчас это всё усиливалась — и перед нами стояла миниатюрная копия Садовника.

— Можете идти, — разрешил он. — Четвертый туннель по правой стороне выведет вас прямо к следующей точке. В следующий раз не берите чужое без спроса, особенно в Лабиринте. Не болтать! — вдруг рявкнул он в ответ на чьи-то перешёптывания. — А то передумаю. Прочь!

И чудище шагнуло назад — и словно растворилось в густом тумане, невесть откуда взявшемся. А мы, торопясь, отправились вперёд, считая туннели. Точнее, туннели считал я, а Серая тянулась позади. Я мысленно застонал: неужели она пытается общаться с чудовищем, в которого превратилась Лея? Оставить бы эту девку её родственничку-монстру, да и делов-то! Нам-то она зачем нужна? Она — не человек, и только вопрос времени, когда это чудище увидит в нас еду!

Насчитав нужный туннель, я раздражённо шагнул в него... и покатился вниз. Лабиринт подери, да что же это за невезение такое? Осталось только надеяться, что чудище не соврало, и этот туннель выведет нас к нужному месту без приключений — моё падение всё ускорялось, и даже увидев перед собой саблезубого, я бы не смог уклониться.

Зарисовка 21. Дом

Серая, 5 сентября 3340 года

Я шагала рядом с Леей. Что я должна была ей сказать? Я сама виновата в том, что с ней произошло.

— Лея, слышишь меня? Мы тебя не бросим. — я тихонько гладила её по мохнатому плечу. — Мы найдем способ, как вернуть тебя обратно. И выведем из Лабиринта. Тебя же там кто-то будет ждать?

Девочка-монстр попыталась что-то ответить, но из горла раздался хрип. Я взглянула на неё: Лея плакала! По шерсти на лице скатывались крупные слёзы.

— Лея, я с тобой. Слышишь? Я с тобой. — Я крепко обняла девочку и мы ускорили шаг.

Анкин первый прыгнул в нужный туннель. Я была благодарна, что сейчас он нас вёл: он дал мне возможность побыть с Леей. Именно это и было нужно и мне, и ей. Проследив, как все остальные скрылись в проходе, я поцеловала Лею в мохнатый лоб и отправила следом. Взглянув последний раз на райский уголок, уже наполовину скрытый туманом, я и сама прыгнула в дышащий холодом зев пещеры.

Я ни секунды не сомневалась в том, что туннель выведет нас к нужной точке. Почему-то я верила Садовнику. Потому ли, что он нас не съел, или потому, что за последние три месяца, когда я держалась подальше от могильного холода и подкрадывающейся на каждом шагу опасности, я стала иначе воспринимать Лабиринт? Вместе с ненавистью пришло осознание, что он — или оно — живое?

Ледяные скаты закруглялись и заканчивались. В глубине стен пролетали мимо нас давно вмерзшие в снег диковинные птицы, звери, насекомые. Они явно пролежали тут не один год — я бы ставила на столетия. Но столетия назад Лабиринта ещё не было. Или был?

Наконец, спуск стал совсем пологим.

— Тут всего метр прыгать — и пятая точка! — довольно прозвенел голос Анкина, многократно отражённый ледяными стенами.

Пятая точка была полна. То тут, то там звенели песни и смех. Иногда мне казалось, что в нашем мире громче смех и звонче песни были именно здесь, в Лабиринте. После смертельной опасности жизнь кажется слаще, намного слаще. Если только ты в этой смертельной опасности не потерял близкого человека...

Мы направились к уголку неподалёку от основного туннеля к шестой точке. Я разрешила костёр — и ребята с удовольствием бросились за камнем, и, красуясь друг перед другом, развели огонь на старом кострище. Зазвенели ложки, чашки... Я накормила Лею, Волчок поужинал крысой, которую неизвестно где достал. Остальные разобрались сами — аппетит после такой прогулки был на зависть. Когда уже начали готовиться ко сну, я услышала тихий разговор — и вдруг заслушалась. В уголке, укромно скрытом от любопытных взглядов, прижавшись друг к другу как пара озябших снегирей, сидели Скит с Некридой.

— Понимаешь, я раньше верил, что дом — это место, где ты можешь разуться. Последние месяцы моим домом был Лабиринт, и разуться для меня было одним из способов — самых простых! — почувствовать себя в безопасности. Хотя, знаешь, — Скит нежно

взглянул Некриде в глаза, — Даже безопасность не так важна, как само ощущение дома. Сейчас я думаю, что дом — это не место, где ты можешь снять обувь. Это вообще не место. Дом — это когда рядом находится самый близкий, самый родной для тебя человек, — Скит взял девушку за руку. Некриду пробила дрожь. Она явно боялась того, что он может сказать дальше, но ждала этих слов.

— Так что сейчас я дома, — они сидели, нежно обнявшись, и я поражалась, как счастье преобразило их лица. Они словно светились, а нежные улыбки делали их обоих почти красивыми. Может, и меня ожидает такое? Счастье...

Я оглянулась на Анкина, и меня обдало волной холода. Он смотрел на меня мрачно, сжимая кулаки в бессильной злобе.

— Серая, нам надо поговорить.

Внутри всё оборвалось.

— Что ты хочешь мне сказать, проводник?

Зарисовка 22. Честность

Анкин — Серая, 5 сентября 3340 года

— Неужели ты не понимаешь, что для тебя это — шанс?

Серая побледнела, на её лице застыло каменное выражение. Кажется, еще слово — и она меня просто разорвёт на куски. Но она должна...

— Какой... шанс?

— Шанс стать Высшей. Ты — самый лучший проводник. Тебя должны были сделать Высшей чуть ли не год назад. Но твою привычку вытаскивать чуть ли не с того света нежилецов воспринимают как чёртову любовь к людям! Если бы ты потеряла хоть одного человека, тебя бы на выходе встречали чуть ли не с парадом! Скит, дай свой пистолет. Держи. Так тебе будет проще убить чудовище. Серая! Милая моя, ну возьми же пистолет! Пойми ты, это уже не Лея. Когда-то она была девочкой, но сейчас это — монстр! В любой момент она может убить тебя, и твоих клиентов, и много кого ещё!

Я смотрел в её серые глаза и молился. Существующим и несуществующим богами, Совету, всем Высшим и всему человечеству. Я молил даже сам Лабиринт!

Серая, пожалуйста, поверь мне! Ты знаешь, я никогда бы не позволил случиться с тобой чему-нибудь плохому!

— Откуда... откуда ты это знаешь? Откуда, Лабиринт подери тебя в задницу, ты всё это взял?

Голос Серой дрожал, побледневшие губы дрожали на белом как мел лице.

— Серая, пожалуйста, возьми, — я вложил в её ладонь рукоять и крепко сжал её руку своей. — Я не должен был тебе говорить, пока ты тоже не стала, но врать тебе я не буду. Я Высший, Серая.

Девушка выдернула свою ладонь из моей, и пистолет с оглушительным грохотом упал на каменный пол. В гнетущей тишине снова и снова отдавалось эхо от упавшего пистолета. Серая, не мигая, смотрела в мои глаза. Пожалуйста, Серая.

— Уходи, — прозвенел её голос. — Уходи сейчас же. Девочка останется со мной.

Огромное косматое чудовище благодарно наклонило голову, и что-то свернуло в его шерсти. Что это? По мохнатому лицу текли... слёзы? Неужели я ошибся?

— Уходи, — прошептала девушка, и что-то в её голосе заставило меня подчиниться.

— Хорошо. Я ухожу.

Скит поднял пистолет, спрятал его и спокойно сказал, что идёт со мной. Тут же вскочила Некрида, схватив его за руку. Зарина неторопливо встала.

— Прости, — отрывисто произнесла она. — Она моя подруга.

Я всё понимала. Кивнула и отвернулась.

И они ушли. Вчетвером.

Мы сидели и молчали. Никто не предлагал двигаться дальше, видимо, понимая, что сейчас мне нужно прийти в себя. Когда они стали такими близкими и бережными ко мне?

Крайя встала, и принялась ходить вдоль стенки, что-то весело рассказывая, наверняка пытаюсь всех взбодрить? расшевелить? Неуместно, но... вполне понятно. Интересно, болтливость — это у них семейное?

Остальные вяло реагировали на разговор. Лея сидела, попытавшись вжаться в угол, но при её огромных размерах это было невозможно.

Внезапно Крайя замолчала, а потом воскликнула:

— Что это?

— Ты про что? Крайя, не трогай!

Но было уже поздно. Крайя нашла камень странной формы, похожий на рычаг и передвинула его. Несколько секунд напряжённой тишины — и раздался страшный грохот. Отовсюду послышались испуганные крики, зазвенела сталь, готовая отразить любую напасть... и снова пряталась в ножны.

Никто не напал. Ничего не произошло — кроме того, что несколько проходов засыпало крупными валунами. В том числе и основной — тот, куда ушёл Анкин.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net